Очарование
Джудит Макнот
Укрощение любовью, или Уитни
Клиника Шарм

Джудит Макнот

Укрощение любовью, или Уитни

Серия «Уэстморленды», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143123
Укрощение любовью, или Уитни : [роман] / Джудит Макнот; пер. с англ. Т.А. Перцевой.: АСТ, Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-072519-9, 978-5-271-34832-7

Аннотация

Гордую красавицу Уитни Стоун отправили во Францию, дабы избавить от полудетского увлечения привлекательным, но небогатым повесой и подготовить к браку с более подходящим женихом.

Однако судьба оказалась много сильнее и подарила девушке встречу с Клейтоном Уэстморлендом – мужчиной, обладающим пламенной душой авантюриста и редким обаянием…

Так, почти случайно, началась история опасных тайн, загадочных приключений и преданной любви.

Книга также выходила под названием «Уитни, любимая».

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 14
Глава 3 18
Глава 4 22
Глава 5 29
Глава 6 32
Глава 7 40
Глава 8 46
Глава 9 50
Глава 10 56
Глава 11 69
Глава 12 75
Конец ознакомительного фрагмента. 89

Джудит Макнот
Укрощение любовью, или Уитни Макнот

Памяти Майкла, друга, мужа, возлюбленного

Judith McNaught
WHITNEY, MY LOVE

Перевод с английского Т.А. Перцевой
Компьютерный дизайн Э.Э. Кунтыш

Печатается с разрешения издательства Pocket Books, a division of Simon & Schuster, Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Judith McNaught, 1985, 1999
© Перевод. Т.А. Перцева, 2000
© Издание на русском языке AST Publishers, 2011

Глава 1

Англия, 1816 год

Элегантный дорожный экипаж подпрыгивал и неуклюже трясся на ухабах проселочной дороги, и измученная долгим томительным путешествием леди Энн Джилберт, нетерпеливо вздохнув, прислонилась щекой к плечу мужа:

– Еще целый час езды, не меньше, а неизвестность просто терзает меня! Хотелось бы поскорее увидеть, какой стала Уитни теперь, когда выросла и повзрослела!

Леди Энн снова вздохнула и надолго замолчала, рассеянно глядя из окна кареты на луга и поля, заросшие высокой сочной травой, среди которой ярко пестрели розовая наперстянка и солнечно-желтые лютики. Подумать только, она не видела свою племянницу Уитни почти одиннадцать лет! Кто может знать, как изменилась она за это время!

– Она наверняка такая же хорошенькая, как и ее мать. И унаследовала материнскую улыбку, доброту и мягкость, милый покладистый нрав…

Лорд Эдвард Джилберт бросил на жену скептический взгляд.

– Покладистый нрав? – с веселым недоверием осведомился он. – По-моему, ее отец упоминал вовсе не об этом, скорее наоборот…

Как опытный дипломат, атташе британского консульства в Париже, лорд Джилберт был непревзойденным мастером намеков, недомолвок, уверток, иносказаний, отговорок и интриг, но в личной жизни предпочитал бодрящую альтернативу резковатой прямоты и поэтому всегда резал правду в глаза, какой бы неприятной она ни была.

– Позволь освежить твою память, – сказал он, порывшись в карманах и извлекая оттуда письмо от отца Уитни. Лорд насадил на нос очки и, с мрачной решимостью проигнорировав гримасу леди Энн, начал читать: – «Манеры Уитни поистине ужасны, поведение невыносимо. Она своевольный сорванец, приводящий в отчаяние всех знакомых. Сколько раз она ставила меня в неловкое положение! Умоляю вас взять ее с собой в Париж в надежде, что, может, вы сумеете добиться большего успеха в воспитании этой дерзкой упрямой девчонки, чем я». Ну? Можешь ты показать место, где говорится о ее «милом нраве»? – хмыкнул Эдвард.

Жена наградила его раздраженным взглядом.

– Мартин Стоун – холодное, бесчувственное чудовище, и, будь Уитни святой, он все равно нашел бы, к чему придраться! Вспомни, как он кричал на нее и отослал в спальню в день похорон моей сестры!

Эдвард, заметив вздернутый подбородок леди Энн, примирительно обнял ее за плечи.

– Мне тоже не по душе этот человек, но ты должна признать, что, когда теряешь молодую жену, безвременно ушедшую из жизни, и собственная дочь обвиняет тебя перед пятьюдесятью собравшимися в том, что ты запер маму в ящик, боясь, как бы она не сбежала, все это крайне неприятно и отнюдь не способствует смягчению нрава.

– Но Уитни тогда едва исполнилось пять! – горячо запротестовала Энн.

– Согласен. Только Мартин был вне себя от горя! Кроме того, насколько я припоминаю, он отослал ее наверх не за этот проступок. Это было позже, когда все собрались в гостиной, а Уитни затопала ногами и пригрозила пожаловаться Богу, если мы немедленно не освободим ее маму.

– Какой неукротимый дух, Эдвард! – улыбнулась Энн. – В тот момент мне показалось, что с ее маленького носика вот-вот слетят веснушки! Признайся, она была великолепна.

– Сказать по правде… да, – покорно согласился Эдвард. – По крайней мере мне так показалось.

В то время как фаэтон Джилбертов пересекал границы поместья, небольшая компания молодых людей ожидала на южной лужайке, нетерпеливо поглядывая в сторону конюшни. Миниатюрная блондинка разгладила розовые юбки с оборками и картинно вздохнула с таким расчетом, чтобы продемонстрировать завлекательную ложбинку в декольте.

– Как по-вашему, что задумала на этот раз Уитни? – поинтересовалась она у стоявшего рядом красивого светловолосого джентльмена.

Глядя в широко раскрытые голубые глаза Элизабет Аштон, Пол Севарин улыбнулся. Боже, Уитни отдала бы правую руку, лишь бы эта улыбка была обращена к ней!

– Попытайтесь быть чуточку терпеливее, Элизабет, – посоветовал он.

– Ах, Элизабет, конечно, никто из нас не имеет ни малейшего представления о том, что задумала на этот раз Уитни, – колко заметила Маргарет Мерритон. – Но можете быть уверены, это наверняка что-нибудь глупое и совершенно возмутительное!

– Маргарет, мы все сегодня в гостях у Уитни, – упрекнул Пол.

– Не пойму, почему вы вечно ее защищаете? – злобно возразила Маргарет. – Право, тошно смотреть, как она гоняется за вами на виду у всех, ничуть не скрывая своих намерений, и вам прекрасно это известно! Совершенно непристойное зрелище!

– Маргарет! – рявкнул Пол. – Я сказал, довольно!

И молодой человек, раздраженно вздохнув, уставился на свои начищенные до блеска сапоги. Уитни действительно выставляет себя на посмешище, преследуя его, и в округе все только об этом и говорят, черт возьми!

Сначала он просто забавлялся, обнаружив, что стал объектом томных взглядов и обожающих улыбок пятнадцатилетней девочки, но позже Уитни начала всерьез преследовать его, с решимостью и блестящей тактикой Наполеона в юбке.

Стоило ему выехать за пределы поместья, и Уитни обязательно встречалась на пути, словно устроила где-то поблизости тайный наблюдательный пункт или подкупила слуг в доме Пола. Так или иначе, каждое его движение немедленно становилось ей известно, и Пол вскоре уже не считал это детское увлечение безвредным или забавным.

Три недели назад она последовала за ним до местного постоялого двора, и Пол, занятый приятными размышлениями относительно того, стоит ли принять произнесенное шепотом приглашение дочери хозяина прогуляться на сеновал, случайно поднял голову и встретился взглядом со знакомыми ярко-зелеными глазами, смотревшими на него через оконное стекло. Отшвырнув кружку эля, он почти вылетел наружу, вцепился Уитни в локоть и бесцеремонно усадил в седло ее же лошади, сухо напомнив при этом, что отец, несомненно, будет разыскивать дочь, если та не появится дома к вечеру.

Решив, что избавился от девчонки, он вошел в дом и потребовал еще одну кружку эля. Дочь хозяина принесла заказ и, наклонившись, зазывно скользнула тяжелой грудью по его плечу, но в тот момент, когда перед молодым человеком предстало внезапное соблазнительное видение двух обнаженных тел, сплетающихся в объятиях на сене, в другом окне показались все те же прозрачные зеленые глаза! Пришлось бросить на стол пригоршню монет, чтобы исцелить раненое самолюбие испуганной девушки, а самому уехать… только лишь затем, чтобы снова встретить мисс Стоун на обратном пути.

Он начинал чувствовать себя добычей, к которой подкрадывается неумолимый охотник, преступником, которого вот-вот схватят, и терпение молодого человека было на пределе. И все же, раздраженно думал Пол, он стоит под ярким апрельским солнцем, пытаясь по какой-то непонятной причине защитить Уитни от нападок, которые та, несомненно, заслужила.

Хорошенькая девушка, Эмили Уильямс, на несколько лет моложе остальной компании, встревоженно взглянула на Пола.

– Думаю, мне стоит посмотреть, что так задержало Уитни, – пролепетала она и поспешно пересекла лужайку, шагая вдоль выбеленного забора, примыкающего к конюшне. Распахнув большие двойные двери, Эмили вгляделась в длинный коридор, по обеим сторонам которого были устроены стойла.

– Где мисс Уитни? – спросила она у младшего конюха, ведущего на поводу гнедого мерина.

– Сюда, мисс.

Даже в полумраке Эмили заметила, как вспыхнуло лицо мальчика, кивнувшего на кладовую.

Эмили с недоумением взглянула в сторону побагровевшего парнишки, тихо постучала в дверь и вошла, но тут же застыла при виде представшего ее глазам зрелища. Длинные ноги Уитни Элисон Стоун обтягивала грубая коричневая ткань бриджей для верховой езды, почти непристойно облепивших ее стройные бедра и подвязанных на талии обрывком веревки. Кроме бриджей, на Уитни была лишь тонкая сорочка.

– Но… неужели ты выйдешь на люди в таком виде? – охнула девушка.

Обернувшись, Уитни веселым взглядом окинула изумленную подругу.

– Конечно, нет! Сверху я наброшу рубашку.

– Н-но поч-чему? – с отчаянием пробормотала Эмили.

– Потому что вряд ли прилично показываться в одной сорочке, – жизнерадостно пояснила Уитни, снимая с колышка чистую рубашку конюха и просовывая руки в рукава.

– П-прилично? Да разве пристало появиться при всех в мужских штанах?! Ты ведь знаешь…

– Верно. Но не могу же я скакать на лошади без седла в этих юбках?! Да ветер просто поднимет их мне на голову, и что будет тогда? – весело объяснила Уитни, скручивая длинные непокорные волосы в узел и скрепляя его на затылке.

– Скакать без седла?! Ты хочешь сказать, что осмелишься сесть на лошадь верхом? Да отец лишит тебя наследства и выгонит из дома, если ты осмелишься на такое!

– Я не собираюсь скакать по-мужски, – хохотнула Уитни, – и кроме того, не понимаю, почему мужчинам позволено удобно усаживаться в седло, а мы, женщины, слабый пол, должны сидеть боком и молить Бога о том, чтобы не оказаться под копытами коня.

Но Эмили не собиралась отвлекаться от темы:

– В таком случае что ты намереваешься делать?

– Никогда не подозревала, до чего же ты любознательна, молодая леди, – поддразнила Уитни. – Но так и быть, отвечу: я хочу мчаться как ветер, стоя на спине лошади. Когда-то видела такое на ярмарке и с тех пор упражнялась. И когда Пол увидит, на что я способна, конечно…

– Он просто посчитает, что ты сошла с ума, Уитни Стоун! Пол подумает, что ты ужасно невоспитанна и делаешь все это, чтобы привлечь его внимание. – И, заметив, что подруга упрямо подняла подбородок, Эмили решила изменить тактику: – Уитни, пожалуйста, подумай об отце! Что он скажет, если узнает?

Уитни поколебалась, невольно ощутив силу пристального ледяного взгляда отца, словно устремленного в это мгновение на нее, и, набрав в легкие воздуха, медленно выдохнула, увидев в маленькое окошко приятелей, ожидавших на лужайке.

– Отец, как обычно, – устало выговорила она, – скажет, что я его разочаровала, что позорю его и память матери и он рад, что она не дожила до такого несчастья – увидеть, во что превратилось ее единственное дитя. Ну а потом полчаса будет проповедовать, как идеально воспитана мисс Элизабет Аштон… и мне следовало бы брать с нее пример.

– Ну… если ты действительно хочешь произвести впечатление на Пола, могла бы попытаться…

Уитни в раздражении стиснула кулаки.

– Я старалась быть похожей на Элизабет. Носила эти мерзкие платья с оборками, в которых чувствовала себя настоящим чучелом, целыми часами упражнялась в молчании и хлопала ресницами до тех пор, пока не начинали болеть глаза.

Эмили закусила губку, чтобы не рассмеяться при этом беспристрастном, но совершенно нелестном описании жеманных манер Элизабет, но тут же помрачнела.

– Пойду передам остальным, что ты сейчас выйдешь, – вздохнула она.

Возмущенные возгласы и презрительные реплики встретили появление Уитни на лужайке, но девушка, не обращая ни на кого внимания, подвела лошадь поближе к зрителям.

– Она упадет, – предсказала одна из девиц, – если Господь раньше не поразит ее за этот ужасный вид!

У Уитни на языке вертелся язвительный ответ, но она стиснула зубы, надменно вскинула голову и украдкой взглянула на Пола. Красиво очерченные губы были неодобрительно поджаты, а взгляд медленно скользил от босых ступней к затянутым в узкие штаны бедрам. Сердце Уитни сжалось от пренебрежительного выражения его лица, но от своего решения она не отступила и вскочила на покорно стоявшего мерина. Тот пустился легким галопом, и Уитни начала медленно выпрямляться, раскинув в стороны руки, чтобы удержать равновесие. Постепенно она встала во весь рост. Конь пробегал круг за кругом, и хотя Уитни каждую минуту с ужасом ожидала падения, все же ей удавалось выглядеть грациозной и уверенной.

Заканчивая четвертый круг, она позволила себе посмотреть в сторону собравшихся. Какие брезгливые гримасы! Но девушка все же отыскала того единственного, ради кого затеяла все это. Лицо Пола почти скрывала тень огромного дерева, и Элизабет Аштон цеплялась за его руку, однако Уитни успела заметить медленную, нерешительную улыбку, чуть приподнявшую уголки его рта, и чувство торжества, словно крепкое вино, мгновенно вскружило ей голову. К тому времени, как она начала пятый круг, Пол уже широко улыбался. Уитни была вне себя от счастья, и теперь даже ноющие мышцы и синяки ничего не значили по сравнению с ослепительной радостью, охватившей ее.

Стоя у окна гостиной, выходившего на южную лужайку, Мартин Стоун тоже наблюдал представление, которое давала его дочь. За спиной раздался голос дворецкого, объявившего о прибытии лорда и леди Джилберт. Слишком разъяренный в этот момент, чтобы говорить, Мартин приветствовал свояченицу и ее мужа коротким кивком.

– Как… как я рада видеть вас после стольких лет, Мартин, – не моргнув глазом солгала леди Энн, но, заметив, что тот хранит ледяное молчание, тревожно осведомилась: – Где Уитни? Нам не терпится ее увидеть.

Мартин наконец обрел голос.

– Видеть ее? – с бешенством рявкнул он. – Мадам, для этого достаточно выглянуть в окно!

Сбитая с толку Энн подошла ближе. Внизу, на лужайке, она увидела стройного юношу, искусно балансирующего на скачущей лошади. Вокруг стояли зрители и оживленно переговаривались.

– Какой ловкий мальчик! – воскликнула она.

Эта простая реплика, казалось, в мгновение ока вывела Мартина из состояния ледяной ярости, побудив к решительным действиям.

– Если желаете познакомиться с племянницей, прошу идти за мной! – предложил он, шагнув к двери. – Или могу избавить вас от унижения и привести ее сюда.

Раздраженно фыркнув, леди Энн взяла под руку мужа, и оба последовали за Мартином.

Приблизившись к зрителям, Энн услышала перешептывания и смешки и смутно отметила, что в самой интонации было нечто злобно-издевательское. Но сейчас ей было

не до того: она внимательно рассматривала девичьи лица, стараясь узнать Уитни. Где же племянница?

Леди Джилберт сразу и решительно отвергла двух блондинок и одну рыжеволосую девушку, несколько мгновений изучала миниатюрную синеглазую брюнетку и, наконец, отчаявшись, обратилась к молодому человеку, стоявшему рядом:

– Прошу извинить меня, я леди Джилберт, тетя Уитни. Не можете сказать, которая из девушек она?

Пол Севарин, до которого дошел комизм положения, весело, хотя и с некоторой долей сочувствия, улыбнулся.

– Ваша племянница – на лошади, леди Джилберт, – сообщил он.

– На ло… – осекся, задохнувшись, лорд Джилберт.

Уитни со своей ненадежной позиции на спине лошади с ужасом наблюдала за приближением отца, почти бежавшего к ней.

– Пожалуйста, не нужно сцен, папа, – попросила она, стараясь, чтобы не услышали остальные.

– Я?! Я устраиваю сцены? – бешено заревел Мартин и, схватив поводья, с силой натянул их, так резко остановив коня, что Уитни едва успела соскочить.

Как только ноги ее коснулись земли, девушка потеряла равновесие, пошатнулась и упала. Немного придя в себя, она попыталась встать, но отец безжалостно стиснул руку дочери и потащил ее к собравшимся.

– Это… это создание, – объявил он, толкнув ее к тете и дяде, – ваша племянница, как мне ни больно это признать.

Уитни услышала хохот, и компания молодых людей мгновенно рассеялась. Девушка ощутила, как лицо заливает горячая краска, но, не желая сдаваться, вежливо сказала:

– Добрый день, тетя Энн и дядя Эдвард. Как поживаете?

И, глядя вслед удалявшемуся Полу, машинально потянулась к подолу несуществующей юбки, но тут же поняла свою ошибку и ухитрилась сделать комический реверанс в мужских штанах. Она, конечно, заметила, как нахмурилась тетка, но лишь гордо подняла подбородок:

– Можете быть уверены, тетя, ту неделю, что вы пробудете здесь, я попытаюсь не выставлять себя на посмешище!

– Неделю, что мы пробудем здесь? – охнула леди Джилберт, но Уитни была слишком поглощена видом Пола, подсаживавшего Элизабет в свой двухколесный экипаж, чтобы заметить удивление на лице тетки.

– До свидания, Пол, – окликнула она, беспорядочно размахивая руками.

Пол оглянулся и тоже поднял руку в молчаливом прощании.

До нее снова донесся смех. Легкие коляски быстро помчались по подъездной аллее, унося седоков на пикник или другое такое же восхитительно веселое развлечение, куда Уитни никогда не приглашали, поскольку она была слишком молода.

По пути к дому леди Энн буквально раздирали противоречивые эмоции: сочувствие к Уитни и ярость на Мартина, так унизившего дочь перед посторонними. Кроме того, она была потрясена видом племянницы в мужском костюме, резвившейся на спине лошади, и совершенно ошеломлена тем открытием, что Уитни, чью мать можно было назвать лишь миловидной, обещала стать настоящей красавицей.

Правда, пока она была слишком худа, но даже сейчас, после этой позорной сцены, впав в немилость, держалась прямо и шагала с природной грацией, едва заметно, соблазнительно покачивая бедрами. Энн улыбнулась, сообразив, как неприлично это выглядит, как вызывающе облегает колючая ткань стройные ноги, как подчеркивает обрывок веревки узенькую талию, которой не нужны никакие корсеты, как меняют цвет глаза под густыми черными ресницами – от зеленоватого, цвета морской волны, до темно-нефритового. А эти волосы!

Беспорядочная грива, масса локонов оттенка темного красного дерева! Все, что требуется, – аккуратно подровнять их и расчесывать, пока не заблестят!

Энн положительно не терпелось немедленно приступить к делу. Мысленно она уже изыскивала способы подчеркнуть необыкновенные глаза Уитни и высокие скулы. Нужно убрать волосы со лба и уложить на голове короной так, чтобы лишь две пряди спадали на уши… или просто откинуть назад и распустить мягкими волнами по плечам…

Как только они вошли в дом, Уитни, пробормотав извинения, поднялась к себе и в отчаянии бросилась в кресло, с ужасом воскрешая в памяти унизительный скандал, свидетелем которого стал Пол. Как мог отец так грубо стащить ее с коня, а потом кричать при всех! Тетя и дядя, несомненно, вне себя от ужаса, и все из-за ее отвратительной выходки! Щеки Уитни горели от стыда при одной мысли о том, как, должно быть, они презирают ее.

– Уитни? – шепнула Эмили, прокравшись в комнату и осторожно закрывая за собой дверь. – Я вошла через черный ход. Твой отец очень сердится?

– Зол, как сам дьявол, – подтвердила Уитни, разглядывая собственные ноги. – Наверное, я все испортила, как ты считаешь? Все надо мной смеялись, и Пол это слышал. И теперь, когда Элизабет исполнилось семнадцать, он, конечно, сделает ей предложение, прежде чем получит хотя бы малейший шанс понять, как любит меня.

– Тебя? – ошеломленно повторила Эмили. – Уитни Стоун, да он бегает от тебя как от чумы, и ты прекрасно знаешь это! И кто его осудит, особенно после тех неприятностей, которые ты доставила ему в прошлом году!

– Не так уж много, – запротестовала Уитни, неловко заерзав в кресле.

– Нет? А как насчет той проделки, которую ты сыграла с ним в канун Дня всех святых? Кто выскочил на дорогу прямо перед его экипажем с диким воплем, как банши[1], да еще в костюме привидения, так, что лошади испугались?

Уитни побагровела.

– Ну… не настолько уж он рассердился… и коляска осталась цела. Только ось поломалась, когда она перевернулась.

– Да, и нога Пола, – напомнила Эмили.

– Но она быстро зажила, – возразила Уитни, уже почти забыв о прошлых неудачах и явно подыскивая способы вновь привлечь внимание Пола. Девушка вскочила и медленно обошла комнату. – Необходимо придумать что-то… даже если придется для этого похитить Пола.

Лукавая улыбка осветила измазанное грязью личико, и Уитни развернулась с такой скоростью, что Эмили испуганно сжалась.

– Эмили, одно совершенно ясно – он не подозревает, что неравнодушен ко мне. Правда?

– Вернее сказать, ему совершенно безразлично, есть ты на свете или нет, – насторожилась Эмили.

– Следовательно, будет правильнее сказать, что он не сделает мне предложения без дополнительного стимула. Согласна?

– Да он под дулом пистолета не сделает тебе предложения, и ты прекрасно понимаешь это. Кроме того, ты слишком молода, чтобы выйти замуж, даже если…

– При каких обстоятельствах, – торжествующе перебила Уитни, – джентльмен обязан предложить руку леди?

– Понятия не имею. Кроме, конечно, случая, когда он скомпрометирует ее… Уитни, нет! Ни за что! Запомни, на этот раз я тебе не помощница!

---

[1] В ирландской мифологии сверхъестественное существо в облике красивой женщины, вопли которой предвещают смерть. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Уитни, вздохнув, снова бросилась в кресло, вытянув длинные ноги. Совершенно неуместный смешок сорвался с ее губ, едва ее осенила крайне непристойная идея.

– Если бы только я могла ослабить… ну, знаешь, выдернуть чеку на колесе, так, чтобы оно слетело не сразу, а потом попросить Пола повезти меня на прогулку… Тогда к тому времени, как мы вернемся или кто-нибудь придет на помощь, будет уже ночь, и ему волей-неволей придется просить моей руки у отца. – И, не обращая внимания на осуждающий взгляд Эмили, девушка продолжала: – Подумай только, какой восхитительный поворот старого сюжета! Молодая леди похищает джентльмена, и его репутация настолько запятнана, что девушку принуждают выйти замуж, чтобы все уладить! Прекрасный роман мог бы получиться! – добавила она, восхищенная собственной изобретательностью.

– Я ухожу! – объявила Эмили и решительно зашагала к двери, но у самого порога остановилась и обернулась к Уитни: – Твои тетя и дядя все видели. Придумай лучше, как ты собираешься объяснить эти бриджи и скачку на лошади.

Лицо Уитни помрачнело.

– Ничего я не собираюсь объяснять – это не поможет. Но зато, пока они будут здесь, я намереваюсь показать пример добродетели, воспитанности и послушания. – И, заметив полный сомнения взгляд Эмили, пообещала: – Кроме того, я решила держаться подальше от родственников и видеться с ними лишь за столом. Думаю, я способна вести себя, как Элизабет, по крайней мере три часа в день.

Уитни сдержала обещание. За обедом, после душераздирающего рассказа дядюшки о жизни в Бейруте, где он служил в британском консульстве, девушка только пробормотала:

– Как поучительно, дядя, – хотя сгорала от желания забросать его вопросами. И после живописного описания Парижа и захватывающих дух увеселений столицы Уитни вежливо отозвалась: – Как интересно, тетя.

И не успели обедающие встать из-за стола, как девушка извинилась и исчезла.

Прошло три дня, и попытки Уитни стать послушной и скромной или по крайней мере невидимой оказались настолько успешными, что Энн начала спрашивать себя, уж не померещилась ли ей эта бунтарская выходка, которую она наблюдала в день приезда. А может, девушка просто невзлюбила ее и Эдварда?

На четвертый день, когда Уитни позавтракала еще до того, как остальные проснулись, и немедленно растворилась где-то, Энн решила узнать правду. Она обыскала весь дом, но Уитни нигде не оказалось. Не было ее и в саду. Не брала она и лошадь из конюшни – это подтвердил конюх. Щурясь на ярком солнце, леди Джилберт огляделась, гадая, где может проводить весь день пятнадцатилетняя девочка. И тут на вершине холма, возвышавшегося рядом с поместьем, она заметила ярко-желтое пятно.

– Вот ты где! – выдохнула Энн, открывая зонтик и решительно пересекая лужайку.

Уитни не замечала тетку, пока не стало слишком поздно. Сожалея, что не нашла лучшего укрытия, девушка попыталась придумать невинную тему, на которую можно беседовать без страха показаться невеждой. Одежда? Но Уитни ничего не понимает в модах, да ей это и совершенно безразлично – она все равно выглядит ужасно, что ни надень. Какое платье может исправить внешность девушки с кошачьими глазами, волосами цвета глины и веснушками на носу? Кроме того, она слишком высокая, слишком худая, и если милостивый Господь намеревается все же дать ей некое подобие груди, то, кажется, совсем не торопится.

Леди Энн, задыхаясь, на подгибающихся ногах едва взобралась на крутой холм и без сил рухнула на разостланное одеяло рядом с племянницей.

– Я… хотела… немного прогуляться, – беззастенчиво солгала она и, немного придя в себя, заметила на коленях Уитни раскрытую книгу, лежавшую вверх кожаным переплетом. – Это любовный роман? – осведомилась она, обрадованная подвернувшейся темой для разговора.

– Нет, тетя, – скромно отозвалась девочка, загораживая рукой название.

– Мне говорили, что юные леди обожают любовные романы, – заметила Энн.

– Да, тетя, – вежливо согласилась Уитни.

– Я как-то читала один, но он мне не понравился, – заметила леди Энн, лихорадочно пытаясь придумать, о чем еще можно потолковать с племянницей. – Не выношу героинь, которые либо идеальны до отвращения, либо вечно падают в обморок.

Уитни была крайне поражена, обнаружив, что она не единственная женщина в Англии, которая терпеть не может сентиментальную чушь, и мгновенно забыла о собственном решении говорить исключительно междометиями.

– А когда героиня не лежит без сознания, – весело блеснула глазами Уитни, – значит, прижимает к носу флакончик с нюхательными солями и льет слезы по некоему безвольному джентльмену, до сих пор не набравшемуся мужества сделать предложение или, того хуже, успевшему отдать руку и сердце другой, недостойной особе. Лично я никогда бы не смогла целыми днями лежать и ничего не делать, зная, что мой возлюбленный стал жертвой какой-нибудь ужасной женщины.

Уитни мгновенно опомнилась и искоса взглянула на тетку, чтобы проверить, не шокирована ли та, но леди Энн рассматривала ее с непонятной улыбкой, таившейся в уголках губ.

– Тетя Энн, могли бы вы питать какие-то чувства к мужчине, который падает на колени и произносит: «О Кларабел, твои губы – лепестки красной розы, а глаза – две сверкающие звезды»? – И Уитни, презрительно фыркнув, пояснила: – Именно в этом месте я помчалась бы за флакончиком с солями!

– И я тоже, – смеясь, согласилась Энн. – Итак, что же ты читаешь, если не унылые любовные романы? – Взяв книгу из-под ладони Уитни, леди Энн взглянула на выведенный золотом заголовок. – «Илиада»? – потрясенно-недоверчиво пробормотала она.

Ветерок зашелестел страницами, и Энн перевела изумленный взгляд на замкнутое лицо Уитни:

– Но она на греческом! Ты знаешь греческий?

Уитни кивнула, краснея от унижения. Теперь тетя посчитает ее синим чулком – очередное темное пятно на репутации.

– Еще латынь, итальянский, французский и немного немецкий, – призналась она.

– Боже милостивый! – выдохнула Энн. – Каким образом ты все это выучила?

– Несмотря на весьма невысокое мнение отца о моих умственных способностях, я просто наивна, но не безмозгла и терзала его каждый день, пока он не пригласил для меня учителей по истории и языкам.

Уитни замолчала, вспоминая, как была уверена когда-то, что, если станет прилежно учиться, сумеет заменить отцу сына, которого у него никогда не было. И тогда он, может, полюбит ее…

– Да ты, кажется, стыдишься своих успехов, хотя должна бы гордиться.

Уитни задумчиво посмотрела на дом, уютно расположившийся в долине под холмом.

– Конечно, все считают, что обучать женщин таким вещам – пустая трата времени. И по правде говоря, я совсем не способна постигнуть то, что по плечу каждой женщине. Шью так, словно делаю это с завязанными глазами, а когда пою, все собаки в округе начинают подвывать. Мистер Туитсуорти, наш местный учитель музыки, утверждает, что от моей игры на фортепьяно у него мгновенно появляется крапивница. Я не умею делать то, что делают другие девушки, и, что хуже всего, ненавижу подобные занятия.

Теперь-то, думала Уитни, тетя окончательно невзлюбит ее, как и все остальные, но так даже лучше. По крайней мере теперь Уитни перестанет бояться неизбежного.

Она взглянула на леди Энн широко раскрытыми глазами:

– Уверена, папа уже успел все рассказать обо мне. Конечно, я для него ужасное разочарование. Он хочет, чтобы я была такой же изящной, скромной и тихой, как Элизабет Аштон. Я пыталась, сколько могла, но ничего не выходит.

Сердце Энн сжалось от боли за это прекрасное, живое, смелое, запутавшееся дитя, рожденное ее сестрой. Коснувшись пальцами щеки Уитни, она мягко сказала:

– Твой отец мечтает о дочери, подобной камее, – деликатной, бледной, невыразительной, во всем повинующейся его воле. Но вместо этого его дочь похожа на бриллиант – такой же сверкающий, полный радости жизни, и поэтому он не знает, что с ней делать. Вместо того чтобы ценить редкость и красоту камня, немного отшлифовать его и явить миру ослепительный блеск, он пытается превратить драгоценность в обычную камею.

Уитни была склонна скорее думать о себе как о куске угля, но, не желая лишать иллюзий тетю, решила промолчать. После ухода леди Энн она вновь взяла в руки книгу, но вскоре, забыв о подвигах героев, перенеслась мыслями к Полу.

Вечером, спустившись в столовую, она почувствовала, что атмосфера в комнате странно накалена – никто даже не заметил, как она подошла к столу.

– Когда вы намереваетесь сказать девочке, что она едет с нами во Францию, Мартин? – рассерженно требовал дядя. – Или решили ждать до самого отъезда, а потом просто швырнуть дитя в карету и хлопнуть дверцей?

Перед глазами Уитни все поплыло, и на какое-то ужасное мгновение ей показалось, что ее вот-вот вывернет наизнанку. Девочка остановилась, пытаясь взять себя в руки и проглотить горький ком, застрявший в горле. Ноги по-прежнему тряслись, отказываясь ее держать.

– Разве я куда-то еду, папа? – осведомилась она, стараясь казаться спокойной.

Все мгновенно повернулись и уставились на нее. Лицо Мартина выражало лишь нетерпение. Губы были раздраженно сжаты.

– Во Францию, – бросил он резко, – будешь жить с тетей и дядей, которые пообещали приложить все силы, чтобы сделать из тебя настоящую леди.

Стараясь не встретиться ни с кем глазами, чтобы не расплакаться, Уитни уселась за стол.

– Надеюсь, ты сообщил тете и дяде, чем они рискуют? – едва выговорила она, собрав все силы, лишь бы не дать отцу увидеть, что он делает с ее сердцем, и холодно взглянула в виноватые, смущенные лица родных. – Отец, видимо, забыл объяснить, что, приняв меня в свой дом, вы рискуете навлечь на себя бесчестье. Кроме того, у меня ужасный характер, манеры уличной девчонки и я совершенно не умею вести беседу за столом!

В глазах тети светилась нескрываемая жалость, но отец по-прежнему взирал на нее с каменным безразличием.

– О, папа, – прошептала она прерывающимся голосом, окончательно потеряв самообладание, – неужели ты действительно настолько презираешь меня? Так ненавидишь, что решил отослать с глаз долой? – На глаза навернулись слезы, угрожая перелиться через край, и Уитни поспешно встала. – Прошу извинить меня… я сегодня не очень голодна.

– Как вы могли?! – вскричала Энн после ухода девочки, поднимаясь со стула и разъяренно глядя на Мартина. – Вы самый бессердечный, бесчувственный… С каким удовольствием я вырву ребенка из ваших лап! Не понимаю, как она сумела так долго терпеть весь этот ужас! Я бы никогда не смогла!

– Вы придаете слишком большое значение ее словам, мадам, – ледяным голосом отозвался Мартин. – Уверяю вас, она расстроилась так сильно вовсе не из-за предстоящей разлуки со мной. Я просто слишком рано положил конец ее планам! Хватит ей строить из себя дурочку из-за Пола Севарина! Вся округа потешается над ней! С меня довольно!

Глава 2

Новость о том, что дочь Мартина Стоуна отправляют во Францию, причем со всей возможной поспешностью, молниеносно облетела округу. В сонной сельской местности, где мелкопоместное дворянство отличалось сдержанностью и замкнутостью, Уитни Стоун в который раз становилась источником восхитительно заманчивых сплетен.

И поэтому женщины всех возрастов от мала до велика, бедные и зажиточные, собирались на мощеных улочках городка и в уютных кухоньках, чтобы еще раз насладиться последними слухами. И каждая с непередаваемым удовольствием и во всех деталях смаковала очередную скандальную выходку Уитни и перебирала каждое событие ее и без того уже обремененной приключениями жизни, начиная от случая с жабой, которую выпустила в церкви эта восьмилетняя негодяйка, и до истории падения с дерева, под которым в это время находился Пол Севарин с молодой леди. Подумать только, противная девчонка вздумала шпионить за таким приличным джентльменом!

Только когда все похождения Уитни были еще раз подробно обсуждены, кумушки позволили себе сделать бесчисленные предположения и строить догадки относительно причин, побудивших Мартина Стоуна отослать дочь в чужую страну.

Почти все сходились на том, что это невыносимое дитя скорее всего довело несчастного безутешного отца до такого решительного поступка. Подумать только! Появиться в мужских брюках! Но с другой стороны, девчонка умудрилась столько всего наделать и обладала таким количеством недостатков, что сплетницы разошлись во мнениях относительно того, что именно побудило отца расстаться с дочерью. Однако каждая была уверена, что, каковы бы ни были мотивы Мартина, Пол Севарин облегченно вздохнет, избавившись от тяжкого бремени.

В последующие три дня соседи толпами прибывали в дом Мартина Стоуна, будто бы для того, чтобы нанести визит леди Джилберт и попрощаться с Уитни. Вечером накануне отъезда во Францию Энн Джилберт сидела в гостиной, с привычным терпением вынося очередное нашествие визитеров – на этот раз трех дам и их дочерей. На лице застыла вежливая улыбка, однако она с плохо скрываемым раздражением продолжала слушать женщин, по их словам, преисполненных самых дружеских намерений, на деле же с огромным удовольствием перечислявших все грехи и ошибки Уитни. Каждая из них заверяла, что желает девушке лишь добра, однако при этом давала ясно понять, что Уитни непременно обесчестит и опозорит семью Джилбертов, сведет Энн с ума и, вполне вероятно, нанесет непоправимый вред дипломатической карьере Эдварда.

Энн встала, когда посетительницы наконец собрались уходить, и, коротко попрощавшись, устало опустилась в кресло. Глаза сверкали яростной решимостью. Постоянно критикуя дочь перед посторонними, Мартин Стоун сделал ее мишенью насмешек и осуждения. Необходимо как можно скорее увезти Уитни подальше от этих узколобых, завистливых ханжей и позволить ей расцвести во французской столице, где атмосфера была не столь удушливой.

Дворецкий, остановившийся в дверях, дипломатично кашлянул.

– К вам мистер Севарин, миледи.

– Просите, – кивнула Энн, тщательно скрывая радостное удивление. Неужели предмет детского обожания Уитни решился приехать и попрощаться?

Радость, однако, быстро померкла, когда мистер Севарин вошел в гостиную вместе с ослепительно прекрасной миниатюрной блондинкой. Поскольку все на расстоянии пятнадцати миль знали об увлечении Уитни, у Энн не было ни малейшего сомнения в том, что

и Полу это известно, поэтому леди Джилберт посчитала крайней жестокостью с его стороны привезти с собой девушку в дом боготворившей его Уитни.

Леди Энн наблюдала, как он идет ей навстречу. Как ей хотелось отыскать в нем хотя бы один недостаток! Но Пол Севарин был высок и красив и к тому же обладал неотразимым обаянием хорошо воспитанного джентльмена.

– Добрый вечер, мистер Севарин, – с холодной вежливостью приветствовала она. – Уитни в саду.

Пол словно понял причины такой сдержанности, и его голубые глаза зажглись улыбкой.

– Знаю, – кивнул он, – но я надеялся, что вы сможете занять Элизабет, пока я попрощаюсь с Уитни.

Энн почти против воли смягчилась:

– Буду очень рада.

Уитни, застыв, оцепенело уставилась на кусты роз в полном цвету. Тетя сейчас в гостиной наверняка выслушивает очередные истории из мрачного прошлого и зловещие предсказания относительно будущего племянницы. Эмили уехала в Лондон с родителями, а Пол… Пол даже не захотел попрощаться. Вероятнее всего, он сейчас с друзьями празднует ее отъезд.

И, словно повинуясь молчаливому призыву девушки, Пол возник из ниоткуда. За спиной раздался низкий мужской голос:

– Здравствуйте, красавица.

Уитни, не веря своим ушам, поспешно обернулась. Он стоял всего в нескольких дюймах, небрежно прислонясь плечом к дереву. Белоснежная сорочка и галстук блестели в лунном свете на фоне почти невидимого во тьме черного фрака.

– Мне стало известно, что вы нас покидаете, – негромко сказал он.

Уитни безмолвно кивнула, пытаясь запечатлеть в памяти точный оттенок белокурых волос и каждую черту красивого, залитого лунным сиянием лица.

– Вы будете по мне скучать? – выпалила она.

– Конечно, – хмыкнул Пол. – Без вас здесь будет совсем тоскливо, юная леди.

– Представляю, – пробормотала Уитни, опуская глаза. – Кто еще будет падать с деревьев и портить ваш пикник, или сломает вам ногу, или…

– Никто, – поспешно перебил Пол поток саморазоблачений.

Уитни с неподдельным чистосердечием воззрилась на молодого человека:

– Вы подождете меня?

– Я буду здесь, когда вы вернетесь, если именно это вы хотите спросить, – уклончиво бросил Пол.

– Вы прекрасно понимаете, что я не то имела в виду, – с отчаянием настаивала Уитни. – Хотела узнать, не женитесь ли вы на ком-то другом, пока я…

Уитни смущенно осеклась. Ну почему, почему она вечно делает глупость за глупостью в его присутствии?! Почему не может быть равнодушно-кокетливой, как остальные девушки?

– Уитни, – твердо сказал Пол, – вы уедете и забудете мое имя. Когда-нибудь вы вообще удивитесь, почему просили меня дождаться…

– Я уже этому удивляюсь, – краснея, призналась она.

Пол, сочувственно вздохнув, осторожно приподнял подбородок девушки, вынуждая ее взглянуть на него.

– Я буду здесь, – пообещал он, нерешительно улыбаясь, – с нетерпением ожидать вашего возвращения, чтобы посмотреть, какой вы станете.

Уитни, зачарованно смотревшая в беззаботно-красивое улыбающееся лицо, совершила последнюю, самую ужасную ошибку: порывисто приподнявшись на цыпочки, она обняла его и припала в страстном поцелуе к уголку его губ. Выругавшись себе под нос, молодой человек оторвал от себя руки девочки и с силой отстранил ее. Слезы отвращения к себе наполнили глаза Уитни.

– Простите… Пол… Я… мне не следовало делать этого.

– Не следовало, – согласился он и, опустив руку в карман, вытащил маленькую коробочку, которую бесцеремонно сунул в руки девочки. – Я привез вам прощальный подарок.

Голова Уитни закружилась от счастья.

– Правда?!

Дрожащими пальцами она приоткрыла крышку и в безмолвном изумлении уставилась на маленький кулон – камею, свисавшую с тонкой золотой цепочки.

– О, Пол, – шепнула она, сияя глазами, – это самый прекрасный, самый великолепный… я буду всегда хранить его!

– Это сувенир на память, – осторожно пояснил Пол. – Ничего больше.

Но Уитни, едва слыша его, с благоговением коснулась кулона.

– Вы сами выбрали его для меня?

Пол нерешительно нахмурился. Этим утром он отправился в городок, чтобы купить изящную дорогую безделушку для Элизабет. И пока он был в ювелирной лавке, владелец со смехом заметил, что теперь, с отъездом мисс Стоун во Францию, мистер Севарин, вероятно, отпразднует грядущую свободу. По правде говоря, Пол втайне был совершенно того же мнения и лишь поэтому попросил хозяина подыскать что-нибудь подходящее для пятнадцатилетней девочки. До того момента, как Уитни открыла коробочку, он не имел ни малейшего понятия о том, что лежит внутри. Но какой смысл говорить об этом Уитни? Если повезет, то дядя с теткой сумеют найти какого-нибудь простака-француза, который женится на Уитни: предпочтительно покорного, сговорчивого человека, который не будет жаловаться на сумасбродные выходки жены.

Повинуясь какому-то странному порыву, Пол потянулся было к Уитни, желая убедить ее воспользоваться всеми возможностями, которые открывает перед ней столичная жизнь, но вместо этого сверхчеловеческим усилием воли сдержался.

– Да, я выбрал это сам – подарок от друга, – пробормотал он наконец.

– Но я не хочу быть всего лишь вашим другом! – выпалила Уитни, стараясь взять себя в руки. – Нет… вы правы… я рада быть другом… пока… – вздохнула она.

– В таком случае, – лукаво усмехнулся он, – думаю, друзьям вполне позволено обменяться прощальным поцелуем.

Уитни с ослепительной улыбкой радостного изумления зажмурилась и сжала губы, но он лишь слегка чмокнул ее в щеку. Когда она открыла глаза, Пол уже подходил к дому.

– Пол Севарин, – прошептала она с мрачной решимостью, – вот увидишь, я совершенно изменюсь, а когда приеду домой, ты обязательно женишься на мне.

Пока почтовый пароход переваливался и подпрыгивал на бурных волнах Ла-Манша, Уитни стояла у поручня, устремив взгляд на удалявшиеся берега Англии. Ветер набросился на ее широкополую шляпу, пытаясь развязать ленты, разметать волосы по лицу. Она смотрела на родную землю, пытаясь представить, как все будет, когда она снова пересечет пролив на обратном пути. Конечно, известие о ее возвращении немедленно появится в газетах:

«Мисс Уитни Стоун, признанная красавица и королева Парижа, возвращается в родную Англию».

Слабая улыбка тронула губы Уитни. Королева Парижа…

Девушка откинула непокорные локоны со лба, заправила их под тулью детской шляпки и решительно повернулась спиной к Англии.

Погода, казалось, сразу улучшилась, как только она подошла к противоположному борту, чтобы взглянуть в направлении Франции. Туда, где ее ждало неизвестное будущее.

Глава 3

Франция, 1816–1820 годы

Парижский дом лорда и леди Джилберт, возвышавшийся за витыми железными воротами, производил впечатление величественной, хотя и не слишком суровой постройки. Огромные окна-эркеры пропускали много света и тепла в просторные комнаты, рисунки пастелью придавали вид безупречной элегантности всему: от гостиных до спален на втором этаже.

– А это твои комнаты, дорогая, – объявила Энн, открывая дверь в покои, полы которых были покрыты светло-голубыми коврами.

Уитни застыла на пороге, жадно оглядывая великолепное покрывало белого атласа с узором из розовых и голубых орхидей на кровати. Изящный диванчик-канапе покрыт тканью в тон. Почти прозрачные фарфоровые вазы наполнены цветами тех же оттенков, голубого и розового.

Уитни скрепя сердце повернулась к тетке.

– Я бы чувствовала себя гораздо лучше, – с сожалением пробормотала она, – если бы вы нашли для меня другую комнату, не такую… скажем, не такую изысканную. – И, заметив изумленное лицо тетки, пояснила: – Дома каждый бы сказал вам, что мне стоит лишь пройти мимо чего-нибудь хрупкого, как это что-то мгновенно летит на пол.

Энн повернулась к слуге, сгибавшемуся под тяжестью сундука Уитни.

– Сюда, – сказала она, повелительно кивнув по направлению к великолепной голубой комнате.

– Потом не говорите, что я вас не предупредила, – вздохнула Уитни, снимая шляпку и осторожно присаживаясь на канапе. Жизнь в Париже, решила она, обещает быть восхитительной.

Нашествие визитеров началось три дня спустя, ровно в половине двенадцатого, с прибытия личной модистки Энн, сопровождаемой тремя улыбающимися портнихами, беспрестанно трещавшими о фасонах и тканях. Уитни была обмерена неоднократно и с головы до ног, пока у нее не осталось сил держаться на ногах. Но полчаса спустя девушке пришлось шагать из угла в угол с книгой на голове под критическим взглядом пухленькой женщины, которой тетя Энн доверила трудную задачу обучения Уитни некоему весьма туманному для последней предмету, называемому «этикетом».

– Я безобразно неуклюжа, мадам Фруссар, – смущенно краснея, пояснила Уитни, как только книга свалилась на пол в третий раз.

– Вовсе нет, – запротестовала мадам Фруссар, покачивая тщательно причесанной седовласой головкой. – Мадемуазель Стоун обладает природной грацией и превосходной осанкой. Но мадемуазель должна отучиться ходить так, словно участвует в скачках вместо лошади.

Учитель танцев, прибывший сразу после отъезда мадам Фруссар, закружил Уитни в воображаемом вальсе и вынес приговор:

– Вовсе не так безнадежна. Необходима лишь практика.

Наставник французского, появившийся к пятичасовому чаю, коротко объявил:

– Она может и меня многому поучить, леди Джилберт.

Несколько месяцев подряд мадам Фруссар приезжала пять раз в неделю на два часа, посвящая Уитни в тонкости этикета. Под ее неусыпным, неустанным наблюдением Уитни старалась, как могла, познать то, что помогло бы ей завоевать расположение Пола.

– Так чему ты выучилась у мадам Фруссар? – поинтересовался как-то за ужином дядя Эдвард.

На лице Уитни появилось застенчивое выражение.

– Мадам обучает меня ходить, а не скакать галопом, – выдавила она, ожидая услышать от дяди, что все это пустая трата времени, но вместо этого он одобрительно улыбнулся. Уитни ответила счастливой улыбкой. – Знаете, – пошутила она, – раньше я была уверена, будто все, что требуется для ходьбы, – пара сильных ног.

С того вечера оживленные рассказы Уитни о ее дневных трудах стали обязательным и веселым ритуалом за каждым ужином.

– Вы знали раньше, – спросила она как-то, – что существует настоящее искусство поворачиваться в придворном платье со шлейфом?

– Мой наряд никогда не доставлял мне столько хлопот, – усмехнулся лорд Джилберт.

– Ошибаетесь, – сообщила Уитни с притворным ужасом, – каждый мужчина подвергается опасности запутаться в шлейфе дамы и упасть!

Месяц спустя она опустилась в кресло и начала жеманно обмахиваться шелковым веером, кокетливо поглядывая поверх него.

– Тебе жарко, дорогая? – осведомился Эдвард, предвкушая новую забаву.

– Веер существует вовсе не для того, чтобы спасаться от жары, – сообщила Уитни, хлопая ресницами с преувеличенной наивностью, заставившей Энн разразиться смехом. – Это чтобы флиртовать. Кроме того, также необходимо чем-то занять руки. И бить по пальцам слишком навязчивых джентльменов.

Эдвард мгновенно стал серьезным.

– Каких именно навязчивых джентльменов? – грозно спросил он.

– Да никаких. Я пока здесь никого не знаю, – пожала плечами Уитни.

Сердце Энн наполнилось радостью при мысли о том, что племянница уже успела занять место в сердце Эдварда и ее собственном, место, которое могло принадлежать их собственной дочери.

Как-то вечером, за месяц до официального выхода Уитни в свет, Эдвард принес три приглашения в оперу. С рассчитанной небрежностью бросив их перед Уитни, он предложил, чтобы племянница, если, конечно, позволят занятия, сопровождала их в театр, в личную ложу посла.

Год назад Уитни закружилась бы в веселом танце, но теперь она слишком изменилась и поэтому, одарив дядю растроганной улыбкой, лишь ответила:

– Мне бы очень хотелось этого, дядя Эдвард.

Девушка в молчании сидела, пока Кларисса, бывшая горничная Сьюзен Стоун, а теперь камеристка и компаньонка Уитни, расчесывала ее густые волосы и укладывала локонами на затылке. Потом она встала, и Кларисса помогла ей надеть новое белое платье со светло-голубыми лентами, перекрещивающимися под грудью, и сборчатой юбкой. Ансамбль дополнял элегантный плащ в тон.

Уитни долго стояла перед зеркалом, глядя на свое отражение сияющими глазами, а потом нерешительно сделала глубокий придворный реверанс, склонив голову.

– Могу я представить мисс Уитни Стоун? – пробормотала она. – Признанную парижскую красавицу.

На улицы столицы опустился серый туман, в воздухе клубилась тонкая водяная пыль, и тротуары и мостовые блестели в лунном свете. Уитни поплотнее закуталась в атласный плащ, с удовольствием ощущая подбородком шелковистую ткань. Девушка неотрывно смотрела в окно на прохожих, спешащих куда-то по широким, залитым дождем тротуарам.

Перед театром толпились зрители, решившиеся бросить веселый вызов сырости и темным тучам. Представительные мужчины в атласных фраках и облегающих бриджах кланя-

лись и кивали усыпанным драгоценностями дамам. Ступив на землю, Уитни ошеломленно уставилась на разряженных женщин, по всей очевидности, уверенных в себе и в собственной неотразимости, беседующих о чем-то со своими поклонниками. Девушка была совершенно уверена, что красивее женщин на свете просто не бывает. Всякая надежда на то, что она действительно станет когда-нибудь королевой Парижа, мгновенно рассеялась. Однако Уитни почти не испытывала сожаления – главное, что она попала в столь блестящее общество.

Они подошли ко входу, но лишь Энн заметила, как молодые люди, бросавшие ленивые взгляды по сторонам, внезапно настораживались, окидывая Уитни пристальными взорами. Красота племянницы только начинала расцветать, а живое изменчивое лицо и необычный цвет волос были верным залогом успеха. Уитни отличало некое внутреннее сияние, так ярко отражавшее живость натуры и жажду жизни, а осанка и безупречные манеры стали следствием постоянных стычек с врагами – слишком долго девушка была мишенью несправедливых насмешек.

Оказавшись в ложе посла, Уитни расправила подол нового платья и подняла веер из слоновой кости, пытаясь, как учила мадам Фруссар, чем-то занять руки. Ах, насколько она была глупа, когда тратила время на языки и математику, а ведь для того, чтобы заслужить одобрение Пола и отца, достаточно всего-навсего уметь улыбаться и играть веером! Знание этикета куда полезнее умения объясняться по-гречески!

Вокруг нее было море кивающих, качающихся голов, на сложных модных прическах трепетали перья. Уитни готова была кричать от радости. Заметив, как дама игриво ударила веером по пальцам своего кавалера, она ощутила родство душ со всеми женщинами и невольно задалась вопросом, что такого неприличного прошептал тот на ухо соседке и почему она выглядит скорее польщенной, чем оскорбленной.

Оркестр заиграл увертюру, и Уитни немедленно забыла обо всем, поглощенная прекрасной музыкой. И когда после окончания первого действия занавес опустился, Уитни с трудом вернулась в реальный мир. В ложу то и дело заходили друзья тети и дяди, включаясь в оживленную беседу, временами раздавались взрывы смеха.

– Уитни, – окликнула тетя Энн, дотрагиваясь до ее плеча, – повернись, пожалуйста, я хочу познакомить тебя с нашими близкими друзьями.

Уитни послушно встала, и тетя представила племянницу месье и мадам Дю Вилль. Те приветствовали ее с искренней теплотой, но их дочь Тереза, хорошенькая блондинка, приблизительно одних лет с Уитни, оглядывала новую знакомую с пристальным любопытством. Под пронизывающим взглядом девушки уверенность Уитни мгновенно растаяла. Она никогда не умела вести разговор со своими сверстницами и в первый раз со дня отъезда из Англии почувствовала себя неловкой и неуклюжей.

– Вам… вам нравится опера? – выговорила она наконец.

– Нет, – покачала головой Тереза, улыбаясь и показывая ямочки на щеках. – Я ни слова не понимаю, о чем они поют!

– А Уитни понимает! – с гордостью объявил лорд Эдвард. – Она знает латынь, греческий, итальянский и даже немецкий.

Уитни мечтала об одном – провалиться сквозь землю, поскольку хвастовство дяди могло привести лишь к тому, что в глазах Дю Виллей она навсегда останется синим чулком. Девушка вынудила себя встретиться взглядом с испуганными глазами Терезы.

– Надеюсь, вы не умеете играть на фортепьяно и петь? – кокетливо надулась миниатюрная блондинка.

– О нет! – поспешно заверила Уитни. – Совершенно не способна ни на то, ни на другое.

– Чудесно! – широко улыбнулась Тереза, усаживаясь рядом с Уитни. – Потому что я только это и могу делать хорошо. Вы, конечно, с нетерпением дожидаетесь выхода в свет? – осведомилась она, с восхищением рассматривая Уитни.

– Не сказала бы, – искренне призналась та.

– А я просто сгораю от нетерпения. Хотя для меня это не имеет особого значения, поскольку родители уже три года назад договорились о моем замужестве, и это просто великолепно, поскольку теперь я свободна делать все, чтобы помочь вам отыскать подходящего мужа. Я знаю каждого – какой из женихов вполне подходит или всего-навсего красив, но без денег и связей, а потом, когда вы сделаете блестящую партию, приду на свадьбу и расскажу всем, что именно я сумела все так хорошо устроить! – торжествующе объявила девушка, сверкнув неотразимой улыбкой.

Уитни улыбнулась в ответ, несколько ошеломленная столь открыто-непритворным предложением дружбы. Этого оказалось достаточно, чтобы Тереза вновь пустилась в рассуждения:

– Мои сестры все очень удачно вышли замуж. Осталась только я. И конечно, мой брат Николя.

Уитни подавила желание весело поинтересоваться, попадает ли Николя Дю Вилль в категорию «выгодных» или всего-навсего «красивых» женихов, но Тереза раскрыла тайну, не дожидаясь расспросов:

– Нет, Николя совсем не подходит. Правда, он богат и неимоверно красив. Но совершенно неприступен. Ужасная жалость, конечно, и это приводит в отчаяние всю семью, поскольку он единственный наследник и старший из всех детей.

Едва скрывая любопытство, Уитни тем не менее сумела учтиво заметить, что, как она надеется, месье Николя не страдает от какой-либо тяжелой болезни.

– Нет, – мелодично хихикнув, заверила Тереза, – если не считать болезнью постоянную скуку и невероятное высокомерие. Конечно, Николя имеет на это полное право, поскольку поклонницы постоянно бросаются ему на шею. Мама утверждает, что, если бы женщинам можно было просить руки мужчины, он получил бы больше предложений, чем все мы четверо, вместе взятые.

Вежливая маска на лице Уитни мгновенно сменилась выражением неподдельного интереса.

– Не могу понять, – засмеялась она, – почему это кажется мне таким странным?

– Обаяние, – серьезно пояснила Тереза. – У Николя есть обаяние. – И, немного подумав, добавила: – Какая жалость, что Ники настолько разборчив, потому что, вздумай он посетить ваш первый бал и выделить вас из числа дебютанток, вы имели бы мгновенный и бешеный успех! Ну конечно, ничто в мире не заставит Николя уделить внимание столь ничтожному, по его мнению, событию! Он считает, что тоскливее этого нет ничего на свете! Но так или иначе, я расскажу ему о вас – а вдруг он согласится?

Только правила этикета помешали Уитни признаться, что она очень надеется никогда не увидеть надменного старшего брата Терезы.

Глава 4

Накануне дня официального дебюта Уитни от Эмили Уильямс пришло письмо, содержание которого заставило девушку задохнуться от счастья. Пол приобрел поместье на Багамских островах и собирается провести там весь год. И поскольку Уитни не представляла, что Пол способен влюбиться в темнокожую туземку, это означало, что у нее есть еще целый год до возвращения домой. Целый год не нужно беспокоиться о том, что Пол вздумает жениться на ком-то, кроме нее!

Чтобы немного успокоить нервы и унять неприятное чувство тревоги по поводу завтрашнего бала, Уитни свернулась калачиком на розовом канапе и с удовольствием перечитывала одно из писем Эмили, спрятанных в учебнике этикета. Девушка была так поглощена своим занятием, что не замечала постороннего взгляда.

Николя Дю Вилль стоял в дверях, держа записку, которую Тереза упросила передать лично мисс Стоун. За последний месяц Тереза успела изобрести столько блестящих планов, чтобы столкнуть его лицом к лицу с племянницей атташе, что Николя не сомневался: сегодняшнее поручение тоже придумано с целью познакомить его с англичанкой. Не впервые сестрица пыталась сосватать ему очередную дурочку-подружку, и Ники по опыту знал, что лучший способ заморозить бутоны романтических замыслов мисс Стоун – просто довести до слез девчонку или как следует запугать, пока та не обрадуется его уходу!

Он с довольно презрительным видом продолжал обозревать открывшуюся его взору очаровательную сценку, без сомнения, заранее продуманную во всех деталях мисс Стоун, желавшей произвести на него наиболее выгодное впечатление. Солнечный свет струился в расположенное позади диванчика окошко и переливался в сверкающем каскаде волос цвета красного дерева. Одну длинную прядь девушка лениво наматывала на указательный палец, притворяясь полностью поглощенной книгой; желтое утреннее платье раскинулось вокруг мягкими складками, а ноги кокетливо подобраны под подол. Изящный спокойный профиль, длинные ресницы опущены так, что почти лежат на щеках, а на полных рубиновых губках играет слабая улыбка.

Стремясь поскорее покончить с поручением, Николя вошел в комнату.

– Какая очаровательная картина, мадемуазель. Мои комплименты! – дерзко объявил он, нарочито растягивая слова.

Резко вскинув голову, Уитни поспешно захлопнула книгу с письмами Эмили, отложила ее и поднялась, нерешительно оглядывая молодого человека лет двадцати восьми, с ледяным высокомерием изучавшего ее, словно некое странное насекомое. Он, несомненно, мог считаться красивым: высокий, черноволосый, с пронизывающими карими глазами, в которых переливались золотистые искорки.

– Вы, надеюсь, успели все хорошенько рассмотреть, мадемуазель? – без обиняков осведомился он.

Сообразив, что действительно уставилась на гостя, Уитни мысленно одернула себя и кивком показала на записку в его руке:

– Вы пришли к тете?

К изумлению Уитни, молодой человек протянул записку ей.

– Я Николя Дю Вилль, и дворецкий уже сообщил, что вы меня ожидаете. Поэтому, думаю, мы вполне можем обойтись без вашего притворного удивления, не так ли?

Уитни потрясенно застыла под оценивающим взглядом незнакомца, медленно ползущим сверху вниз, от ее лба до самого края подола. Задержался ли он на ее груди, или во всем виновато ее разыгравшееся воображение?

Закончив осмотр спереди, он обошел ее, изучая со всех сторон, словно призовую лошадь.

– Не трудитесь читать, – бросил он, когда Уитни нервно развернула записку. – Там говорится, что Тереза оставила здесь браслет, но и вы, и я, конечно, знаем, что это всего-навсего предлог для знакомства.

Уитни была сбита с толку, смущена и оскорблена одновременно. Тереза говорила, что ее брат страшно высокомерен, но Уитни до сих пор не подозревала насколько!

– По правде говоря, – объявил он, снова встав перед ней, – я ожидал совсем не такого.

В голосе звучали нотки невольного восхищения.

– Николя!

Радостное приветствие тети Энн избавило Уитни от необходимости отвечать.

– Как я рада вам! Дворецкий объявил о вашем приходе, и я ожидала вас: одна из горничных обнаружила браслет Терезы под диванной подушкой. Видимо, застежка сломалась. Сейчас принесу, – пообещала она, поспешно выходя из комнаты.

Николя испуганно воззрился на мисс Стоун. На ее губах трепетала улыбка, а тонкие брови были чуть приподняты, словно девушка наслаждалась его замешательством. Николя прекрасно понимал, что такая грубость с его стороны требует по крайней мере извинения или вежливой беседы, и поэтому, наклонившись, взял с канапе руководство по этикету с вложенными в него письмами Эмили и взглянул на заголовок.

– Обучаетесь хорошим манерам, мисс Стоун? – осведомился он.

– Да, – ответила она, едва удерживаясь от смеха. – Желаете позаимствовать учебник?

Остроумный ответ заслужил ленивую одобрительную улыбку собеседника.

– Вижу, что необходимо срочно покаяться за непростительное поведение, – поспешил он заметить. – Мадемуазель, не оставите ли мне один танец на завтрашнем балу?

Уитни поколебалась, застигнутая врасплох очаровательной улыбкой и нескрываемым интересом.

Приняв ее молчание за кокетство, Николя пожал плечами, и улыбка превратилась из теплой в почти издевательскую.

– Судя по вашей нерешительности, можно предположить, что все ваши танцы уже обещаны. Ну что же, возможно, в другой раз…

Уитни поняла, что Николя отказывается от приглашения, и тут же решила, что ее первое впечатление о нем было правильным.

– Я не обещала ни одного танца, – сразила она гостя откровенным признанием. – Видите ли, вы первый джентльмен, которого я встретила в Париже.

Она намеренно подчеркнула не очень популярное во Франции слово «джентльмен», и это не ускользнуло от Ники, который, неожиданно откинув голову, весело расхохотался.

– Вот и браслет, – объявила леди Джилберт, появляясь в комнате. – И, Николя, пожалуйста, напомните Терезе, что застежка сломана.

Ники взял браслет и откланялся. Он уселся в коляску и, велев груму везти его в родительский дом, откинулся на кожаные подушки. Они миновали парк, извилистые аллеи которого обрамляли весенние цветы. Две хорошенькие женщины, его знакомые, помахали в знак приветствия ручками, затянутыми в светлые перчатки, но Ники едва заметил сцену, словно сошедшую с картин Гейнсборо. Мысли его были заняты юной англичанкой, которую он только что встретил.

Как ни пытался Николя, все же так и не смог понять, каким образом его пустоголовая болтушка сестра и Уитни Стоун стали такими близкими подругами. Обе отличались друг от друга, как лимонад и крепкое французское вино. Тереза – милое, хорошенькое, похожее на куколку создание, но в ней не было скрытых глубин, способных пробудить интерес в мужчине.

С другой стороны, Уитни Стоун оказалась настоящей сокровищницей контрастов. Она сверкала, словно густое рубиновое бургундское, обещающее невиданные наслаждения и опасные приключения. Для семнадцатилетней девушки она переносила его презрительные реплики и издевательства с необыкновенной сдержанностью и немалым мужеством. Всего несколько лет, и она превратится в неотразимую женщину.

Николя усмехнулся, вспомнив, как язвительно парировала она его замечание относительно учебника этикета. Жаль будет, если такая редкостная драгоценность останется незамеченной среди толпы дебютанток на завтрашнем балу, и лишь потому, что она не француженка!

* * *

Великолепные гобелены украшали одну стену гигантской бальной залы, а противоположная, зеркальная, отражала пламя тысяч свечей в сверкающих люстрах. Увидев себя в одном из зеркал, Уитни попыталась определить, как она выглядит. Ее белый шелковый бальный наряд был отделан широкими фестонами, скрепленными розовыми шелковыми розами в тон тем, что украшали тяжелые локоны, собранные в корону на голове. Девушка с удивлением увидела собственное спокойное лицо, совершенно не отражавшее того волнения, что бушевало в душе.

– Все будет прекрасно, вот увидишь, – шепнула тетя Энн.

Но Уитни придерживалась совершенно противоположного мнения. Как она может соперничать с этими ослепительными блондинками и рыжеволосыми прелестницами, притворно-застенчивыми миниатюрными брюнетками, весело смеявшимися и непринужденно болтавшими с красивыми молодыми людьми в черных фраках с яркими шелковыми жилетами всех цветов и оттенков. Уитни твердила, что не станет расстраиваться из-за таких пустяков, как дурацкий бал, но в душе знала, что лжет себе. Ей далеко не все равно!

Тереза и ее мать появились всего за несколько секунд перед тем, как музыканты подняли инструменты, готовясь сыграть первый танец.

– У меня чудесные новости, – выдохнула Тереза. Сегодня она казалась хрупкой фарфоровой статуэткой: белое кружевное платье, разрумянившееся личико и блестящие локоны, искусно уложенные на головке. – Моя горничная, кузина камердинера Ники, сказала мне, что Ники сегодня обязательно будет на балу, да еще привезет с собой троих приятелей. Он сыграл с ними в кости на пятьсот франков, они проиграли и теперь вынуждены приехать и танцевать с тобой…

Она осеклась и, философски пожав плечами, наградила очаровательным реверансом молодого человека, пригласившего ее на танец.

Уитни все еще не могла опомниться от смущения после столь невероятного известия, когда раздались первые аккорды музыки и дебютантки в сопровождении своих партнеров направились к центру зала. Не все, конечно…

Уитни беспомощно взглянула на тетю Энн, чувствуя, как багровеют щеки. Отправляясь сюда, она, конечно, знала, что приглашение на первый танец вовсе не обязательно последует, однако не ожидала, что на душе будет так отвратительно-мерзко оттого, что ее оставили стоять здесь, у стены, с тетей и мадам Дю Вилль. Чувство было до боли знакомым – она словно вновь перенеслась в Англию, домой, где приглашения от соседей были крайне редки и, даже если она их принимала, к ней неизменно относились с пренебрежением или полным безразличием.

Тереза танцевала второй и третий танцы, а Уитни продолжала подпирать стену. Когда музыканты заиграли четвертый танец, унижение стало невыносимым. Наклонившись к тете Энн, Уитни хотела было попросить разрешения выйти в сад, но в этот момент у входа нача-

лось нечто вроде суматохи, и девушка с любопытством проследила за взглядами большинства гостей.

Под сводчатым портиком стоял Николя Дю Вилль в компании трех молодых людей. Облаченные в элегантные вечерние костюмы, они непринужденно, с полнейшим безразличием, словно не замечая, что стали предметом всеобщего внимания, обозревали толпу хихикающих дебютанток, юных денди и озабоченных мамаш. Заметив наконец Уитни, Николя слегка наклонил голову в знак приветствия, и вся четверка устремилась вперед.

Уитни вжалась в стену, подавляя ребяческое желание спрятаться за спину тети Энн. Она просто не могла рисковать еще одним столкновением с Николя Дю Виллем. Вчера она была слишком изумлена несправедливыми нападками, сегодня гордость и самообладание были практически уничтожены, и в довершение ко всем унижениям она не могла не отметить, каким элегантным и красивым выглядел Николя в черном фраке.

Она с ужасом наблюдала, как вновь прибывшие прокладывают себе дорогу в притихшей толпе, отметив разницу между ними и остальными мужчинами в бальной зале. Николя и его друзья были несколькими годами старше, чем эти юноши, увлеченно ухаживающие за еще более молодыми девушками, и, кроме того, этих мужчин словно окружала аура утонченной искушенности, явно выделявшая их из присутствующих гостей.

– Ники, глазам своим не верю! Я была бы меньше удивлена, появись здесь сам дьявол! – Мадам Дю Вилль восторженно рассмеялась.

– Благодарю, мама, – сухо пробормотал он, слегка поклонившись. И, резко повернувшись к Уитни, взял ее холодную руку, поднес к губам и раздражающе ехидно хмыкнул: – Перестаньте смотреть на меня так, будто увидели привидение, мадемуазель! Вы должны вести себя с совершенным равнодушием, словно все происходящее в порядке вещей.

Уитни уставилась на него широко раскрытыми глазами, не совсем уверенная, оскорблена она или благодарна за непрошеный совет. Николя иронически поднял брови, словно прекрасно понимая, о чем она думает, и без лишних слов представил ей своих спутников.

Снова заиграла музыка, и Ники, не спрашивая разрешения, просто положил руку Уитни на сгиб своей, вывел ее в центр залы и закружил в вальсе, двигаясь с ленивой грацией. Уитни изо всех сил старалась припомнить все, что показывал учитель танцев.

– Мадемуазель, – услышала она низкий голос своего партнера, едва сдерживающего смех, – если соизволите поднять глаза, сразу обнаружите, что я неотрывно смотрю на вас взглядом, который наши сбитые с толку зрители посчитали бы обожающим. Однако если вы будете по-прежнему продолжать считать складки на моем галстуке, я забуду о том, что должен выглядеть влюбленным, и приму скучающий и утомленный вид. Ну а в этом случае, вместо того чтобы иметь бешеный успех в обществе, вы навечно останетесь без кавалеров!

– Навечно?! – выпалила Уитни, вскидывая голову, но, заметив веселые искорки в его глазах, мгновенно ощутила, как тает негодование. – Кажется, на нас уже обращают внимание, – призналась она. – Они, похоже, следят за нами и…

– Они следят не за нами, – возразил Николя, снисходительно усмехнувшись, – а за мной и пытаются разгадать, уж не вы ли та, кто заманил меня на это чрезвычайно скучное сборище добродетельных невинных крошек…

– И отвлекла от привычных греховных развлечений? – поддразнила Уитни, не замечая, как ее живое, выразительное лицо медленно освещается прекрасной, манящей улыбкой.

– Совершенно верно, – хмыкнул Ники.

– В таком случае, – весело протянула она, – может, мне следует опасаться, уж не погубит ли этот вальс мою репутацию раз и навсегда?

– Нет, зато может погубить мою. – И, увидев ее удивленный взгляд, небрежно заметил: – Появляться на балах дебютанток – вовсе не мой стиль, мадемуазель. Кроме того, тан-

цевать с дерзкими девчонками столь юного возраста – вещь для меня совершенно неслыханная!

Уитни оторвала взор от словно высеченного резцом скульптора лица Николя Дю Вилля и украдкой оглядела молодых денди в ярких жилетах. Все они глазели на Ники с нескрываемым раздражением, и неудивительно! Его черный фрак безупречного покроя и непринужденная учтивость заставляли всех их казаться зелеными юнцами, одетыми к тому же слишком безвкусно.

– Они все еще глазеют? – шутливо осведомился Ники.

Уитни прикусила губу, пытаясь сдержать смех, уже светившийся в ее глазах.

– Да, но я их не осуждаю, вы похожи на ястреба, влетевшего в комнату, полную канареек.

Губы Ники медленно растянулись в восхищенной улыбке.

– Совершенно верно, – тихо выдохнул он. – Кстати, у вас очаровательная улыбка, cherie[2].

Уитни подумала, что именно у него улыбка просто неотразимая, но не успела ответить, как Николя мрачно нахмурился.

– Ч-что-то случилось?

– Да! – резко бросил он. – Никогда не позволяйте человеку, с которым не помолвлены, называть вас cherie!

– Обещаю уничтожить взглядом любого, кто на такое осмелится! – смеясь, заявила Уитни.

Николя зааплодировал:

– Уже гораздо лучше… – И дерзко добавил: – cherie.

Когда вальс закончился, он проводил Уитни к тете, продолжая идти со склоненной головой, словно боялся пропустить хотя бы одно обращенное к нему слово, и ждал, не сводя с девушки глаз, пока та танцевала по очереди с каждым из его друзей.

Голова Уитни слегка кружилась. Она ощущала себя беззаботной, веселой, и окружающий мир переливался всеми красками. Мужчины едва не выстраивались в очередь, умоляя быть представленными ей. Уитни понимала, что имеет такой успех лишь благодаря неожиданному появлению Николя и его приятелей, но была слишком благодарна им и счастлива, чтобы терзаться сомнениями.

Клод Делакруа, красивый светловолосый мужчина, один из спутников Николя, успел обнаружить, что Уитни любит лошадей, и оба долго, весело и горячо спорили о преимуществах одной породы перед другой. Он даже спросил, не согласится ли Уитни как-нибудь поехать с ним на прогулку, и уж это приглашение было получено совсем не благодаря просьбе Ники. Уитни светилась от радости и, возвратившись к тете, продолжала улыбаться.

Настроение Ники по какой-то причине изменилось к худшему. Мрачно сдвинув брови, он пригласил Уитни на следующий танец.

– Клод Делакруа, – сухо уведомил он, сжимая ее руку, – принадлежит к почтенной старой фамилии. Он превосходный наездник, великолепный игрок и хороший друг. Однако он неподходящий компаньон для вас, и вы не должны и думать о нем как о возможном поклоннике. В сердечных делах Клод непревзойденный эксперт, но очень быстро теряет интерес и тогда…

– Разбивает сердце дамы? – с притворной грустью предположила Уитни.

– Совершенно верно! – сурово отрезал Ники.

Но Уитни была твердо уверена, что душой и телом принадлежит Полу и поэтому никакая опасность ей не грозит.

---

[2] милая (*фр.*).

– Постараюсь как можно бдительнее охранять свое сердце! – мягко улыбнувшись, заметила девушка.

Взгляд Ники остановился на нежных зовущих губах и сияющих глазах цвета темного нефрита.

– Впрочем, может, это я должен предостеречь Клода! По-моему, именно ему следует остерегаться. Будь вы постарше, мадемуазель, я именно так бы и поступил.

Когда Ники вновь проводил Уитни к тете, вокруг столпилось не менее дюжины кавалеров, едва ли не сражавшихся за право танцевать с ней. Ники, удерживая ее, кивнул на молодого человека, стоявшего в самом конце очереди.

– Андре Руссо может стать превосходным мужем для вас!

– Вы не должны говорить подобные вещи, – притворно упрекнула девушка, смеясь одними глазами.

– Знаю, – кивнул Ники. – Ну хоть теперь я прощен за мою вчерашнюю грубость?

– Я бы сказала, что «спущена на воду» так же безупречно красиво, как одно из судов его величества!

Ники, улыбаясь с искренней теплотой, снова поднес к губам ее пальцы.

– Счастливого путешествия, cherie! – пожелал он и исчез.

Все еще размышляя о вчерашнем вечере, Уитни, изумленно покачивая головой, спустилась на следующее утро по ступенькам, намереваясь проехаться верхом на самой резвой кобылке дядюшки. Однако из гостиной донеслись мужские голоса, а когда Уитни попыталась прокрасться мимо, в дверях появилась тетя Энн, буквально светясь от счастья.

– Я как раз шла за тобой, – шепнула она. – У тебя визитеры.

– Визитеры? – повторила Уитни, впадая в панику. Одно дело шептать всем известные банальности во время танцев и совершенно другое – пытаться очаровать и заинтересовать этих молодых людей, снизошедших до того, чтобы нанести ей утренний визит.

– Что сказать им? – умоляюще пробормотала Уитни. – Что делать?

– Делать? – засмеялась Энн, отступая в сторону и обнимая Уитни за талию. – Да просто будь собой, дорогая!

Уитни нерешительно вошла в комнату.

– Я хотела отправиться на прогулку в парк, – объяснила она троим поклонникам, с которыми танцевала прошлой ночью.

Молодые люди вскочили при ее приближении, причем каждый протягивал букет цветов. Уитни едва заметно улыбнулась.

– Кажется, вы все только сейчас явились оттуда?

На лицах всех троих отразилось искреннее недоумение. Лишь через несколько минут до них наконец дошло, что она шутливо предположила, будто им пришло в голову нарвать цветов на парковых клумбах. И тут – о чудо из чудес! – они засмеялись и начали добродушно спорить о том, кому достанется честь прогуляться с ней по парку.

Уитни, справедливости ради, с радостью разрешила всем троим сопровождать ее.

В этом году мисс Стоун была признана «оригинальной». Во времена, когда молодые дамы были самим воплощением изящной хрупкости и кокетливой застенчивости, Уитни казалась жизнерадостной и порывистой. Ее сверстницы старались вести себя как можно скромнее, Уитни же не скрывала ни ума, ни прямоты.

В течение следующего года Энн продолжала наблюдать, как природа, действуя в союзе со временем, выполнила свое обещание, превратив юное личико Уитни в образец истинной красоты. Пушистые черные ресницы оттеняли невероятно выразительные глаза, изменявшие цвет от зелени морской волны до темно-нефритового, сверкавшие из-под грациозно изогнутых темных бровей. Локоны оттенка полированного красного дерева обрамляли лицо

с изысканно-скульптурными чертами, нежным, чуть великоватым ртом и кожей, гладкой, словно атлас цвета сливок. Она по-прежнему была тоненькой, но фигура округлилась и приобрела полагающиеся соблазнительные изгибы и впадины. В этом году ее провозгласили «несравненной».

Поклонники не уставали петь дифирамбы ее красоте и прелести и твердили, что она царит в их снах. Уитни терпеливо выслушивала пространные комплименты и страстные клятвы в вечной верности с улыбкой, отчасти выражавшей недоверчивое изумление, отчасти благодарность за их доброту.

Она напоминала Энн неуловимую тропическую птичку, потрясенную и счастливую собственным успехом. Иногда она, забыв об осторожности, слетала вниз, но как только очередной поклонник протягивал руку, чтобы ее схватить, птичка мгновенно вспархивала и улетала.

Она была прекрасна, и мужчины покидали не менее красивых женщин, чтобы добиться ее расположения, сраженные духом истинного веселья, окружавшего Уитни, и неподдельной искренностью ее манер.

К началу четвертого года пребывания Уитни в Париже завоевать ее стало делом чести более мудрых, искушенных мужчин, стремившихся покорить ее просто из желания доказать, что оказались в выигрыше там, где проиграли другие, и неожиданно для себя обнаружить, как страстно влюблены в эту молодую женщину, не проявляющую ни малейшего желания ответить на их чувства. Все понимали, что Уитни скоро придется выйти замуж, в конце концов, ей уже девятнадцать. Даже лорд Джилберт начинал потихоньку тревожиться, но когда он заметил жене, что, по его мнению, Уитни слишком разборчива, леди Энн лишь улыбнулась.

И все потому, что ей казалось, будто Уитни питает несомненную симпатию к Николя Дю Виллю.

Глава 5

Внезапно осознав, что в третий раз за последние десять минут вновь потеряла нить разговора, Уитни виновато покосилась в сторону приехавших с визитом девушек. К счастью, все были слишком поглощены подробным и восторженным описанием прелестей Терезы и ее новой жизни в качестве замужней женщины и, казалось, совершенно не замечали рассеянности Уитни.

Уитни нервно теребила письмо от Эмили, только что врученное ей, гадая, как всегда, уж не в нем ли содержится известие о помолвке Пола. Не в силах больше выносить неизвестности, она поспешно распечатала конверт и с бешено заколотившимся сердцем начала читать:

«Дражайшая Уитни! С этих пор я требую от тебя всяческого почтения и низких поклонов, поскольку ты должна отныне обращаться ко мне «леди Эмили, баронесса Арчибалд, счастливейшая из всех женщин на земле». Лишь в этом случае я смогу поверить, что все это действительно правда».

Следующие две страницы были заполнены бесконечными славословиями в адрес мужа Эмили и подробностями церемонии, проведенной по специальному разрешению.

«Все, что ты писала о Франции, верно и для Англии, – продолжала Эмили, – и, как чудовищно это ни звучит, всякий джентльмен, имеющий титул, считается выгодной партией, но даю слово, что ты, познакомившись с моим мужем, согласишься: лучшего человека нет во всем мире, и он был бы таким же без всякого титула».

Уитни невольно улыбнулась, прекрасно понимая, что Эмили никогда не вышла бы за своего барона, если бы не любила его.

«Но достаточно обо мне, – продолжала Эмили. – Я просто обязана сообщить тебе кое-что, о чем забыла упомянуть в предыдущем письме. Я в компании шести девиц из нашего графства поехала на раут в один из аристократических лондонских домов, где хозяйка представила нам джентльмена, немедленно завоевавшего сердца и воображение дам. И неудивительно – он был очень высок и красив да еще происходил из известной французской семьи! Уитни, это был мистер Николя Дю Вилль! Я, будучи совершенно уверена, что это тот самый джентльмен, о котором ты упоминала в письмах, осведомилась, знаком ли он с тобой. Он ответил утвердительно, и Маргарет Мерритон вместе с остальными немедленно окружили его, стараясь выразить свое сочувствие.

Как бы ты смеялась, увидев, что мистер Дю Вилль сначала окинул их взглядом, способным любого обратить в камень, а потом буквально уничтожил рассказами о твоих бесчисленных парижских поклонниках и победах. Он даже намекнул, будто безумно увлечен тобой, что заставило девиц в полном смысле позеленеть от ревности и зависти. Неужели то, что он сказал, правда? И почему ты не признавалась, что весь Париж у твоих ног?»

Уитни улыбнулась. Хотя Ники упоминал, что встретил Эмили в Лондоне, все же не заикнулся о знакомстве с ее смертельным врагом Маргарет Мерритон и остальными девушками. Однако радость, вызванная сознанием того, что он немедленно бросился на ее защиту, исчезла, как только девушка попыталась решить, действительно ли Ники хочет стать для нее больше чем другом. Почти три года он был всего лишь красивым видением, появлявшимся без предупреждения, чтобы пригласить ее на танец или подшутить над очередным поклонником. Потом он так же неожиданно исчезал с какой-нибудь ослепительной дамой, по-хозяйски вцепившейся в его руку.

Но несколько месяцев назад все неожиданно изменилось. Они встретились в театре, и Ники почему-то пригласил Уитни в оперу. С этого дня он сопровождал ее повсюду: на балы и рауты, музыкальные утренники и спектакли. Из всех знакомых ей мужчин Уитни чувство-

вала себя легко и хорошо лишь с Николя Дю Виллем, но мысль о том, что он может иметь к ней серьезные намерения, была невыносимой.

Уитни рассеянно уставилась в письмо, не замечая, что глаза ее затуманены печалью. Если Ники сделает ей предложение и она откажется… должна будет отказаться, значит, всему конец: ее дружбе с Терезой и Ники, значившей для нее так много, приятельским отношениям тети и дяди с семьей Дю Виллей…

Вздохнув, она вновь вернулась к письму Эмили. В самом конце были новости о Поле:

«Элизабет уехала в Лондон на весь сезон, и все ожидают, что по возвращении домой Пол сделает ей предложение, поскольку ее родители считают, что им давно пора пожениться».

Уитни, которая была вне себя от радости по поводу чудесных известий от Эмили, неожиданно почувствовала, что вот-вот разразится слезами. Ну почему после выполнения всех ее планов и замыслов, когда она наконец готова завоевать сердце Пола, отец удерживает ее во Франции, не обращая внимания на все мольбы о возвращении домой?

Проводив подруг, Уитни немедленно бросилась к себе. На этот раз она пошлет отцу письмо, которое тот не сможет игнорировать, как остальные. Она хочет ехать домой. Должна ехать, причем немедленно!

После долгих раздумий она сочинила письмо, взывая к задетому самолюбию и достоинству отца, уверяя, будто должна доказать ему, что теперь он может гордиться ею. В заключительных строках Уитни несколько раз повторила, что любит его. Потом она написала Эмили.

Когда девушка спустилась вниз, чтобы приказать лакею отослать письма, дворецкий сообщил, что месье Дю Вилль только что приехал и желает видеть ее немедленно.

Сбитая с толку, Уитни прошла через холл в кабинет дяди.

– Здравствуйте, Ники! Какой чудесный день, правда?

– Разве? – сухо осведомился он, оборачиваясь.

Николя явно был не в духе. Уитни мгновенно поняла это по плотно сжатым губам и неестественно выпрямленным плечам.

– Э-э-э, конечно! Теплый и солнечный.

– В таком случае, может, объясните, что нашло на вас и заставило участвовать в публичных скачках?! – рявкнул он, не обращая внимания на попытки Уитни занять его светской беседой.

– Это были вовсе не публичные скачки, – пробормотала Уитни, потрясенная столь откровенным возмущением.

– Нет? Тогда, возможно, поведаете, каким образом вся эта история оказалась в сегодняшних газетах?

– Не знаю, – вздохнула Уитни. – Вероятно, кто-то поделился с приятелем, а потом все стало достоянием репортеров. Обычно так и бывает. Но как бы то ни было, я выиграла! И обогнала барона фон Альта!

Девушка весело тряхнула головой, однако голос Ники негодующе зазвенел:

– Я запрещаю вам впредь проделывать подобные вещи!

И, заметив, как застыла Уитни, смущенная и рассерженная одновременно, он покачал головой:

– Простите мой тон, cherie! Надеюсь увидеть вас на сегодняшнем маскараде в доме Арманов, если, конечно, вы не измените решения и не позволите сопровождать вас.

Уитни улыбнулась, принимая извинения, но решительно отвергла его предложение проводить ее к Арманам.

– Думаю, будет лучше, если я поеду с тетей и дядей. Многие дамы уже и так косятся на меня за то, что я отнимаю слишком много вашего времени, Ники.

Ники уже в который раз проклял себя за то, что позволил ей занять место в своем сердце. Целых три года интуиция подсказывала ему держаться от нее подальше. И тут несколько месяцев назад, после одного совершенно отвратительного вечера, проведенного с дамой, некогда занимавшей его, теперь же лишь раздражавшей своей навязчивостью, Ники повстречал Уитни в театре и, повинуясь дурацкому порыву, пригласил в оперу.

К концу вечера он был совершенно очарован. Девушка просто опьяняла сочетанием красоты, острого ума, тонкого чувства юмора и обезоруживающего здравого смысла. И кроме того, она оказалась чертовски неуловимой и постоянно ускользала от всех попыток завоевать ее!

И теперь он молча смотрел на нее. Уголки чувственных губ чуть приподняты в легкой усмешке, именно такой, какую дарят любимому брату, но, уж во всяком случае, не будущему мужу. Раздражение побудило Ники к немедленным действиям.

Прежде чем Уитни успела разгадать его намерения, сильные руки сжали ее, а лицо Ники почему-то оказалось совсем рядом с ее собственным.

– Ники, не надо! Я…

Но его рот немедленно заглушил испуганные протесты, а язык обвел контуры ее губ, словно пробуя их на вкус. Раньше лишь неуклюжие, потерявшие голову поклонники пытались поцеловать ее, и Уитни легко отделывалась от них, но страстный поцелуй Ники возбудил в ней новые чувства, пугающие и тревожные. Уитни ухитрилась остаться внешне холодной и равнодушной, но, как только его хватка ослабла, поспешно отступила.

– Очевидно, – с притворным спокойствием объявила она, – мне следовало бы дать вам пощечину.

Она выглядела столь бесстрастной, что Ники неожиданно для себя, потрясенный ощущением этих нежных губ и прикосновением упругих холмиков к его груди, пришел в бешенство.

– Дать мне пощечину? – саркастически переспросил он. – С какой стати? Думаю, я не первый и даже не сотый мужчина, сумевший украсть у вас поцелуй.

– Вы так считаете? – вскинулась Уитни, уязвленная до глубины души намеком на ее распутное поведение. – По всему видно, что именно я имела честь быть вашей первой женщиной!

Слова не успели слететь с губ, но Уитни уже увидела, как гневно исказилось лицо Ники, и поняла, что зашла слишком далеко и сделала серьезную тактическую ошибку, усомнившись в его мужских достоинствах.

– Ники, – шепнула она, осторожно шагнув назад.

Но Ники надвинулся на нее. Она нырнула под письменный стол дяди и встала лицом к Ники, настороженно опираясь о крышку, готовая в любую минуту бежать. Они стояли друг против друга, разделенные столом, две воюющие стороны, причем каждый ожидал, пока другой сделает первый выпад. Внезапно юмор ситуации дошел до Уитни, и она начала смеяться.

– Ники, интересно, имеете ли вы хоть малейшее представление о том, что собираетесь делать, когда поймаете меня?

Ники так и подмывало объяснить, что бы ему хотелось сделать, когда он ее поймает, но совершенная глупость происходящего была очевидна. Он выпрямился, и гнев мгновенно растаял.

– Выходите из-за стола, – хмыкнул он. – Даю слово, что буду вести себя, как подобает джентльмену.

Вглядевшись в его лицо, Уитни решила, что ему можно верить, и, послушно выполнив приказ, взяла его под руку и проводила до двери.

– Увидимся на маскараде, – пообещала она.

Глава 6

Лорд Эдвард Джилберт стоял в гостиной перед зеркалом в костюме чешуйчатого зеленого крокодила, выбранном женой для маскарада в доме Арманов.

Он с омерзением переводил взгляд с широко раскрытой, готовой сомкнуться пасти на устрашающие лапы и длинный толстый хвост, волочившийся по полу. Именно в том месте, где должно было находиться узкое зеленое тело крокодила, величественно вздымался животик сэра Эдварда.

Повернувшись спиной к зеркалу, он оглянулся через плечо и попробовал повращать бедрами, с брезгливым любопытством наблюдая, как извивается хвост.

– Какая пакость! – поморщился он. – Совершенно непристойно!

Леди Энн и Уитни вошли в комнату как раз в этот момент, и Эдвард в отчаянии воззвал к жене.

– Черт возьми! – взорвался он, сорвал с себя голову крокодила и, угрожающе помахивая ею, направился к леди Энн, не обращая внимания на тащившийся за спиной хвост. – Как, спрашивается, я смогу выкурить сигару в этой штуке?

Леди Энн невозмутимо улыбнулась, обозревая костюм, который выбрала, не потрудившись посоветоваться с мужем.

– Я не смогла достать твой любимый костюм Генриха Восьмого и была совершенно уверена, что ты не пожелаешь быть слоном…

– Слоном?! – с горечью повторил сэр Эдвард. – Удивительно, что ты не купила мне это одеяние! Представляю, как бы ты потешалась, видя меня на четвереньках, виляющего задом и норовящего исподтишка ткнуть кого-нибудь бивнями! Мадам, в конце концов, я обязан поддерживать репутацию, достоинство…

– Тише, дорогой, – нежно упрекнула жена. – Что подумает Уитни?

– Я скажу тебе, что она подумает! Она посчитает, что я выгляжу настоящим ослом! Любой и каждый именно так и подумает! Ну же, племянница, объясни тете, что я похож на осла!

Уитни с веселым сочувствием оглядела дядю.

– Твой костюм очень оригинален, дядя Эдвард! – дипломатично ответила она и немедленно успокоила его, упомянув имя старого соперника: – Кроме того, я слышала, что Юбер Гранвилль явится в обличье лошади.

– Неужели? – мгновенно развеселился лорд Джилберт, забыв обо всем. – Голова или хвост?

– Забыла спросить, – усмехнулась Уитни.

– Сейчас попробую угадать, кем же будешь ты, – хмыкнул дядя.

Уитни медленно повернулась под критическим взглядом сэра Эдварда. Ее костюм в греческом стиле из прозрачного шелка был застегнут на левом плече аметистовой брошью, оставляя другое сливочно-белое плечико соблазнительно голым. Бесчисленные складки маняще льнули к полным грудям и узкой талии и изящно ниспадали на пол. Густые пряди блестящих волос были перевиты лютиками и фиалками.

– Венера, – решил дядя.

Уитни покачала головой:

– Нет… присмотрись получше.

Она накинула пурпурную атласную мантию на плечи и выжидающе улыбнулась.

– Венера! – снова объявил он, на этот раз еще решительнее.

– Нет, – ответила Уитни, целуя его в щеку. – Модистка попыталась приукрасить мифологию. Я должна была предстать Прозерпиной, но она одевалась куда проще и скромнее.

– Кем? – удивился Эдвард.

– Прозерпиной, богиней весны, – пояснила Уитни. – Вспомни, дядя! Ее всегда рисовали с лютиками и фиалками в волосах и с пурпурной мантией вроде этой.

Дядя по-прежнему непонимающе смотрел на нее, и Уитни добавила:

– Плутон унес ее в подземный мир и сделал своей женой.

– Довольно подло с его стороны, – рассеянно заметил Эдвард, – но твой костюм мне нравится. Все будут так старательно гадать, кем ты явилась, что ни у кого не останется времени понять, кто же этот отвратительный жирный крокодил.

И с этими словами он предложил одну руку Уитни, а другую леди Энн, одетой средневековой королевой, в эннене – высоком коническом головном уборе с вуалью.

В переполненной бальной зале звучал громкий смех, заглушая музыку и разговоры. Посреди залы гости безуспешно пытались танцевать под музыку, которой почти не слышали.

Стоя у стены, окруженная толпой поклонников, Уитни безмятежно улыбалась. Она видела, как в залу вошел Ники, коротко кивнул матери и безошибочно отыскал ее, несмотря на белую полумаску, скрывавшую лицо. Он только что явился с другого бала и был во фраке. Уитни, искренне обрадовавшись, пристально рассматривала молодого человека. Она восхищалась Ники, всеми его качествами: от умения элегантно одеваться до утонченного обаяния, которым тот, несомненно, обладал. На какой-то момент воспоминание о поцелуе обожгло ее, и по телу пробежали мурашки волнующего озноба.

Приблизившись, он окинул бесстрастным взглядом собравшихся возле Уитни мужчин, и они расступились, давая ему дорогу, словно по молчаливому приказу. Недвусмысленно улыбаясь, он осмотрел ее греческий костюм, пурпурную мантию, цветы в волосах. Лишь после этого Ники поднес к губам пальцы девушки и сказал, чуть повысив голос, чтобы быть услышанным в этом шуме:

– Вы несравненны сегодня, Венера.

– Аминь, – согласился огромный банан, старавшийся протиснуться мимо компании Уитни.

– Неотразима! – провозгласил рыцарь в доспехах, поднимая забрало и оглядывая Уитни с оценивающей ухмылкой.

Ники пригвоздил взглядом к полу обоих нахалов, а Уитни с притворной застенчивостью прикрылась веером, чтобы скрыть улыбку. Теперь этот мир принадлежал ей, и она чувствовала себя уверенно и в полной безопасности. Здесь, во Франции, стоило ей сказать нечто оригинальное, а не обычную банальную чепуху, которую несли молодые девушки, как все начинали утверждать, что она очень остроумная и живая, или даже цитировали ее. Никто и не думал неодобрительно хмуриться или возмущенно фыркать. В Англии, несомненно, будет то же самое. Когда-то в ранней юности она совершала ужасные ошибки. Но с тех пор поумнела и никогда больше не опозорится!

Она ощутила восхищенный взгляд Ники, но не стала объяснять, что приехала на маскарад вовсе не в костюме богини любви. Вряд ли присутствующие в этой зале разбирались в греческой мифологии и слышали хоть какое-то имя богини, кроме Венеры! Даже такие явные символы в виде лютиков, фиалок и пурпурной мантии ничего не говорили Ники. Уитни давным-давно оставила попытки просветить здешнее общество.

Она как раз находилась в процессе размышления над тем, кому оказать честь и поручить принести еще немного пунша, когда Андре Руссо, один из самых верных ее почитателей, заметил, что бокал девушки пуст.

– Но этого нельзя допустить, мадемуазель! – театрально провозгласил он. – Я до сих пор не удосужился понять, что вы умираете от жажды! Можно взять это?

Он с грозным видом показал на ни в чем не повинный бокал.

Уитни милостиво кивнула, и молодой человек низко поклонился:

– Огромная честь для меня, мадемуазель.

Торжествующе оглядев соперников, он удалился в направлении гигантского хрустального фонтана, журчавшего бесконечными струйками пунша.

Интересно, посчитает ли и Пол за честь подобную просьбу? – мечтательно подумала Уитни. Но сама мысль о том, как Пол Севарин вспыхнет от гордости, получив столь ничтожное поручение, казалась настолько смехотворной, что девушка невольно улыбнулась. Ах, если бы только он мог видеть ее сейчас, окруженную поклонниками, почитателями и обожателями!

Уитни вздохнула и постаралась на время выбросить из головы Пола. Пора вернуться к реальности, тем более что она лишь сейчас сообразила, как невежливо пристально уставилась на мужчину в черном у противоположной стены. Лицо его было скрыто черной полумаской, но красиво очерченные губы растянулись в медленной довольной усмешке. Незнакомец слегка наклонил голову в подобии приветствия.

Пойманная за столь неприличным занятием, как подглядывание, Уитни отвернулась так поспешно, что едва не выбила бокал из протянутой руки Андре.

– Ваш пунш, мадемуазель, – объявил он, словно предлагал ей пригоршню бриллиантов.

Уитни, поблагодарив, взяла бокал, и молодой человек с сожалением уставился на свой атласный жилет цвета сливы, покрытый мокрыми пятнами. В ответ на сочувственные расспросы Уитни Андре начал описывать, какие опасности ему пришлось преодолеть, чтобы добыть ей пунш.

– Самое страшное – пробиться через эту толпу, мадемуазель! По пути меня едва не сбил с ног совершенно охмелевший лев, толкнул банан, который перед этим заговорил с вами, не говоря уже о том, что я споткнулся о хвост крокодила, который к тому же начал сыпать проклятиями.

– Я… простите, Андре, – охнула Уитни, подавляя испуганный смешок при упоминании о крокодиле. – Вероятно, это было просто ужасно!

– Напротив! – драматически воскликнул Андре, держась так, словно в самом деле совершил подвиг. – Для вас я готов на все! Никакая задача не может быть слишком трудной! Ради вас я переплыву Ла-Манш на плоту, вырву сердце из груди…

– И возможно, даже рискнете предпринять еще одно путешествие к фонтану с пуншем? – шутливо осведомилась Уитни.

Андре торжественно поклялся, что не задумываясь отважится на столь геройский поступок. Но Ники разглядывал молодого человека со смесью жалости, презрения и удивления.

– Cherie, – шепнул он Уитни, предлагая ей руку и направляясь к высоким стеклянным дверям, ведущим во внутренний дворик. – Либо выходите замуж за Андре, либо раз и навсегда объяснитесь с беднягой, иначе он действительно решится на что-нибудь опасное вроде перехода через улицу!

– Думаю, я просто обязана стать его женой, – дерзко усмехнулась Уитни уголками губ. – В конце концов, вы сами утверждали, что из Андре выйдет прекрасный муж. Помните, в ту самую ночь, когда вы посетили бал дебютанток и танцевали со мной.

Ники не промолвил ни слова, пока они не вышли во дворик.

– Вы совершили бы огромную ошибку. Наши семьи давно дружат, и будет ужасным преступлением лишиться этой дружбы, если мне придется убить единственного сына мадам и месье Руссо лишь для того, чтобы сделать вас вдовой.

Испуганная и потрясенная неожиданной угрозой, Уитни вскинула голову, но тут же обнаружила, что Ники широко улыбается.

– Как нехорошо с вашей стороны, Ники! Мне нравится Андре и нравитесь вы. Все мы друзья.

– Друзья? – повторил он. – Я бы сказал, что мы с вами больше чем друзья.

– Ну… хорошие друзья, – запинаясь, пробормотала Уитни.

Они долго оставались во дворике, беседуя со знакомыми, и Уитни всеми силами пыталась восстановить их прежние приятельские отношения, так радовавшие ее несколько месяцев назад. Но следующий вопрос заставил ее встрепенуться от изумления.

– В каком возрасте англичанки должны выходить замуж?

– Не позже тридцати пяти, – мгновенно нашлась Уитни.

– Прекратите, я серьезно!

– Ладно, – улыбнулась Уитни, отчаянно пытаясь сохранить легкомысленный тон. – Не позже двадцати пяти.

– Значит, вам пора подумать о замужестве.

– Я бы скорее подумала о том, что неплохо бы потанцевать!

Ники, казалось, приготовился к долгому разговору, но тут же передумал и предложил ей руку.

– Пойдемте танцевать, – коротко ответил он.

Но даже в этом ему не повезло. Позади, из тени деревьев, раздался низкий мужской голос:

– Сожалею, месье, но мисс Стоун обещала этот танец мне.

Уитни в изумлении обернулась. Из темноты выступил незнакомец, завернутый в черный плащ, но даже без этого почти сатанинского костюма Уитни немедленно узнала бы издевательскую улыбку, которой он одарил ее, поймав на себе слишком пристальный взгляд.

– Вы обещали мне этот танец, – повторил сатана, видя, что девушка колеблется.

Уитни не имела ни малейшего представления о том, кто скрывается за черной полумаской, однако всей душой стремилась избежать дальнейшего разговора с Ники о замужестве.

– Не помню, чтобы обещала кому-то танец, – нерешительно пробормотала она.

– О, это было несколько месяцев назад, – объяснил сатана, подхватывая ее под локоток и прилагая достаточно усилий, чтобы потащить ее за собой в залу.

Подавив улыбку при виде столь невероятной дерзости, Уитни оглянулась и вежливо извинилась перед Ники, продолжая ощущать его холодный взгляд.

Однако Ники был мгновенно забыт, как только сильные руки закружили ее в ритме вальса. Незнакомец двигался с изящной грацией человека, искушенного в искусстве танца. Они словно плыли на волнах чарующей музыки.

– Я действительно обещала вам танец сегодня вечером?

– Нет.

Откровенный ответ заставил девушку рассмеяться.

– Кто же вы? – заговорщически осведомилась она.

Ленивая улыбка осветила загорелое лицо.

– Друг? – предположил он тихо.

Но Уитни совершенно не узнавала этот низкий бархатный голос.

– Нет. Возможно, знакомый, но не друг.

– Придется мне это исправить, – с абсолютной убежденностью заявил он.

Уитни почувствовала неимоверное желание стереть с его губ надменную ухмылку.

– Боюсь, это невозможно. У меня и так слишком много друзей, пожалуй, больше, чем необходимо, и все клянутся в вечной преданности.

Серые глаза мужчины блеснули.

– В таком случае, вероятно, кому-нибудь из них придется раньше времени отправиться на тот свет… с моей помощью, конечно.

Уитни, не в силах сдержаться, расплылась в улыбке. В его последних словах не было ни малейшей угрозы, он просто забавлялся словесной игрой, и ей доставляло удовольствие парировать его выпады и наносить ответные.

– С вашей стороны крайне несправедливо укорачивать жизнь моих друзей. Все они в основном не слишком респектабельные люди, и их конечное пристанище может обладать не совсем приятным климатом.

– Слишком теплым? – поддразнил он.

– Боюсь, вы правы, – с притворным сожалением кивнула Уитни.

Он рассмеялся грудным, заразительным смехом, хотя в глазах появился дерзкий, оценивающий блеск, заставивший Уитни неловко поежиться. Она отвела взгляд, пытаясь решить, кто перед ней. Там, во дворике, он говорил на безупречном французском, однако здесь, в зале, его английский был таким же идеальным, без малейшего акцента. Но часть лица, не прикрытая маской, носила следы золотистого загара, который он, конечно, не мог приобрести ранней весной в Париже. Как, впрочем, и в Англии.

Попытка узнать его среди сотен мужчин, которые были ей представлены, казалась совершенно бесплодной, но Уитни все же попробовала решить эту задачу. Она мысленно перебирала всех своих знакомых, особенно тех, кто был слишком высок, поскольку незнакомец имел рост шесть футов два дюйма. Но так и не смогла определить, кто перед ней. Странно, но, казалось, он узнал ее даже под полумаской! И когда последние аккорды вальса затихли, она по-прежнему не имела ни малейшего представления, кто был ее партнером.

Уитни отступила, полуобернувшись к Ники, стоявшему на краю площадки для танцев, но незнакомец сжал ее руку, положил на сгиб своей и повел в противоположном направлении, к дверям, выходившим на южную сторону дома, в сад.

Правда, в нескольких шагах от порога девушка начала сомневаться в том, так ли уж мудро с ее стороны позволить увести себя в ночь человеку, которого она видела впервые в жизни. Она уже хотела повернуть назад, но в этот момент увидела, что не менее двух десятков гостей гуляют по дорожкам хорошо освещенного сада, вымощенным кирпичом. Любой придет ей на помощь, если ее спутник вдруг поведет себя не как подобает джентльмену. Правда, Уитни почти не сомневалась в его благородстве: всем было известно, как придирчиво семейство Арманов выбирает своих гостей. На их балах появлялись лишь избранные.

Оказавшись в саду, Уитни завела руки за голову и развязала ленты полумаски, белой бабочкой спустившейся к ней на руку. Девушка жадно вдыхала ночной воздух, напоенный ароматом цветов. Они подошли к маленькому белому столику из кованого железа, находившемуся почти посредине сада, и кавалер Уитни выдвинул для нее стул.

– Нет, я предпочитаю стоять, – запротестовала она, наслаждаясь относительным спокойствием и красотой залитых лунным светом деревьев.

– Ну, Прозерпина, как же мы сможем стать друзьями, если ни один из ваших приятелей не собирается сделать мне одолжение и умереть в обозримом будущем?

Уитни улыбнулась, довольная, что хотя бы один из присутствующих на балу не путает ее с Венерой.

– Откуда вы знаете, кто я?

Она имела в виду знание греческой мифологии, но сатана, очевидно, неверно ее понял, поскольку, пожав плечами, объяснил:

– На Дю Вилле нет маски, и поскольку вы двое, по слухам, неразлучны, стоило лишь увидеть его, чтобы понять, кто вы.

На гладком лбу Уитни появилась морщинка. Да, весьма неприятно слышать о том, что сплетники уже связывают ее имя с именем Ники.

– Поскольку мой ответ, кажется, взволновал вас, – сухо заметил он, – вероятно, мне следует быть более искренним и признаться, что некоторые ваши… особенности… позволяют легко выделить вас из толпы даже под маской.

Боже! Действительно ли его взгляд бесстыдно скользит по ее телу, или все это ей лишь кажется?

Когда он небрежно оперся бедром о железный столик, Уитни почему-то стало не по себе.

– Кто вы? – решительно потребовала она ответа.

– Друг.

– Ничего подобного! Не могу припомнить, чтобы у кого-то из моих знакомых были такой рост, или глаза, или столь непристойно дерзкие манеры, особенно для англичанина! – И, помолчав, нерешительно добавила: – Вы ведь англичанин, не так ли?

Он всмотрелся в ее смятенные зеленые глаза и весело хмыкнул:

– Как глупо с моей стороны! Мне следовало бы пересыпать речь такими выражениями, как «в самую точку», «гром и молния», «клянусь Богом», – в таком случае вы сразу же узнали бы, кто я на самом деле.

От него веяло таким весельем, что Уитни не смогла сдержать ответной улыбки.

– Прекрасно, поскольку вы признались в своем английском происхождении, расскажите подробнее, кто вы на самом деле.

– А кем бы вы хотели видеть меня, малышка? – осведомился он. – Женщины обычно приходят в восторг от титулов. Понравится ли вам, если узнаете, что я герцог?

– Вы можете быть разбойником, – взорвалась смехом Уитни, – или даже пиратом! Но вы такой же герцог, как я!

Улыбка незнакомца из веселой превратилась в недоумевающую.

– Могу я спросить, почему вы так уверены, что я не герцог?

Припоминая единственного герцога, которого она когда-либо видела, Уитни дерзко оглядела его с головы до ног.

– Ну… начать с того, что, будь вы герцогом, наверняка не расставались бы с лорнетом.

– Но как бы я мог пользоваться лорнетом в маске? – удивился он.

– Герцогу ни к чему пользоваться лорнетом – это просто признак принадлежности к знати. Он подносит его к глазам и оглядывает каждую из присутствующих дам. Но есть и другие причины, по которым вы просто не можете быть герцогом. У вас нет трости, вы не чихаете и не храпите, и, честно говоря, сомневаюсь, чтобы вы имели право жаловаться даже на легкую форму подагры.

– Подагры? – фыркнул он, задыхаясь от смеха.

Уитни кивнула:

– Ни трости, ни подагры, ни храпа, ни лорнета! Как же вы надеетесь убедить кого-то в своем герцогстве?! Не стоит ли выбрать какой-нибудь другой титул, на который собираетесь претендовать? Вы могли бы выдавать себя за графа, если бы хоть немного косили и косолапили.

Незнакомец откинул голову и вновь зашелся смехом, а потом неожиданно окинул ее задумчивым, почти нежным взглядом.

– Мисс Стоун, – поинтересовался он с веселой торжественностью, – неужели никто не научил вас, что благородные титулы необходимо почитать, а уж подтрунивать над ними по меньшей мере неприлично?

– Пытались учить, – едва выговорила Уитни, давясь смехом.

– И?..

– И, как видите, потерпели неудачу.

Несколько долгих мгновений сатана не сводил глаз с ее сияющего лица, оживленного и изменчивого, как сама природа.

– Но вы уверены, что я не герцог, прежде всего потому, что у меня нет лорнета? – рассеянно спросил он.

Уитни кивнула, играя лентами маски.

– Вы должны постоянно носить его с собой.

– Даже на охоте?! – настаивал он.

– Будь вы герцогом, положение не позволяло бы вам ездить верхом, – слегка пожала плечами Уитни.

Он обманчиво небрежным движением завладел ее руками, притягивая к себе, пока их бедра не соприкоснулись.

– Даже в постели? – тихо осведомился он.

Уитни, парализованная его неожиданными действиями, вырвала руки и пригвоздила к месту ледяным взглядом. Десятки уничтожающих реплик были готовы сорваться с ее губ. Но как только девушка открыла рот, незнакомец встал, почти угрожающе нависая над ней.

– Могу я принести вам бокал шампанского? – как ни в чем не бывало предложил он.

– Вы можете идти прямо в…

Проглотив конец реплики из какого-то неясного страха, который он вызывал в ней своим огромным ростом и мощной мускулатурой, Уитни кивнула.

– Пожалуйста, – выдохнула она.

Он постоял несколько мгновений. Спокойные, непроницаемые серые глаза встретились с мятежными зелеными. Наконец он повернулся и направился к дому.

Как только незнакомец исчез за дверью, Уитни облегченно вздохнула и, повернувшись, поспешила перебежать газон и войти в бальную залу с противоположной стороны.

С этого момента вечер для нее был испорчен. Уитни нервничала, выходила из себя, раздражалась, постоянно ожидая увидеть фигуру человека в черном плаще, которого совершенно искренне считала сатаной. Но он больше не подошел к ней и весело беседовал о чем-то в кругу маленькой компании.

Ожидая, пока тетя и дядя попрощаются с хозяевами, Уитни исподтишка наблюдала за сатаной, идущим вдоль длинной линии отъезжавших гостей. Незнакомец наклонил голову, внимательно слушая улыбающуюся блондинку. Неожиданно он расхохотался над какой-то репликой, и Уитни покраснела, припомнив, как он смеялся с ней в саду. Интересно, кто эта женщина? Конечно, любовница, злорадно решила она. Вряд ли такой, как он, станет зря тратить время на женщину, не пожелавшую играть эту роль по крайней мере на одну ночь.

Незнакомец внезапно обернулся, и во второй раз за этот вечер Уитни была поймана за недостойным занятием. Их взгляды скрестились, и Уитни гордо подняла подбородок, пытаясь заставить его первым отвести глаза. Странная загадочная улыбка играла в уголках его губ. Сатана отвесил вежливый поклон, и Уитни рассерженно поджала губы. Надменный, самовлюбленный… она мысленно награждала его самыми ужасными эпитетами.

– Ради Бога, дорогая, что случилось? – прошептала сзади тетя Энн.

Уитни, нервно вздрогнув, осторожно показала головой в направлении входной двери, где сатана как раз накидывал элегантный плащ на плечи блондинки.

– Ты знаешь, кто она, тетя Энн?

Леди Джилберт, нахмурившись, несколько секунд рассматривала пару и уже покачала было головой, но в этот момент блондинка сорвала с лица полумаску.

– Это Мари Сент-Аллермейн, знаменитая певица. Да, да, я в этом уверена.

И в этот миг Уитни заметила странное, почти зачарованное выражение лица тети, рассматривавшей темноволосого мужчину в черном плаще.

– Но если она – Сент-Аллермейн, значит, он… О Боже! Это он!

Энн внимательно вгляделась в лицо племянницы, но та как раз наблюдала за тем, как незнакомец, переступив через порог, ласково провел ладонью по спине блондинки. Девушка вспомнила, как эти самые руки обнимали ее, и покраснела от стыдливого возмущения.

– Почему ты спрашиваешь? – сухо поинтересовалась Энн.

Но у девушки просто язык не поворачивался признать, что она оказалась настолько глупа, чтобы отправиться в сад с человеком, которого в жизни раньше не встречала.

– Мне показалось, я знаю эту женщину, но теперь вижу, что ошиблась, – пробормотала Уитни и облегченно вздохнула, когда тетка предпочла заговорить о другом.

По правде говоря, Энн была рада сменить тему. Слишком долго она мечтала о счастье племянницы, чтобы увидеть, как Уитни станет очередным завоеванием герцога Клеймора. Мари Сент-Аллермейн вот уже почти год как была его любовницей, и ходили слухи, что он два месяца назад даже сопровождал ее в Испанию, куда певица поехала по личному приказу короля и королевы.

Много лет сплетники связывали имя герцога с именами самых прекрасных женщин благородного происхождения в Европе, причем брак не входил в список тех соблазнов, которые он предлагал. Этот титулованный красавец оставлял за собой шлейф разбитых сердец и разрушенных надежд на счастливую семейную жизнь, заставивших бы любую разумную незамужнюю женщину содрогнуться от ужаса! Да он был последним мужчиной на континенте, которого Энн хотела бы видеть рядом с Уитни. Последним мужчиной в мире!

Глава 7

Ровно месяц спустя после маскарада в доме Арманов Мэтью Беннет вышел из своей конторы и шагнул в великолепный экипаж, покрытый темно-красным лаком цвета бургундского вина, с позолоченным гербом Уэстморлендов на дверце. Положив саквояж из оленьей кожи, содержавший отчеты относительно мисс Уитни Элисон Стоун, на обитое бархатом сиденье, он с наслаждением вытянул ноги перед собой.

Вот уже почти столетие предкам Мэтью доверялось вести самые конфиденциальные правовые и юридические дела семьи Уэстморлендов, но, поскольку Клейтон Уэстморленд в основном жил в Англии, именно отец Мэтью, глава лондонской конторы фирмы, лично знал герцога. До сих пор Мэтью был знаком с нынешним герцогом Клеймором лишь по переписке и потому особенно сильно волновался сегодня, желая произвести хорошее впечатление на богатого клиента.

Лошади постепенно поднимались в гору, дорога вилась вокруг зеленых холмов, пестреющих полевыми цветами, и когда вдали показался французский загородный дом герцога, Мэтью онемел от восхищения. Расположенное на вершине холма большое двухэтажное здание из камня и стекла окружали террасы, с которых можно было любоваться открывающейся панорамой.

Карета остановилась у двери, и Мэтью, захватив саквояж, медленно поднялся по ступенькам крыльца и вручил визитную карточку дворецкому в ливрее, который и провел его в просторную библиотеку, заставленную книжными полками, встроенными в небольшие ниши в стенах.

Оставшись один, поверенный с почтительным восторгом осмотрел бесценные раритеты, располагавшиеся на блестящих столах из розового дерева. Великолепный Рембрандт висел над мраморным камином, а одну из стен почти целиком закрывала прекрасно подобранная коллекция гравюр того же Рембрандта. Противоположная стена была полностью собрана из стеклянных панелей с высокими стеклянными дверями, выходящими на широкую каменную террасу, с которой открывался потрясающий вид на окружающий сельский пейзаж.

В дальнем конце комнаты стояло массивное дубовое бюро, украшенное искусно вырезанным орнаментом из листьев и виноградных лоз. Мэтью отнес бюро к шестнадцатому веку, и, судя по великолепной работе, оно, вероятно, украшало королевский дворец. Пройдя по пушистому персидскому ковру, поверенный уселся на один из кожаных стульев с высокой спинкой лицом к бюро и поставил саквояж на пол.

Двери библиотеки открылись, и Мэтью поспешно вскочил, искоса бросив оценивающий взгляд на высокого темноволосого мужчину, от которого зависело его будущее. Клейтон Уэстморленд в свои тридцать с лишним лет был необычайно высок и красив. Решительная быстрая походка говорила о том, что герцог не любит засиживаться и ведет активную жизнь, не имеющую ничего общего с распущенностью, ленью и праздностью, которые Мэтью обычно приписывал богатым джентльменам благородного происхождения. Аура сдержанной силы или, вернее сказать, стальной воли исходила от него.

Пронизывающий взгляд серых глаз словно проникал в самую душу, и Мэтью нервно сглотнул, не зная, чего ожидать. Герцог устроился за бюро, кивнул Мэтью на стул рядом, приглашая садиться, и с властным спокойствием осведомился:

– Ну что ж, начнем, мистер Беннет?

– Конечно, – кивнул поверенный и, откашлявшись, заговорил: – Как вы приказывали, ваша светлость, мы навели справки о семье и происхождении молодой леди. Мисс Стоун – дочь Сьюзен Стоун, умершей, когда девочке исполнилось пять лет, и ныне здравствую-

щего Мартина Альберта Стоуна. Она родилась тридцатого июня тысяча восьмисотого года в фамильном доме недалеко от городка Моршем, приблизительно в семи часах пути от Лондона. Поместье Стоунов небольшое, но процветающее, и Мартин Стоун жил, как все обычные мелкопоместные дворяне. Но года четыре назад его финансовое положение резко изменилось к худшему. Если ваша светлость припоминает, некоторые районы Англии много недель подряд заливало непрерывными дождями. Такие имения, как у Стоуна, не снабженные современными дренажными системами, сильно пострадали. Мартину Стоуну пришлось хуже всех, потому что он живет продажей и разведением скота.

Наши отчеты указывают, что Стоун сделал ряд рискованных и чрезвычайно поспешных вложений в несколько ненадежных предприятий, а потерпев неудачу, продолжал удваивать и утраивать вклады в подобные же спекуляции, очевидно, в надежде возместить потери. Однако одна катастрофа следовала за другой, и два года назад он заложил поместье, чтобы собрать достаточно капитала на очередные авантюры. Все деньги он вложил в акции колониальной судоходной компании, но и она вскоре разорилась.

В настоящее время он взял кредит под все свое имущество и сильно задолжал не только лондонским ростовщикам, но и местным торговцам. Поместье быстро приходит в упадок, и в доме осталось всего несколько слуг.

Пошарив в саквояже, Мэтью извлек стопку бумаг.

– Здесь список его кредиторов, хотя, возможно, мы не успели выявить всех за такой короткий период.

Он положил документы на бюро и сжался, ожидая, что скажет герцог. Откинувшись на спинку стула, Клейтон Уэстморленд с бесстрастным выражением лица просмотрел бумаги.

– Насколько все плохо? – осведомился он, перевернув последнюю страницу.

– Сумма долгов составляет приблизительно сто тысяч фунтов.

Эта ужасающе огромная цифра, казалось, не произвела особенного впечатления на герцога, который, отдав отчеты Мэтью, резко сменил тему:

– Что еще вы узнали о самой девушке?

Кто, мысленно спрашивал поверенный, вытаскивая папку, обозначенную «У. Стоун», должен знать о девушке больше, чем мужчина, чьей любовницей она вот-вот станет? Хотя герцог не упоминал ни о чем подобном, Мэтью уже предположил, что Клейтон собирается взять даму под свое покровительство и обеспечить ее значительным доходом и собственным домом. Он отнес интерес к семейству девушки на счет того, что герцог хочет знать, какого сопротивления можно ожидать от родственников.

Для человека вроде Мэтью, привыкшего мыслить финансовыми категориями, бедственное положение Стоуна означало лишь то, что исход дела заранее предрешен. Мартин Стоун будет рад переложить на плечи Уэстморленда ответственность за свою дочь. Да и какой у него выбор? Вряд ли он сможет одевать Уитни и вывозить в свет. Если же Стоун беспокоится за репутацию девушки, его собственная вот-вот будет окончательно уничтожена. Как только кредиторы обнаружат, в каких стесненных обстоятельствах он находится, Стоуна ждут не только позор и бесчестье, но и весьма неприятное пребывание в долговой тюрьме.

Мэтью покраснел, неожиданно поняв, что молча уставился в открытую папку.

– Хотя оказалось непросто узнать побольше о личных качествах, не возбудив нежелательных подозрений, все же нам кое-что удалось, например, что мисс Стоун считалась весьма трудным ребенком с непредсказуемым характером. Она, очевидно, очень начитанна и необычайно хорошо образованна. Бегло говорит по-французски, по-гречески так, что время от времени выступает переводчицей для дяди на приемах, где присутствуют греческие

дипломаты. Читает по-итальянски, немецки и на латыни, кажется, может и говорить на всех этих языках, но я не уверен.

Мэтью поколебался, чувствуя себя совершенным идиотом, поскольку сообщал лорду Уэстморленду все то, что он уже знает.

– Продолжайте, – попросил герцог, еле заметно улыбаясь при виде смущения Мэтью.

Тот неловко кивнул:

– Многие из тех, кого мы опросили, утверждают, что между юной леди и ее отцом существуют значительные разногласия. Некоторые соседи во всем винят отца, но большинство сочувствует Мартину, считая его несчастным человеком, которого природа наградила непослушной, непокорной дочерью. В возрасте четырнадцати лет мисс Стоун воспылала ничем не оправданной страстью к некоему джентльмену по имени Пол Севарин. Севарин на десять лет старше ее и, судя по всему, не более приветствовал ребяческое увлечение мисс Стоун, чем ее отец. Поскольку мистер Стоун, очевидно, не смог найти другого выхода, он отослал дочь во Францию с тетей и дядей, когда той было около шестнадцати лет. Они представили ее обществу через год, в семнадцать лет – обычный возраст. С этого времени она пользуется огромной популярностью. Конечно, стань известным, что ее отец разорен, а о приданом не может быть и речи, ситуация трагически изменилась бы.

Мэтью окинул герцога извиняющимся взглядом и, вздохнув, продолжал:

– Мисс Стоун могла бы получить немало предложений руки и сердца, однако старалась обескуражить своих поклонников, как только догадывалась об их намерениях. Те же господа, которые оказывались наиболее настойчивыми, обращались к ее дяде, лорду Эдварду Джилберту, который обычно отказывал им от имени отца леди. Ее манеры, как говорят, безупречны, хотя могут показаться не совсем обычными. Здесь какая-то ошибка? – недоуменно спросил Мэтью, когда герцог разразился смехом.

– Нет. Никакой ошибки, – хмыкнул Клейтон. – Я бы сказал, ваши источники информации чрезвычайно надежны.

Он словно видел перед собой сияющие зеленые глаза в тот момент, когда Уитни подсмеивалась над всеми титулами, и его в особенности.

– Что-нибудь еще? – осведомился он.

– Всего несколько примечаний, ваша светлость. Ее дядя, лорд Эдвард Джилберт, – атташе британского консульства и пользуется незапятнанной репутацией. Мисс Стоун прекрасно ладит с ним и его женой, леди Энн Джилберт. В настоящее время все считают, что Николя Дю Вилль вот-вот сделает ей предложение, которое лорд Джилберт, несомненно, посчитает наиболее выгодным. Дю Вилли – одна из самых знатных семей Франции, и Николя – их сын и наследник.

Мэтью захлопнул папку.

– Это все, что мы смогли узнать за то время, которое вы нам дали, ваша светлость.

Словно забыв о поверенном, Клейтон поднялся и подошел к ряду окон, выходивших на зеленые холмы. Скрестив руки на груди, он облокотился о раму и рассеянно вгляделся в даль, размышляя о том, как лучше осуществить задуманный план.

Каждый раз, когда герцог бывал во Франции и встречал Уитни, он все больше и больше увлекался девушкой, одновременно подсмеиваясь над отпором, который раз за разом получали самые неотвязные обожатели. Дважды они были представлены друг другу. В первый раз Уитни была слишком молода, и герцог ее почти не заметил, во второй раз девушку окружали кавалеры, стремившиеся любой ценой привлечь ее внимание. Тогда она бросила в его сторону невидящий взгляд, не разглядев его и не услышав имени.

После этого Клейтон старался не подходить к Уитни, понимая, что сможет добиться ее, только потратив много сил и времени. Времени же у него не было. Кроме того, Клейтон не мог припомнить, когда в последний раз ухаживал за женщиной по-настоящему, да они

и не требовали этого. Он до сих пор не встречал женщины, которая бы попыталась ему противиться. Они скорее все до одной были готовы броситься ему на шею и лишь ждали удобного случая.

И тут месяц назад случилось так, что он стоял в саду дома Арманов, наслаждаясь ее присутствием и мучительно подавляя безумный порыв наклонить к ней голову и целовать, медленно, бесконечно, пока с этих нежных соблазнительных губ не исчезнет улыбка, а потом унести ее в темноту и любить, любить, страстно, отчаянно, жадно.

Уитни Стоун была прирожденной искусительницей, зовущей и манящей, с лицом ангела, стройным роскошным телом богини, с неподдельным очарованием, заставлявшим герцога улыбаться при одной мысли о ней. Девушка обладала бесспорным чувством юмора и совершенно непочтительным пренебрежением ко всему абсурдному и банальному, не уступающим его собственному.

Клейтон давно перестал искать оправдания тому шагу, который собирался сделать. Он хотел ее – другие причины его не интересовали. Уитни была остроумной, красивой, доброй и неуловимой, словно бабочка с радужными крылышками. Она никогда не надоест, как другие женщины; это подсказывал ему многолетний опыт общения с прекрасным полом.

Приняв окончательное решение, он повернулся и шагнул к бюро.

– Прошу вас подготовить некоторые документы. Учтите, необходимо перевести значительную сумму на счет Стоуна, когда тот примет мое предложение.

– Если Стоун примет предложение, ваша светлость, – механически поправил Мэтью.

Бровь Уэстморленда чуть приподнялась в сардоническом удивлении.

– Он примет.

Несмотря на предательское волнение, Мэтью, однако, оставался уважаемым и опытным адвокатом, привыкшим никогда не выказывать внешних эмоций при столкновении с делами деликатного свойства. Тем не менее, когда его светлость начал диктовать условия, на которых Мартину Стоуну предлагались огромные деньги, Мэтью поднял голову и в полном потрясении уставился на клиента.

Клейтон стоял у окна, безучастно наблюдая за экипажем, уносящим Мэтью Беннета по извилистой дороге назад в Париж. Герцог уже сгорал от нетерпения поскорее все завершить. Клейтон хотел Уитни, причем немедленно, но будь он проклят, если начнет ухаживать за девушкой во Франции, дожидаясь своей очереди в толпе поклонников, разыгрывая романтического идиота и пресмыкаясь, как последний осел. На такое он не пойдет ни для одной женщины в мире, даже если этой женщиной окажется мисс Стоун. Кроме того, он слишком долго не был в Англии, а чтобы управлять финансами и деловыми предприятиями, необходимо быть поближе к Лондону.

Поскольку поместье Стоунов было всего в семи часах езды от города, он сможет ухаживать за девушкой, одновременно занимаясь делами и не отлучаясь надолго из столицы. Поэтому он и решил попросить отца Уитни вызвать ее домой, как только тот подпишет документы и деньги будут переведены.

Клейтон ни на секунду не усомнился в том, что Мартин Стоун не откажется от предложения, и был уверен в собственных способностях увлечь Уитни.

Однако его тревожили отмеченные в отчетах разногласия между Уитни и ее отцом. Вполне вероятно, если она слишком рано узнает о его планах, может взбунтоваться лишь для того, чтобы сделать назло Мартину Стоуну. Инстинкт предостерегал Клейтона, что, если Уитни каким-то образом вынудят поступить против ее воли, она может превратиться в весьма решительно настроенного врага. Но Клейтон желал не вступать с ней в поединок, а унести в постель и любить до потери сознания.

Существовали, однако, и другие сложности, связанные с его репутацией и скандальной известностью, не говоря уже о положении в обществе. Сам Клейтон скорее мечтал об идиллическом романе в сельской глуши, но вряд ли это возможно, если окружающие начнут кланяться и пресмыкаться, предусмотрительно держась на расстоянии. И стоит газетчикам обнаружить, что герцог Клейтон живет в далеком, Богом забытом городишке, предположения и догадки о его намерениях вызовут настоящий фурор, а местные жители будут с фанатическим упорством и неприличным любопытством следить за каждым его шагом, особенно когда он начнет уделять внимание Уитни.

И поскольку Уитни была весьма невысокого мнения об аристократии, и герцогах в частности, Клейтон начинал серьезно подумывать о том, чтобы держать в секрете не только договор с ее отцом, но и свое имя, пока не завоюет ее.

Семь дней спустя Мэтью, вернувшегося во французский загородный дом герцога, проводили на широкую веранду, где за затейливым столиком из кованого железа перед разложенными на нем бумагами сидел герцог.

– Выпьете со мной бренди, Мэтью? – спросил он, не поднимая головы.

– Да, спасибо, ваша светлость, – пробормотал Мэтью, польщенный и удивленный тем, что герцог назвал его по имени и дружески предложил бренди.

Герцог Клеймор оглянулся через плечо на лакея, маячившего возле каменной балюстрады, и тот мгновенно принес графин и две рюмки. Несколько минут спустя его светлость отодвинул бумаги и воззрился на сидевшего напротив Мэтью. Тот, как и слуга, повинуясь молчаливому приказу, вынул из саквояжа документы и вручил герцогу.

– По вашему требованию я включил пункт, указывающий на то, что вы полностью берете на себя все финансовые расходы мисс Стоун. Нужно ли обозначить какую-нибудь предельную сумму?

– Нет, она может тратить сколько захочет, – рассеянно откликнулся Клейтон, просматривая страницу за страницей, и уже через несколько минут отодвинул всю стопку и улыбнулся Мэтью: – Ну? Что вы думаете об этом?

– Уместнее спросить, что думает мисс Стоун, – ухмыльнулся Мэтью.

– Это, к сожалению, пока неизвестно. Она ничего обо всем этом не знает. И кроме того, мы почти незнакомы.

Мэтью постарался скрыть, как ошеломлен, сделав огромный подкрепляющий глоток превосходного бренди.

– В таком случае желаю вам удачи с отцом и юной леди.

Герцог небрежно отмахнулся, словно не нуждаясь ни в какой удаче, и откинулся на спинку кресла.

– На следующей неделе я возвращаюсь в Англию, чтобы обсудить все в подробностях с Мартином Стоуном, и, если он согласится, мне понадобится дом, чтобы жить неподалеку. Передайте своему отцу в лондонскую контору, чтобы он нашел что-нибудь подходящее для меня. И поскромнее, – подчеркнул он, к еще большему удивлению Мэтью. – Если возможно, то не более чем в получасе езды верхом от поместья Стоуна. Не желаю тратить больше времени, чем необходимо, на то, чтобы уладить дела с мисс Стоун, как, впрочем, и на поездки в имение ее отца.

– Скромное местечко, не более чем в получасе езды от Стоунов, – все еще не придя в себя, повторил Мэтью.

Очевидное недоумение поверенного явно позабавило герцога, серые глаза весело блеснули.

– Совершенно верно. И составьте договор об аренде на имя Уэстленда, а не Уэстморленда. Я велю слугам держать язык за зубами и представлюсь местным жителям в качестве их нового соседа Клейтона Уэстленда.

– И мисс Стоун тоже? – не удержался Мэтью.
– Особенно мисс Стоун, – хмыкнул Клейтон.

Глава 8

Месяц спустя Уилсон, дворецкий Джилбертов, исполненный чувства собственного достоинства, прошествовал через холл в кабинет хозяина, чтобы вручить ему почту. На самом верху оказалось письмо из Англии. Ровно через пять минут лорд Джилберт, распахнув двери, громовым голосом окликнул дворецкого.

– Немедленно позовите леди Джилберт! Да побыстрее! Нечего глазеть на меня! Я же сказал, поторопитесь! – вопил он вслед испуганному слуге, уже бежавшему по коридору с такой скоростью, что фалды фрака развевались за спиной.

– Что случилось, Эдвард? – осведомилась Энн, буквально влетая в кабинет.

– Вот! – коротко ответил лорд Эдвард, сунув жене письмо от Мартина Стоуна.

Энн перевела взгляд с побелевшего лица мужа на подпись под единственным листком бумаги.

– Он послал за Уитни? – трагически пробормотала она, обо всем догадавшись.

– И пишет, что возместит мне все расходы за последние четыре года, как только получит от меня счет! – разъяренно прорычал Эдвард. – И вложил чек на целое состояние с приказом потратить на туалеты и драгоценности! Что это он себе позволяет? За все четыре года не прислал ни пенни бедной девочке! Ублюдок! Никакого счета он от меня не получит, и именно я заплачу за все ей заказанное, чтобы Уитни вернулась домой одетой как подобает! Он может запихнуть свои деньги в…

– Уитни едет домой, – растерянно прошептала Энн, опускаясь в кресло. – Я тешила себя надеждой, что он вообще о ней забыл. – И, мгновенно просветлев, предложила: – Придумала! Напиши сейчас же Мартину и намекни на помолвку с Николя Дю Виллем. Это позволит выиграть время.

– Прочтите письмо, мадам! Он требует недвусмысленно и в крайне грубых выражениях, чтобы Уитни ровно через месяц без всяких проволочек вернулась домой.

Глаза Энн тупо скользили по строчкам. Наконец, попытавшись принять бодрый вид, она воскликнула:

– Он требует, чтобы оставшееся время Уитни употребила на прощальные визиты и посещения самых дорогих портних и модисток! Должно быть, Мартин сильно изменился за это время, раньше ему бы в голову не пришло, что Уитни потребуется время на шитье приданого в Париже, где моды так далеко ушли вперед. Эдвард! – внезапно воскликнула она. – Не думаешь ли ты, что тот молодой человек, которого она так любила в юности, попросил у Мартина ее руки?

– Ничего подобного! – рявкнул Эдвард. – Иначе он изо всех сил хвастался бы в своем проклятом письме, считая, что ему повезло там, где мы потерпели неудачу. – И, повернувшись к жене, вздохнул: – Лучше, пожалуй, сказать ей сейчас и покончить с этим. Я поднимусь немного погодя.

Уитни стояла словно пораженная громом, пытаясь осознать новости, которые, как ей казалось раньше, так жаждала услышать.

– Я… я очень рада, что еду домой, тетя Энн, – выдавила она наконец. – Только… только…

Голос девушки замер. Рада вновь оказаться дома? Или перепугана, перепугана до смерти тем, что теперь, получив свой шанс завоевать Пола, может все потерять? Одно дело привольно жить в Париже, в окружении толпы обожателей и поклонников, и совсем другое – вернуться и заставить Пола увидеть ее их глазами. Боже, придется справляться не только с отцом, но и с Маргарет Мерритон, и с вечно судачившими мамашами, смотрев-

шими на нее, как на некое странное насекомое. А здесь… здесь остаются тетя Энн и дядя Эдвард, любившие Уитни, смеявшиеся вместе с ней и радовавшиеся ее успехам, принесшие столько тепла и счастья в ее жизнь!

Тетя отвернулась к окну, но Уитни успела заметить слезу, ползущую по ее щеке. Она закусила губу: если у тети дурные предчувствия относительно ее возвращения, значит, ехать слишком рано. Она еще не готова встретиться со старыми знакомыми и врагами.

Уитни подошла к зеркалу, надеясь, что вид собственного отражения немного ее успокоит. Парижские поклонники часто твердили, как она прекрасна. Но что скажет Пол? Господи, опять, с ужасом подумала девушка. Не успела она уехать, а уверенность в себе уже тает, словно снег на солнце! Она некрасива, неуклюжа, слишком высока, и даже пальцы вновь, как раньше, нервно перебирают складки платья! И там… там, на самой переносице внезапно проступили слабые следы ненавистных веснушек! О, черт! Какая чушь!

Мгновенно потеряв терпение, Уитни постаралась взять себя в руки. Веснушки не появляются как по волшебству, руки нужно стараться держать, как ее учили, и она больше никогда не станет и не будет перечислять собственные недостатки, изъяны, несовершенства и слабые места!

Неприятно сосущее чувство в желудке немного улеглось, а в душе робко начала расцветать надежда. Губы чуть растянулись в нежной улыбке. Она едет домой! Домой, к Полу, домой, чтобы показать всем, как сильно она изменилась! Она в самом деле скоро будет дома!

Но возвращение означало разлуку с любимыми дядей и тетей.

Уитни отвернулась от зеркала и заметила, как трясутся плечи тети от беззвучных рыданий.

– Я чувствую себя так, словно меня разрывают на части, – задыхаясь, пробормотала Энн.

– Я люблю тебя, тетя Энн, – шепнула Уитни, не вытирая жгучих слез, струившихся по ее щекам. – Я так тебя люблю!

Энн распахнула объятия, и Уитни подбежала к ней, стремясь утешить ее и утешиться самой.

Остановившись у дверей спальни племянницы, Эдвард расправил плечи и постарался превратить горестное лицо в застывшую маску с деланной улыбочкой. Заложив руки за спину, он ступил через порог.

– Вижу, неплохо проводите время, леди? – вопросил он с нарочитой веселостью, глядя на плачущих женщин.

Грустные, полные слез глаза воззрились на него с недоверчивым изумлением.

– Неплохо проводим… – охнула Энн и переглянулась с Уитни.

Неожиданно обе хихикнули, потом еще и еще раз, и скоро в комнате раздались раскаты счастливого, заразительного смеха.

– Э… то есть… ну… хорошо. Рад слышать, – промямлил Эдвард, сбитый с толку столь странным поведением своих «дам», и, откашлявшись, тихо сказал: – Нам будет не хватать тебя, детка. Ты была радостью и истинным благословением Божьим для нас обоих.

Оживление Уитни мгновенно улетучилось, слезы вновь навернулись на глаза.

– О, дядя Эдвард, – запинаясь, пролепетала она, – я никогда-никогда не полюблю никакого другого мужчину больше, чем тебя.

К собственному конфузу, Эдвард почувствовал, как повлажнели ресницы. Он раскинул руки, и племянница бросилась ему на шею. Когда буря чувств немного улеглась, все трое смущенно смотрели друг на друга, сжимая носовые платки. Первым заговорил Эдвард:

– Ну, успокойтесь! Англия все-таки не на краю света.

– Но и не по соседству, – возразила Уитни, вытирая глаза.

– У тебя там друзья, – напомнил Эдвард. – И конечно, тот молодой человек, кем ты так восхищалась. Блондин, у которого не хватило мозгов, чтобы распознать драгоценность под собственным носом! Как его звали?

– Пол, – шмыгнула носом Уитни.

– Этот человек, видно, глупец! Он должен был просто украсть тебя еще тогда! – Эдвард помолчал и, приглядевшись к ней, заключил: – Надеюсь, теперь он поумнеет.

– И я тоже! – пылко подхватила Уитни.

– Я так и думал, детка, – кивнул Эдвард, глядя на Энн с выражением «Что я тебе говорил!». – Честно говоря, я часто задавался вопросом, уж не потому ли ты отказала стольким претендентам, что надеялась когда-нибудь вернуться в Англию и увидеть его у своих ног? Именно это ты и собираешься сделать, верно?

– По крайней мере попытаюсь, – призналась Уитни, недоуменно взирая на дядюшку, почему-то ставшего похожим на маленького озорного мальчишку.

– В таком случае, – продолжал он, – надеюсь, что помолвка состоится еще до того, как выпадет первый снег.

– Если все будет хорошо, – взволнованно улыбнулась Уитни.

Эдвард сунул руки в карманы и, казалось, обдумывал сказанное.

– По-моему, в такой момент молодой девушке необходим совет опытной женщины. Нужно немало хитрости, чтобы заполучить такого увальня, как этот твой…

– Пол! – выдохнула Уитни.

– Совершенно верно, Пол.

– Знаешь, дорогая, – с важным видом предложил он, – возможно, будет совсем неплохой идеей, если твоя тетя поедет с тобой. Что скажешь?

Он лукаво прищурился сквозь очки.

– Да! – взвизгнула девушка, смеясь. – Да, да, да!

Эдвард обнял ее и оглянулся на свою сияющую жену. Благодарная улыбка, которой она его одарила, была достаточной компенсацией за принесенную жертву.

– Я долго откладывал поездку в Испанию, – объявил он. – Когда вы уедете, я отправлюсь туда по делам короля. Ну а потом заеду в Англию, чтобы поздравить того юного бездельника, с которым ты уже будешь помолвлена, и заодно заберу тетю во Францию.

Теперь, испытывая огромное удовлетворение от того, что удалось перехитрить Мартина и послать Энн вместе с Уитни, чтобы помочь племяннице избежать ошибок, Эдвард смягчился и решил позволить зятю хотя бы раз в жизни заплатить за туалеты дочери. В соответствии с намеченным планом он на следующий же день отправил дам за покупками и даже не сетовал, что их экспедиции начинались рано утром и заканчивались только тогда, когда времени оставалось лишь на то, чтобы срочно переодеться к вечерним увеселениям или просто рухнуть в постель от усталости.

Родители Николя Дю Вилля устроили пышный прием в честь Уитни накануне того дня, когда девушка и леди Энн отправлялись в путь. Уитни весь вечер представляла, как трудна будет разлука с Ники, но все оказалось гораздо легче, чем она думала.

Им удалось побыть несколько минут наедине в одной из малых гостиных просторного дома Дю Виллей. Ники стоял у камина, облокотясь плечом на каминную полку, лениво вертя бокал в руке.

– Я буду скучать по тебе, Ники, – тихо вымолвила Уитни, не в силах больше выносить молчания.

Но Ники с веселой решимостью взглянул на нее.

– Правда, cherie? – И прежде чем она сумела ответить, добавил: – Но я не буду скучать по тебе слишком долго.

Губы Уитни задрожали от удивленного смеха.

– Вот уж не ожидала столь нерыцарского ответа!

– Рыцарский дух скорее подобает зеленым юнцам и старикам, – поддразнил Ники. – Однако могу пояснить, что не подумаю тосковать по тебе, поскольку намереваюсь приехать в Англию через несколько месяцев.

Покачав головой, Уитни с отчаянием призналась:

– Ники, есть один человек… дома… по крайней мере я надеюсь, что он все еще ждет. Его зовут Пол и…

Она осеклась, пораженная медленной ленивой улыбкой Ники.

– Этот Пол когда-нибудь приезжал во Францию, чтобы повидать тебя? – осторожно осведомился он.

– Ну, это ему даже в голову бы не пришло! Видишь ли, я была тогда совсем другой, и он запомнил меня неуклюжей, озорной, некрасивой девчонкой, которая… Почему ты так улыбаешься, Ники?

– Потому что я вне себя от восторга! – расхохотался он. – И счастлив узнать, что после стольких месяцев терзающих мозг раздумий о том, кто мой соперник, он оказался всего-навсего каким-то идиотом-англичанином, которого ты не видела четыре года и у которого не хватило здравого смысла понять, какой прекрасной женщиной ты станешь! Поезжай домой, cherie, – посоветовал он, ставя бокал на камин и притягивая ее к себе. – Очень скоро ты обнаружишь, что в сердечных делах воспоминания куда счастливее реальности. Ну а потом, через два-три месяца, я приеду и скажу все, что давно хотел сказать.

Уитни знала, что Ники собирается сделать ей предложение, и понимала, что сегодня спорить на эту тему не имеет смысла. Ее воспоминания не окажутся лучше реальности – уж очень они печальные. Но стоит ли объяснять Ники, как ужасно она вела себя тогда и почему Пол даже вообразить не смог бы, что когда-нибудь из нее получится воспитанная молодая дама? Кроме того, Ники и слушать не станет: он уже наклонил голову, чтобы завладеть ее губами в долгом, мучительно-сладостном поцелуе.

Глава 9

Англия, 1820 год

В сгущавшихся сумерках великолепного сентябрьского дня Уитни вглядывалась в проплывающий за окном до боли знакомый пейзаж. До дома оставалось всего несколько миль.

Дядя Эдвард настоял на том, чтобы леди Энн и Уитни путешествовали со всеми возможными удобствами, и потому, кроме двух дорожных экипажей, в которых ехали дамы и их горничные, их сопровождали еще два, нагруженные сундуками и чемоданами. Помимо четырех кучеров и четырех форейторов, их сопровождал эскорт из шести всадников – трое скакали впереди и трое сзади. Все вместе составляло достаточно живописный караван, и Уитни желала лишь одного – чтобы Пол видел, какая роскошь ее окружает.

Дормез качнуло, когда они свернули на подъездную аллею, ведущую к дому. Уитни трясущимися руками натянула сиреневые перчатки, чтобы выглядеть самим совершенством при встрече с отцом.

– Нервничаешь? – улыбнулась Энн, наблюдая за племянницей.

– Да. Как я выгляжу?

Леди Энн окинула девушку оценивающим взглядом: тяжелый узел волос, скрепленный заколкой тонкой филигранной работы, сияющее личико, модный сиреневый дорожный костюм.

– Превосходно.

Она тоже надела перчатки, поскольку волновалась не меньше Уитни. На тот случай, если Мартин Стоун начнет возражать против ее приезда, Эдвард решил, что самым лучшим для Энн будет явиться неожиданно, не оставив Мартину иного выбора, кроме как сделать хорошую мину при плохой игре. Тогда Энн сразу же согласилась с мужем, но по мере приближения встречи с Мартином сердце ее замирало при мысли, что она может оказаться нежеланной гостьей.

Экипажи остановились перед широкими ступеньками крыльца. Лакей отворил дверцу и опустил подножки кареты. Женщины молча наблюдали, как Мартин медленно идет им навстречу. Уитни подобрала юбки, готовясь спуститься, и, улыбнувшись, взглянула на тетю. Та, все еще сидя в карете, с волнением наблюдала, как Мартин приблизился к элегантной красавице, ослепительно улыбавшейся ему.

– Дитя мое, ты стала еще выше! – сухо и как-то смущенно обратился он к дочери, которую не видел более четырех лет.

– Либо ты прав, папа, – торжественно парировала Уитни, – либо ты просто врос в землю!

Сдавленный смех выдал присутствие леди Энн. Она нерешительно вышла из кареты, чтобы приветствовать хозяина. Она не ожидала особенно сердечного приема – Мартин никогда не отличался гостеприимством, – но не предполагала, что он уставится на нее словно на привидение, а на его лице сменяли друг друга самые различные выражения, от потрясения до тревоги и, наконец, раздражения.

– С вашей стороны очень мило проводить Уитни домой, – наконец выдавил он. – Когда вы собираетесь уезжать?

– Тетя Энн решила остаться со мной на два-три месяца, пока я не привыкну к дому, – вмешалась Уитни. – Она сама доброта, не правда ли?

– Да, конечно, – согласился Мартин, едва сдерживая гнев. – Почему бы вам обеим не отдохнуть перед ужином, или проследить за раскладкой вещей, или… мне необходимо написать письмо. Увидимся позднее.

И он устремился к дому. Уитни испытывала стыд из-за приема, оказанного отцом тетке, и в то же время ощущала ностальгическую радость при мысли о том, что наконец вернулась домой. Поднимаясь по ступенькам, она оглядывала старый дом с его стенами, облицованными золотистыми от старости дубовыми панелями, увешанными английскими пейзажами и портретами предков. Ее любимая картина, изображавшая живописную сцену охоты на фоне холодного утреннего тумана, по-прежнему красовалась на почетном месте, между парой подсвечников в стиле чиппендейл. Казалось, все было тем же самым и одновременно совершенно иным. Слуг суетилось по крайней мере втрое больше, чем раньше, и весь дом сиял уютом и чистотой. Каждый дюйм паркетного пола, каждый кусочек панели переливались лаком. Подсвечники, украшавшие холл, блестели, а ковры сверкали новизной.

Остановившись на пороге старой спальни, Уитни почувствовала, как у нее перехватывает дыхание. В ее отсутствие комната была полностью обставлена заново. Улыбаясь от удовольствия, девушка оглядывала балдахин и покрывала из атласа цвета слоновой кости с золотым и светло-оранжевым узором.

– Кларисса, ну не чудесно ли! – окликнула она горничную. Но полная седовласая женщина была слишком занята, давая указания лакеям, вносившим сундуки. Уитни была настолько возбуждена, что и не думала отдыхать, и потому стала помогать Клариссе и еще одной горничной распаковывать вещи.

К ужину она уже успела принять ванну и переодеться. Горничные развесили платья. Уитни отправилась в комнату тетки. Большие покои для гостей, которых перемены не коснулись, выглядели убого по сравнению с остальными комнатами. Уитни начала извиняться перед тетей за грубый прием отца, но тетя Энн с понимающей улыбкой остановила ее.

– Это не важно, дорогая, – покачала она головой и, взяв под руку Уитни, направилась вниз.

Отец уже поджидал в столовой, и Уитни рассеянно отметила, что на стульях новая обивка из розового бархата в тон гардинам, подхваченным тяжелыми золотыми шнурами. Два лакея в безукоризненных ливреях вытянулись около буфета, а еще один вкатил серебряную тележку, нагруженную блюдами под крышками.

– В доме, кажется, много новых слуг, – заметила Уитни отцу, пока тот вежливо усаживал леди Энн.

– Давно пора было их нанять, – резко ответил он. – Последнее время этот дом выглядел настоящей лачугой.

Минуло четыре года с той поры, как кто-то разговаривал с Уитни подобным тоном, и девушка в недоумении уставилась на отца. Именно в эту минуту тонкий солнечный луч, протянувшись из окна, упал на фигуру Мартина, и Уитни ошеломленно поняла, что в ее отсутствие он совершенно поседел, лоб прочертили глубокие морщины, отметившие также уголки рта и глаз. Он выглядел так, словно за это время состарился на десяток лет, и у девушки внезапно защемило сердце.

– Что ты уставилась на меня? – раздраженно бросил он.

Раньше отец тоже всегда был нетерпим к ней, но тогда по крайней мере у него имелись на это причины. Теперь же, вернувшись домой, она вовсе не желала, чтобы между ними вновь возникла старая неприязнь.

– Я заметила, что твои волосы побелели, – мягко пояснила она.

– Это так удивительно? – отпарировал Мартин уже менее раздраженно.

Уитни улыбнулась ему очень осторожно, и только сейчас до нее дошло, что раньше она вообще никогда не улыбалась отцу.

– Да, – блеснула она глазами, – если уж ты не поседел из-за меня, странно, что время могло сотворить с тобой такое.

Отец испуганно встрепенулся, но все-таки, казалось, немного повеселев, заметил:

– Надеюсь, ты знаешь, что твоя подруга Эмили успела найти себе мужа? – И, дождавшись кивка Уитни, добавил: – Она выезжала в свет целых три сезона, и ее отец как-то даже сказал, что отчаялся увидеть ее удачно пристроенной! Теперь же об этой свадьбе только и толкуют по всей округе!

Он окинул леди Энн обвиняющим взглядом, словно она была виновата в том, что Уитни до сих пор не замужем. Леди Энн негодующе выпрямилась, и Уитни поспешно попыталась смягчить атмосферу:

– Надеюсь, ты не отчаялся увидеть меня удачно пристроенной?

– Отчаялся! – без обиняков заявил отец.

Гордость требовала, чтобы Уитни поведала ему о десятках самых выгодных предложений руки и сердца, разум же предупреждал, что отец взорвется, узнав о том, что дядя Эдвард, не посоветовавшись с ним, отверг всех претендентов. Почему отец так холоден и груб?

Уитни тяжело вздохнула. Может ли она надеяться когда-нибудь разрушить этот неприступный барьер, всегда стоявший между ними?

Поставив чашку, она тепло, заговорщически улыбнулась отцу и небрежно бросила:

– Если это поможет немного смягчить горечь по поводу того, что на твоих руках осталась незамужняя старая дева, тетя Энн и я могли бы распустить слух, что я отказалась стать женой двух баронетов, графа, герцога и князя!

– Это правда, мадам? – рявкнул Мартин тете Энн. – Почему мне об этом не сообщили?

– Конечно, неправда, – вмешалась Уитни, пытаясь сохранить улыбку, словно приклеенную к губам. – Я встретила только одного герцога и одного самозванца и обоих возненавидела. Кроме того, я познакомилась с русским князем, но он уже был помолвлен, и сомневаюсь, чтобы невеста отказалась от него лишь ради того, чтобы я смогла перещеголять Эмили.

Несколько мгновений отец пристально смотрел на нее, потом хмуро буркнул:

– Завтра вечером я устраиваю небольшую вечеринку в честь твоего приезда.

Уитни почувствовала, как на душе стало теплее, и не расстроилась, даже когда он раздраженно заметил:

– По правде говоря, это не маленькая вечеринка, а настоящее чертово сборище, куда потребовалось пригласить всех томов, диков и гарри на пятнадцать миль в окрестности… оркестр, танцы и тому подобная чепуха!

– Звучит… великолепно, – выдавила Уитни, опуская смеющиеся глаза.

– Эмили возвращается из Лондона вместе с мужем. Все приедут.

Смена настроений отца была настолько непредсказуемой, что Уитни перестала пытаться беседовать с ним, и остаток обеда прошел в гнетущем молчании. Только когда подали десерт, отец снова заговорил, причем так громко, что Уитни вздрогнула.

– У нас новый сосед, – объявил он громовым голосом, но тут же взял себя в руки, откашлялся и объяснил уже более спокойно: – Он тоже обещал быть на балу. Я хочу, чтобы ты с ним познакомилась. Весьма приятный парень, холостяк. Держит превосходных лошадей и сам прекрасный наездник. Видел вчера, как он скачет верхом.

Уитни наконец осенило. Девушка взорвалась смехом.

– О, папа… – едва выговорила она, тряхнув длинными блестящими локонами. – Не хватало, чтобы ты занялся сватовством! Мне еще далеко до преклонного возраста!

Судя по выражению лица, Мартин не разделял ее веселого настроения, поэтому Уитни попыталась выглядеть подходящим к случаю образом, то есть торжественно-серьезной, и даже соизволила спросить имя нового соседа.

– Клейтон Уэстмор… Клейтон Уэстленд.

Ложка леди Энн с грохотом упала на стол. Она суженными глазами воззрилась на Мартина Стоуна, который, в свою очередь, разъяренно уставился на нее с подозрительно побагровевшим лицом.

Поняв, что отец по какой-то причине снова взбешен, Уитни поспешно встала.

– Думаю, нам с тетей Энн стоит сегодня лечь спать пораньше, поскольку путешествие оказалось весьма утомительным, папа.

Но к ее удивлению, леди Энн покачала головой:

– Я хотела бы поговорить с твоим отцом, дорогая. Иди отдыхай.

– Да, – немедленно отозвался Мартин. – Ложись скорее, а мы с твоей тетей немного побеседуем… по-дружески… вспомним старые времена…

После ухода Уитни Мартин торопливо отпустил лакеев и взглянул на Энн со смесью раздражения и настороженности.

– Вы как-то странно реагировали на упоминание имени нашего нового соседа, мадам.

Леди Энн наклонила голову, пристально наблюдая за зятем.

– Была ли моя реакция странной или нет, зависит от того, как в действительности зовут этого человека – Клейтон Уэстморленд или Клейтон Уэстленд. Предупреждаю, что с первого же взгляда узнаю герцога Клеймора, хотя он и не был мне представлен.

– Да, да, если хотите знать, это Уэстморленд! – рявкнул Мартин. – И его пребыванию здесь есть простое объяснение. Он приехал сюда, чтобы немного отдохнуть от переутомления – последствия старой болезни, которая до сих пор еще его мучит.

Объяснение было настолько смехотворным, что Энн уставилась на Мартина с открытым ртом:

– Да вы шутите!

– Черт возьми, я что, похож на шутника? – злобно прошипел Мартин.

– И вы действительно верите этой сказке? – воскликнула Энн, боясь, что это именно так и есть. – Существует бесчисленное количество мест, где герцог Клеймор мог поправлять здоровье, и сомневаюсь, чтобы он выбрал именно это, особенно сейчас, накануне зимы!

– Но такое объяснение я услышал от него самого. Его светлость решил, что настало время скрыться от тягот светской жизни, и предпочел остановиться здесь. Поскольку только я… и теперь вы знаете, кто он, надеюсь, никто из нас не окажет ему медвежью услугу, выдав соседям истинное имя герцога.

Уединившись в своей спальне, леди Энн попыталась взять себя в руки и справиться с обуревавшим ее гневом. Она в ужасе вспомнила о той ночи в доме Арманов, когда Уитни расспрашивала о высоком темноволосом спутнике Мари Сент-Аллермейн. Энн была совершенно уверена, что рядом с певицей стоял герцог; все знали, что Мари была любовницей Клеймора и что она никогда не удостаивала другого мужчину своим обществом. Однако герцог не был столь постоянен и весьма часто встречался с другими красавицами, пока Сент-Аллермейн совершала турне по Европе.

Прекрасно, подумала Энн, выбрасывая певицу из головы. Клеймор был на маскараде, и Уитни спрашивала о нем, но они не могли провести сколько-нибудь времени вместе, иначе Уитни знала бы, кто он. И Клеймор вряд ли последовал за Уитни сюда – он уже поселился здесь до их приезда. Вероятно, расспросы Уитни и появление герцога – простое совпадение, и, может быть, он просто решил скрыться на время от назойливого света.

Леди Энн почувствовала себя гораздо лучше, но лишь на мгновение. Завтра вечером Уэстморленда и Уитни представят друг другу. У Энн не было сомнения, что он увлечется девушкой. Не придет ли ему в голову преследовать ее?

Энн, вздрогнув, встала и нахмурилась. У нее не было ни малейшего желания наживать врага в лице могущественного и влиятельного лорда Клеймора, выдав его настоящее имя, но если она заподозрит, что Уитни может пасть жертвой красивого лица и легендарного обаяния, значит, следует раскрыть племяннице тайну, в подробностях перечислить все его победы и рассказать о недопустимо неприличном поведении!

Энн ни на секунду не позволила себе представить, что Клеймор может влюбиться в Уитни с первого взгляда и, презрев те неоспоримые факты, что девушка не обладала ни богатством, по его стандартам, ни аристократическим происхождением, сделать ей предложение. Она могла назвать сотни разочарованных мамаш с убитыми горем дочерьми, которые оказались настолько глупы, что надеялись на нечто подобное!

Леди Энн разделась и легла в постель, но весть о появлении в округе Клейтона Уэстморленда лишила ее сна. Уитни тоже не спала, глядя в потолок широко раскрытыми глазами, мечтая о завтрашнем вечере и той минуте, когда Пол увидит ее, взрослую, красивую, в элегантном платье.

А в это время предмет ее грез и человек, которого так опасалась леди Энн, сидели перед камином в доме, снятом Клейтоном на время, и отдыхали за рюмкой бренди после партии в карты. Вытянув ноги к огню, Пол смаковал изысканный вкус янтарной жидкости.

– Собираетесь посетить завтра вечеринку у Стоунов? – лениво осведомился он.

– Да, – коротко ответил хозяин, настороженно глядя на гостя.

– Я и сам ни за что не пропустил бы такое событие, – хмыкнул Пол. – Если с Уитни не произошло поистине волшебного превращения, вечер будет крайне занимательным.

– Уитни… какое необычное имя, – заметил Клейтон с необходимой степенью легкого любопытства в голосе, как раз достаточной, чтобы побудить гостя продолжать.

– Семейное. Отец так страстно хотел иметь мальчика, что, несмотря ни на что, все же наградил дочь этим именем. Должен сказать, что его желание почти исполнилось. Она умела плавать, как рыба, лазить по деревьям, как обезьянка, и управляться с лошадью лучше, чем любая женщина из всех живущих на земле. Как-то даже показалась на людях в мужских штанах, а в другой раз пустилась в плавание на плоту, объявив, что собирается в Америку на поиски приключений.

– И что же было дальше?

– Успела добраться до противоположного берега пруда, – сообщил Пол, ухмыльнувшись. – Но нужно отдать девчонке должное – таких огромных прозрачно-зеленых глаз ни у кого нет! – Пол пристально смотрел на пламя, улыбаясь старым воспоминаниям. – Четыре года назад, уезжая во Францию, она попросила меня ее дождаться. Первое предложение, которое я когда-либо получал.

– И вы его приняли? – Непроницаемые глаза чуть сощурились, темные брови слегка поднялись.

– Господь с вами! – рассмеялся Пол, сделав большой глоток бренди. – Она была еще совсем ребенком – едва со школьной скамьи и полна решимости во всем превзойти Элизабет Аштон. Если у Элизабет была корь, Уитни мечтала лишь о том, чтобы свалиться с холерой. Боже! Вечно растрепанная, чумазая разбойница, не признающая никаких правил приличия!

Пол замолчал, вспоминая тот день, когда он принес ей на прощание маленький кулон, сказав, что это на память о дружбе, и как она тогда решительно возразила, что вовсе не хочет быть его другом, так как любит его. Улыбка сползла с его лица.

– Надеюсь, она все же изменилась, хотя бы ради отца, – с чувством заключил он.

Клейтон весело посмотрел на Севарина, но ничего не ответил. После ухода гостя он поудобнее уселся в кресле, задумчиво вертя в руке рюмку с бренди. Да, он идет на огромный риск, затеяв этот маскарад, и с чем большим количеством людей встретится, тем сильнее вероятность того, что его в конце концов узнают. Вчера его едва не хватил удар при известии о том, что Эмили, о которой Клейтон так много слышал, вышла замуж за его дальнего родственника. Проблема была решена пятиминутной беседой с глазу на глаз с Майклом Арчибалдом. Правда, барон ни на минуту не поверил его выдумке о «необходимости немного отдохнуть», но был слишком хорошо воспитанным человеком и истинным джентльменом,

чтобы лезть в чужие дела, а кроме того, достаточно благородным, чтобы держать в секрете подлинное имя Клейтона.

Прибытие леди Энн Джилберт вместе с племянницей представляло другую непредвиденную трудность, но если верить записке Мартина Стоуна, леди Энн поверила его объяснениям.

Клейтон встал и постарался выбросить из головы тревожные мысли. Если его и разоблачат, значит, он всего-навсего будет лишен удовольствия добиваться Уитни в облике простого сельского дворянина, но составленное адвокатами соглашение уже подписано, и Мартин Стоун принял деньги, которые, судя по всему, бросает направо и налево. Следовательно, конечная цель Клейтона будет так или иначе достигнута.

Глава 10

Распахнув окно, Уитни жадно вдыхала восхитительно свежий деревенский воздух. Пока горничная Кларисса облачала ее в модную бирюзовую амазонку, предательский разум Уитни не уставал снова и снова предлагать нанести Полу утренний визит, но девушка каждый раз твердо отказывалась от подобного безумия. Она немедленно поедет повидаться с Эмили.

Конюшни находились немного подальше, в конце дорожки, резко сворачивающей налево, так, что из дома их не было видно за высокими кустами самшита. С обеих сторон здания располагалось по десять денников. Широкая, далеко выступающая за стены крыша давала летом тень и защиту от непогоды всем обитателям конюшни. На полпути Уитни остановилась, с радостью оглядывая прекрасный, давно знакомый ландшафт.

Вдалеке свежевыкрашенный забор образовывал почти правильный овал, отмечая контуры бегового трека, где ее дед определял резвость лошадей, прежде чем решить, стоит ли их записывать на скачки. Позади трека виднелись зеленые холмы, усеянные дубами и платанами, сначала почти пологие, невысокие, но постепенно становившиеся все круче, которые заканчивались густо поросшей лесом возвышенностью, служившей границей поместья.

Подойдя поближе, Уитни с удивлением обнаружила, что почти все денники заняты. К каждой дверце была привинчена медная табличка. Уитни остановилась у последнего, углового, и прочла кличку, выгравированную на табличке.

– Ты, должно быть, Мимолетное Увлечение, – сказала она прекрасной гнедой кобылке, гладя ее по атласной шее. – Какая милая кличка!

– Вижу, по-прежнему любите беседовать с лошадьми? – фыркнул кто-то за спиной.

Уитни поспешно обернулась, широко улыбаясь высокому худому как палка Томасу, старшему конюху отца. В детстве Томас был поверенным ее тайн и сочувствующим свидетелем всех выходок, проделок, взрывов негодования и несчастий.

– Поразительно, до чего много у отца лошадей! – заметила она после того, как они обменялись приветствиями. – Интересно, зачем ему столько?

– В основном чтобы объезжать. Однако пойдемте, я хочу кое-что показать вам.

Знакомые запахи масла и кожи встретили Уитни, когда она вошла в прохладную конюшню, моргая, чтобы привыкнуть к полумраку после яркого солнечного света. В конце коридора двое конюхов пытались усмирить великолепного вороного жеребца, привязанного к столбу, пока третий прилаживал ему подковы. Однако жеребец недовольно тряс головой, фыркал и пятился, насколько позволяла длина веревок.

– Опасный Перекресток, – гордо провозгласил Томас. – Имечко как раз для него!

– Он уже объезжен? – осведомилась Уитни, с восторгом представляя себя сидящей на спине этого прекрасного создания.

– Отчасти, – хмыкнул Томас. – Но, как правило, пытается укротить наездника. Самое капризное животное в мире. Сейчас он вроде бы готов сдаться и покориться хозяину, а в следующую минуту может размазать тебя по забору. Стоит чем-то вывести его из себя, и он бросается на врага, словно разъяренный бык.

Томас поднял хлыст, чтобы показать на другое стойло, и испуганная лошадь утроила усилия освободиться.

– Тпру! Полегче, полегче, – уговаривал один из конюхов. – Мастер Томас, не могли бы вы спрятать хлыст за спину?

Поспешно выполнив просьбу, Томас с извиняющейся улыбкой объяснил Уитни:

– Не выносит одного вида хлыста. На прошлой неделе Джордж попытался отогнать его от забора и едва не отправился к Создателю. Но Бог с ним, с этим жеребцом. Я хочу показать вам кое-что.

И Томас повел Уитни к другому выходу из конюшни, где еще один конюх вел, а вернее, почтительно сопровождал чудесного гнедого жеребца с белоснежными «чулочками» на ногах.

– Хан? – шепнула Уитни, и, прежде чем Томас успел ответить, гнедой потыкался носом в бедро девушки, явно разыскивая карман, где она когда-то держала лакомства, которыми угощала четыре года назад совсем еще маленького жеребенка.

– Как он теперь? Когда я уезжала, Хан был слишком мал для седла.

– Почему бы вам самой не проверить?

Довольная этой просьбой, Уитни, придерживая зубами хлыст, потуже перевязала бирюзовую ленту, стягивающую волосы на затылке. Опасный Перекресток мгновенно взвился на дыбы, едва не сбив с ног конюха.

– Спрячьте кнут! – резко бросил Томас, и Уитни поспешно подчинилась.

Хан нетерпеливо пританцовывал, пока его вели из стойла. Уитни поставила ногу на скрещенные руки Томаса, грациозно скользнула в седло и, направляя коня к воротам, предупредила:

– Я давно не каталась верхом. Если Хан вернется один, ищите меня на полпути между поместьем и домом отца леди Эмили.

Когда Хан подрысил к входной двери дома Эмили, занавеска на широком окне с эркером чуть дрогнула, и мгновение спустя на крыльцо вылетела сама леди Арчибалд.

– Уитни! – радостно вскричала она, бросаясь подруге на шею и крепко обнимая. – О, Уитни, дай мне посмотреть на тебя! – Эмили, смеясь, отстранилась, все еще сжимая руки Уитни в своих. – Ты настоящая красавица!

– Это ты изумительно выглядишь, – запротестовала Уитни.

– И не потому, что я такая уж красавица, а потому что счастлива.

Девушки рука об руку направились в гостиную. Стройный светловолосый мужчина лет около тридцати встал при их появлении. Зеленовато-карие глаза приветливо улыбались. Эмили вне себя от восторга поспешно пробормотала:

– Уитни, могу я представить своего мужа…

– Майкла Арчибалда, – закончил тот за жену, прежде чем она успела произнести его титул, который, вероятно, мог бы смутить Уитни и стать преградой старой дружбе. Этот простой, неподдельно искренний и приветливый жест не остался незамеченным как Уитни, так и сияющей Эмили.

Через несколько минут он извинился и оставил подруг побеседовать вдвоем, занятие, которому они со страстью предавались последующие два часа.

– Пол был здесь утром, – сообщила Эмили, когда Уитни неохотно встала, чтобы уйти. – Приехал поговорить с моим отцом о чем-то.

Смущенная улыбка мелькнула на губах Эмили.

– Я… то есть… подумала, что не повредит… если я… как бы между делом… повторю рассказ месье Дю Вилля о том, каким успехом ты пользовалась во Франции. Хотя, – добавила она, неожиданно перестав улыбаться, – не уверена, что месье Дю Вилль оказал тебе услугу, упомянув об этом в присутствии Маргарет Мерритон. Он, можно сказать, вонзил ей нож в самое сердце, поведав о твоих победах, и теперь она ненавидит тебя еще больше, чем раньше.

– Почему? – удивилась Уитни, выходя вместе с подругой в холл.

– А почему она всегда терпеть тебя не могла? Наверное, потому, что ты богаче всех нас. Хотя теперь, когда она так занята нашим новым соседом, может быть, соизволит хотя бы

ненадолго быть с тобой любезной. – И, заметив недоуменный взгляд Уитни, пояснила: – Недавно здесь поселился мистер Уэстленд. Судя по тому, что говорила мне вчера Элизабет, Маргарет считает его своей исключительной собственностью.

– Как Элизабет? – осведомилась Уитни, совершенно забыв о Маргарет при упоминании имени своей соперницы.

– Такая же хорошенькая и милая, как всегда. И лучше тебе сразу узнать, что Пол сопровождает ее повсюду.

Уитни думала о последних словах Эмили, пускаясь галопом по незасеянному полю, принадлежавшему отцу Эмили. Элизабет Аштон всегда была такой, какой хотела стать сама Уитни, – воспитанной, вежливой, скромной, миниатюрной и к тому же блондинкой.

Ветер рвал ее волосы, высвобождая их из бархатной ленты, распуская по плечам. Хан с поразительной резвостью мчал ее вперед, оставляя позади милю за милей. Девушка с сожалением натянула поводья, заставив его перейти на рысь, а потом и на шаг, когда они очутились в лесу и двинулись по тропинке. Испуганные зайцы шарахались из-под копыт и прятались в зарослях, белки сновали по деревьям, с любопытством глядя на молодую всадницу.

Несколько минут спустя она поднялась на вершину холма и осторожно направила Хана вниз по крутому склону, туда, где возле небольшого лужка вился широкий ручей, пробегавший через северный участок отцовского поместья.

Спешившись, Уитни обмотала поводья Хана вокруг толстого дуба, подождала минуту, желая убедиться, что он будет стоять спокойно, потом погладила его по изящной шее и направилась через луг к ручью. Время от времени она замирала, чтобы вновь насладиться видом давно знакомого пейзажа, вдохнуть запах последних осенних цветов и свежего клевера. Она не поднимала глаз и ни разу не оглянулась, иначе наверняка заметила бы одинокого всадника, неподвижно сидевшего на могучем гнедом жеребце и наблюдавшего за каждым ее шагом.

Клейтон улыбнулся, заметив, что Уитни сняла свой бирюзовый жакет и небрежно перекинула его через руку. Теперь, когда она почувствовала себя свободной от всех запретов и ограничений парижского общества, ее походка стала легкой, изящной, быстрой и одновременно соблазнительной. Роскошная грива волос развевалась на ходу. Девушка неспешно приблизилась к небольшому пригорку, спускавшемуся к самому краю воды. Усевшись под древним платаном со скрюченными ветвями, она разулась и, сняв чулки, бросила их поверх сапожек.

Придерживая беспокойно переминавшуюся лошадь, Клейтон решал, стоит ли приближаться к добыче. Когда девушка, подобрав юбки, ступила в воду, он хмыкнул про себя и направил коня к лугу.

Однако бродить в ледяной воде оказалось не так приятно, как когда-то. Прежде всего ноги Уитни мгновенно замерзли, а камешки на дне были острыми и скользкими. Она осторожно вышла на берег и растянулась на траве. Опершись на локти и подложив ладони под подбородок, девушка лениво болтала в воздухе мокрыми ногами, предоставляя солнечным лучам высушить их. Она наблюдала за пескарями, резвившимися в прозрачных струях, и пыталась представить момент первой встречи с Полом, когда ее внимание привлекло легкое движение совсем рядом с платаном.

Уголком глаза Уитни заметила пару дорогих коричневых сапог для верховой езды, отполированных до зеркального блеска. На мгновение она застыла, но тут же быстро перекатилась на спину и уселась, прижав колени к груди и поспешно опуская влажные юбки, чтобы прикрыть босые ноги.

Мужчина стоял, небрежно опершись о ствол платана, скрестив руки.

– Рыбу ловите? – поинтересовался он, беззастенчиво скользя глазами по каждому изгибу ее тела, и, чуть задержавшись взглядом на розовых пальчиках, выглядывавших из-под мокрого подола амазонки, вновь принялся неспешно оценивать ее женские достоинства столь откровенно, что Уитни почувствовала себя так, словно ее раздевают.

– Шпионите? – сухо осведомилась она.

Он не удостоил ее ответом, лишь продолжал смотреть на нее с плохо скрытым весельем. Уитни подняла подбородок и надменно оглядела его с головы до ног. Незнакомец оказался очень высоким, стройным и превосходно сложенным, с квадратным, четко очерченным подбородком и прямым носом. Ветерок легонько шевелил его густые темно-каштановые волосы. Серые глаза с нескрываемым интересом взирали на нее из-под черных бровей. Чисто выбритое лицо было очень красивым – Уитни не могла не признать этого, – но дерзкий взгляд, властность и высокомерие производили отталкивающее впечатление.

Губы незваного гостя дернулись в полуулыбке.

– Вы собрались поплавать?

– Нет, но я хотела остаться одна, мистер…

– Уэстленд, – подсказал он, вглядываясь в округлые холмики, натянувшие тонкую белую ткань блузки.

Уитни поспешно прикрыла руками грудь, и незнакомец широко, понимающе улыбнулся.

– Мистер Уэстленд, – рассерженно бросила она, – ваше умение ориентироваться так же отвратительно, как и ваши манеры!

Едкий упрек, казалось, лишь еще больше позабавил наглеца.

– Почему вы так считаете, мадам?

– Потому что вы вторглись в чужие владения, – процедила Уитни.

Но незнакомец по-прежнему не выказывал ни малейшего намерения принести извинения, и Уитни поняла, что нужно немедленно уезжать. Стиснув зубы, она с отвращением посмотрела в сторону валявшихся на земле сапожек и чулок. Мужчина почтительно выпрямился и шагнул к ней, протягивая руку.

– Могу я помочь вам? – предложил он.

– Несомненно, – бросила Уитни с намеренно холодной, почти оскорбительной усмешкой. – Садитесь на свою лошадь и постарайтесь побыстрее убраться отсюда.

В серых глазах что-то блеснуло, но улыбка не исчезла и руку он не убрал.

– Ну же, хватайтесь, – настаивал он.

Однако Уитни, больше ни на что не обращая внимания, сама поднялась на ноги. Надеть чулки, не привлекая взгляда незнакомца, пристально наблюдавшего за ней, оказалось невозможным, и поэтому девушка натянула сапожки и сунула чулки в карман жакета.

Почти подбежав к Хану, Уитни подобрала хлыст, встала на поваленное дерево и вскочила в седло. Конь незнакомца, могучий гнедой жеребец, был привязан рядом. Повернув Хана, она пустила его в галоп и полетела к лесу.

– Рад был познакомиться, мисс Стоун, – засмеялся вслед Клейтон и одобрительно добавил: – Маленькая ведьма.

Скрывшись из виду, Уитни натянула поводья, и Хан пошел рысью. Она просто не могла поверить, что мистер Уэстленд и был тем соседом, о котором с таким одобрением говорил отец. Девушка сделала гримаску, вспомнив, что он приглашен на сегодняшний вечер. Боже, да этот наглец невыносимо груб, нестерпимо дерзок и возмутительно высокомерен! Как мог он понравиться отцу?

Все еще пытаясь решить эту загадку, она вошла в комнату для рукоделия и села рядом с теткой.

– Никогда не угадаешь, кого я сейчас встретила, – объявила она, но в этот момент Сьюелл, старый дворецкий, деликатно откашлялся и объявил:

– Леди Амелия Юбенк желает вас видеть.

– Меня? Господи Боже, зачем? – побледнела Уитни.

– Проводите леди Юбенк в гостиную, Сьюелл, – велела Энн, с любопытством разглядывая племянницу, которая в полном отчаянии оглядывалась в поисках места, где бы скрыться. – Почему ты так встревожилась, дорогая?

– Ты просто не знаешь ее, тетя Энн. Когда я была маленькой, она вечно кричала на меня и приказывала не грызть ногти.

– Ну что же, по крайней мере ты ей была не настолько безразлична, раз она все-таки каким-то образом пыталась воспитывать тебя, чего нельзя сказать о большинстве твоих знакомых.

– Но мы были в церкви! – с ужасом вскрикнула девушка.

Улыбка Энн была сочувственной, но достаточно твердой.

– Признаюсь, это не слишком умно и весьма откровенно, однако четыре года назад, когда ваши соседи являлись с визитами, леди Юбенк была единственной, сказавшей о тебе доброе слово. Она заявила, что ты обладаешь несомненным мужеством. Кроме того, она пользуется огромным влиянием во всей округе.

– Это потому, что все ее боятся до смерти, – вздохнула Уитни.

Когда дамы вошли в гостиную, вдовствующая леди Юбенк как раз внимательно изучала фарфорового фазана. С презрительной гримасой поставив статуэтку на каминную полку, она заявила Уитни:

– Это безобразие, должно быть, прекрасно отражает вкусы вашего отца. Матушка ваша ни за что бы не потерпела такого в своем доме.

Уитни открыла рот и безуспешно попыталась что-то сказать. Леди Юбенк ощупью отыскала на своей необъятной груди монокль, висевший на черной ленте, подняла его к глазам и подвергла Уитни внимательному осмотру с макушки до кончиков пальцев.

– Ну, мисс, что вы можете сказать? – грозно вопросила она.

Подавив ребяческий порыв заломить руки, Уитни вежливо ответила:

– Счастлива вновь видеть вас после стольких лет, миледи.

– Вздор! – фыркнула вдова. – Вы по-прежнему грызете ногти?

Уитни едва не закатила глаза, но вовремя опомнилась.

– Нет… говоря по правде, нет.

– Прекрасно. У вас неплохая фигура и миленькое личико. Ну а теперь перейдем к причине моего визита. Вы все еще намерены заполучить Севарина?

– Я… я… что?

– Молодая леди, из нас двоих именно мне следовало быть глухой. Ну же, объясните, вы намерены заполучить Севарина или нет?

Мысли Уитни лихорадочно метались, за несколько мгновений она ухитрилась придумать и отвергнуть сотни ответов и в конце концов умоляюще уставилась на тетку, ответившую ей беспомощным, смеющимся взглядом. Сцепив руки за спиной, девушка посмотрела прямо в глаза своей мучительнице:

– Да. Если смогу.

– Ха! Так я и думала! – радостно провозгласила вдова, хотя глаза ее подозрительно сощурились. – Надеюсь, вы за это время не приучились краснеть и жеманиться? Потому что в этом случае можете с таким же успехом возвращаться во Францию! Мисс Элизабет все эти годы вела себя как последняя дура, однако у нее так ничего и не вышло. Послушайте моего совета, покажите молодому человеку свой нрав и обзаведитесь еще одним поклонником, ему это будет полезно – слишком уж он уверен в себе, когда дело касается дам! – И, повер-

нувшись к леди Энн, добавила: – В течение пятнадцати лет я выслушивала мрачные предсказания соседей относительно будущего вашей племянницы, мадам, но всегда считала, что она не оправдает их ожиданий. Лично я намереваюсь хорошенько позабавиться, наблюдая, как она уведет Севарина прямо на их глазах! – с ухмылкой добавила она. Подняв монокль, она в последний раз оглядела Уитни и резко кивнула: – Не подведите меня, мисс.

Уитни в недоверчивом изумлении уставилась на дверь, через которую только что вышла вдова.

– По-моему, она немного не в себе.

– А по-моему, хитра, как лисица, – покачала головой леди Энн. – И думаю, неплохо бы тебе принять ее совет.

Уитни вне себя от волнения сидела перед зеркалом, глядя, как Кларисса ловко переплетает тяжелые локоны бриллиантовой нитью, последним и самым безрассудным приобретением, сделанным на деньги, посланные отцом в Париж. В окно подуло прохладным ветром, и Уитни зябко поежилась. Вечер выдался холодным, но девушка была этому рада, поскольку собиралась надеть бальный туалет из бархата.

Когда горничная застегивала платье на спине, Уитни услышала стук колес экипажа, катившегося по подъездной аллее. В окно донесся приглушенный, но отчетливый смех. Неужели они потешаются, вспоминая ее былые проделки? А может, это Маргарет Мерритон или другая девушка злорадствует над ее позорным поведением?

Уитни даже не заметила, как Кларисса вышла из комнаты. Она тряслась от холода, испуга и окончательно утратила самообладание. Настала ночь, ради которой она так усердно училась манерам и этикету и провела столько времени за границей.

Девушка подошла к окну, рассеянно гадая, что наденет сегодня Элизабет. Несомненно, что-нибудь в пастельных тонах – скромное и привлекательное.

Раздвинув кремовые с золотом гардины, Уитни перегнулась через подоконник, наблюдая, как сияют фонари приближающихся карет. Перед домом уже стояло несколько десятков колясок, ландо и фаэтонов. Отец, должно быть, пригласил всех соседей, нервно подумала Уитни. И конечно, никому и в голову не пришло отказаться. Все сгорают от любопытства поскорее увидеть, во что превратилась долговязая девчонка, отыскать в ней прежние недостатки и притворно посочувствовать Мартину.

Войдя в комнату Уитни, Энн резко остановилась. Лицо ее озарилось медленной сияющей улыбкой. Скульптурно вылепленный профиль девушки казался волшебно прекрасным. Энн с одобрением отметила все: от теней, отбрасываемых длинными густыми ресницами на нежную кожу цвета магнолии, до бриллиантов, сверкающих в волосах цвета красного дерева. Изящная фигурка была затянута в изумрудно-зеленое бархатное платье с завышенной талией. Лиф льнул к ее груди, рискованно обнажая белоснежную плоть, вздымавшуюся в квадратном вырезе. Словно для того, чтобы возместить шокирующее отсутствие ткани, рукава были длинными и узкими.

Подъехала очередная карета, и Уитни увидела, как высокий светловолосый мужчина спрыгнул на землю и предложил руку хорошенькой блондинке. Пол приехал! И вместе с Элизабет!

Отшатнувшись от окна, Уитни заметила рядом тетку и едва не подпрыгнула от неожиданности.

– Ты выглядишь восхитительно! – шепнула леди Энн.

– Тебе в самом деле нравится… я имею в виду платье? – еле ворочая от волнения языком, выдохнула Уитни.

– Нравится? – рассмеялась Энн. – Дорогая, оно совсем как ты – дерзкое, элегантное и непохожее на другие! – Она протянула руку, с которой свисал великолепный изумрудный

кулон. – Мартин спросил меня сегодня утром, какого цвета твое платье, и только сейчас принес это и просил передать тебе. Он принадлежал твоей матери.

Изумруд был большим, квадратным, окруженным сверкающими бриллиантами. Он вовсе не принадлежал ее матери – Уитни когда-то часами рассматривала все сокровища и безделушки в материнской шкатулке для драгоценностей. Но сейчас она слишком нервничала, чтобы возразить. Девушка стояла, не смея пошевелиться, пока тетка застегивала цепочку.

– Идеально! – радостно воскликнула Энн, отступив на шаг и изучая общий эффект.

Камень улегся во впадину между грудями и действительно оказался превосходным дополнением к платью.

Взяв племянницу под руку, леди Энн повела ее к двери.

– Пойдем, дорогая, настала пора твоего второго официального дебюта.

В этот момент Уитни всем сердцем пожалела, что рядом нет Николя Дю Вилля, чтобы помочь ей и на этот раз.

Отец уже нетерпеливо топтался у подножия лестницы, чтобы проводить дочь в бальную залу. При виде Уитни он остановился как вкопанный, и потрясенное восхищение на его лице вернуло Уитни почти совершенно утраченную уверенность.

Под широким арочным входом в залу отец остановился и кивнул музыкантам, и те поспешно опустили инструменты. Уитни ощутила, как взгляды всех присутствующих устремились на нее, услышала, как шум мгновенно утих, а голоса и смех постепенно замерли, и в зале наступила зловещая тишина.

Девушка глубоко, прерывисто вздохнула, устремила рассеянный взгляд поверх голов гостей и позволила отцу отвести ее в центр комнаты.

Настороженная, полная любопытства тишина по-прежнему ничем не нарушалась, и, найди в себе Уитни достаточно мужества, она просто подобрала бы юбки и сбежала. Однако она тут же вспомнила Николя Дю Вилля, его гордую непринужденную элегантность и тот вечер, когда он помог ей взлететь на вершину успеха. Будь он здесь сейчас, наверняка наклонился бы и прошептал ей на ухо: «Они всего-навсего жалкие провинциалы, и ничего больше, cherie! Выше голову!»

Гости расступились, пропуская молодого рыжеволосого человека – Питера Редферна, так часто и немилосердно подшучивавшего над Уитни в детстве. Теперь же, в двадцать пять, волосы Питера слегка поредели, но мальчишеская улыбка и задорные глаза оставались теми же.

– Боже! – воскликнул он с нескрываемым восхищением. – Это действительно ты, маленькая разбойница? Куда дела свои веснушки?

Уитни, проглотив испуганный смех при столь непочтительном приветствии, вложила, однако, ладонь в протянутую ей руку.

– А куда, – отпарировала она с сияющей улыбкой, – ты подевал свои волосы?

Питер разразился смехом, и все, словно очнувшись, заговорили разом, столпившись вокруг Уитни и спеша поздороваться. Напряженность в душе все нарастала, но девушка подавляла страстное желание повернуться и поискать глазами Пола. Минуты шли, а она продолжала механически повторять одни и те же слова. Да, ей очень понравился Париж. Да, дядя Эдвард здоров. Да, она будет рада посетить бал, прием или ужин.

Четверть часа спустя, когда Уитни беседовала с женой аптекаря, Питер все еще держался поблизости. Слева, где собрались молодые женщины с мужьями, раздался знакомый злорадный смешок Маргарет Мерритон:

– Я слышала, она выставила себя в Париже настоящим посмешищем! Ее просто сторонились в обществе и почти никто не принимал!

Питер тоже расслышал это и весело улыбнулся Уитни:

– Пора встретиться с мисс Мерритон лицом к лицу! Нельзя же вечно избегать ее! Кроме того, она приехала кое с кем, кого ты еще не знаешь!

По настоянию Питера Уитни нерешительно обернулась к давнему врагу. Маргарет по-хозяйски вцепилась в рукав Клейтона Уэстленда. Еще днем Уитни была твердо уверена, что ничто, ничто на свете не заставит ее презирать Уэстленда больше, чем в тот момент, однако достаточно было увидеть его рядом с Маргарет, понять, что и он внимал ее злобным выпадам, чтобы неприязнь превратилась в жгучую ненависть и неподдельное отвращение.

– Мы все ужасно разочарованы тем, что ты так и не сумела найти себе во Франции мужа, Уитни, – ехидно пропела Маргарет.

Уитни оглядела ее с холодным пренебрежением:

– Маргарет, каждый раз, когда ты открываешь рот, я так и жду, что оттуда высунется змеиное жало!

Она брезгливо подобрала юбки и уже хотела отвернуться, но Питер сжал ее локоть.

– Уитни, позволь представить тебе мистера Уэстленда. Он снял дом Ходжеса и тоже только что вернулся из Франции.

Все еще больно переживая жестокий укол Маргарет, Уитни немедленно заключила, что если Уэстленд только что вернулся из Франции, значит, именно он наговорил Маргарет всякой чуши о том, что она будто бы считалась там настоящим изгоем, парией, на которую все смотрели с жалостью.

– Вам нравится жить в деревне, мистер Уэстленд? – осведомилась она с усталым безразличием.

– Большинство людей отнеслись ко мне крайне дружелюбно, – многозначительно ответил он.

– О, я в этом уверена! – бросила Уитни, почти ощущая, как он вновь раздевает ее взглядом, словно тогда у ручья. – Возможно, кто-нибудь из ваших новых друзей будет так добр, что покажет вам границы наших владений, с тем чтобы вы больше не попадали в неловкое положение, проникая в чужое поместье и злоупотребляя нашим гостеприимством, как сегодня.

Настороженное молчание вновь воцарилось среди собравшихся, веселость на лице Клейтона мгновенно исчезла.

– Мисс Стоун, – преувеличенно терпеливо начал он, – мы, кажется, неудачно начали наше знакомство. – И, кивнув на танцующих, вежливо предложил: – Возможно, вы окажете мне честь и согласитесь подарить танец…

Если он и сказал что-то еще, Уитни уже не слышала, потому что за спиной, совсем близко раздался мучительно знакомый низкий голос:

– Прошу прощения, мне сказали, что сегодня Уитни Стоун будет здесь, только я никак не могу узнать ее.

Чья-то рука коснулась ее локтя, и сердце Уитни забилось, словно обезумевшее. Не в силах вымолвить ни слова, она молча позволила Полу повернуть ее лицом к себе.

Она чуть приподняла голову и, встретившись взглядом с самыми голубыми глазами в мире, порывисто протянула руки и почувствовала пожатие теплых сильных пальцев. За последние четыре года она сотни раз представляла эту сцену и сочиняла дюжины остроумных реплик, которыми собиралась приветствовать Пола, но сейчас сумела выдохнуть лишь два слова:

– Здравствуй, Пол.

Медленная восторженная улыбка озарила лицо Пола, и, продолжая сжимать ее руки, он попросил лишь об одном:

– Потанцуйте со мной!

Пытаясь подавить внутреннюю дрожь, Уитни едва не бросилась в объятия Пола и почувствовала, как он обвил рукой ее талию. Ткань его красивого темно-синего фрака под кончиками ее пальцев скользила, словно живое существо, которое так хотелось погладить еще и еще. Уитни понимала, что теперь следует превратиться в гордую, сдержанную, равнодушную красавицу, какой она была в Париже, но ничего не могла с собой поделать: обрывки мыслей лихорадочно метались в голове, сердце беспорядочно колотилось; внезапно она словно вновь стала пятнадцатилетней влюбленной девчонкой. Ей хотелось повторять снова и снова: «Я люблю тебя. Я всегда тебя любила. Хочешь ли ты меня сейчас? Изменилась ли я настолько, чтобы теперь ты захотел меня?»

– Вы скучали по мне? – спросил Пол.

Какой-то предостерегающий голос зазвучал в мозгу Уитни, сумевшей распознать самоуверенные нотки в голосе Пола. Девушка, повинуясь безошибочному инстинкту, наградила его загадочной полуулыбкой.

– Отчаянно! – объявила она драматически и тут же усмехнулась, давая понять, что это утверждение явно преувеличено.

– Насколько отчаянно? – настаивал Пол, притворно хмурясь.

– Я была поистине безутешна, – пошутила Уитни, прекрасно зная, что Эмили уже успела поведать ему о ее парижских победах. – Говоря по правде, я едва не зачахла от одиночества и тоски по вас.

– Лгунья! – хмыкнул он, властно сжимая ее талию. – Сегодня утром я слышал совершенно другое. Признавайтесь, вы заявили какому-то французскому дворянину, что, если бы его титул произвел на вас такое же впечатление, как невероятное тщеславие и самомнение, вы могли бы поддаться искушению принять его предложение?

Уитни нерешительно кивнула, едва сдерживая смех:

– Совершенно верно.

– Могу я спросить, в чем заключалось его предложение?

– Не можете.

– Тогда, вероятно, мне стоит вызвать его на дуэль?

Уитни почувствовала себя на седьмом небе. Стоит ли ему вызвать француза на дуэль? Пол флиртует с ней, в самом деле флиртует с ней!

– Как поживает Элизабет?

Не успели слова сорваться с губ, как она мысленно осыпала себя всеми известными французскими и английскими проклятиями, а увидев довольное лицо Пола, едва не топнула ногой! Какая глупость с ее стороны!

– Я отыщу ее и приведу, чтобы вы могли возобновить знакомство, – предложил Пол с понимающей усмешкой, как только раздались заключительные аккорды музыки.

Уитни все еще пыталась прийти в себя от унижения после своего дурацкого промаха и не сразу поняла, что Пол ведет ее к компании, собравшейся вокруг Клейтона Уэстленда. До этой минуты Уитни совершенно забыла о том, что, когда Клейтон приглашал ее танцевать, она, не ответив, ушла с Полом.

– Кажется, я украл мисс Стоун как раз в тот момент, когда вы просили ее подарить танец, Клейтон, – извинился Пол.

Учитывая, как была груба Уитни с новым соседом, избежать танца не представлялось возможным. Она ожидала, что Клейтон повторит приглашение, но он и не подумал делать ничего подобного. На глазах у недоброжелательных зрителей он позволил ей полностью испить чашу позора, пока Уитни не залилась краской гневного смущения. Только потом он предложил ей руку и равнодушно, почти сквозь зубы выдавил:

– Мисс Стоун.

– Нет, благодарю вас, – холодно бросила Уитни. – Мне не хочется танцевать, мистер Уэстленд.

Резко повернувшись, она направилась в другой конец залы, решив держаться как можно дальше от этого невежды и грубияна, и присоединилась к гостям, которых развлекала беседой тетя Энн. Но не прошло и пяти минут, как рядом появился отец.

– Я хотел бы познакомить тебя кое с кем, – проворчал он с угрюмой решительностью. Однако, несмотря на его тон, Уитни видела, что отец очень гордится ею, и потому с радостью последовала за ним через всю залу, пока… пока не осознала, куда он ее ведет. В нескольких шагах стоял Клейтон Уэстленд, о чем-то весело беседуя с Эмили и ее мужем. Маргарет Мерритон по-прежнему цеплялась за его руку.

– Папа, пожалуйста, – настойчиво прошептала Уитни, отступая. – Мне он не нравится.

– Чепуха! – раздраженно отрезал отец, подталкивая ее вперед. – Вот и мы! – громко, жизнерадостно объявил он и, обернувшись к дочери, приказал, как малому ребенку: – Сделай реверанс и поздоровайся с нашим новым другом и соседом, Клейтоном Уэстлендом.

– Мы уже встречались, – сухо ответил Клейтон.

– Мы знакомы, – еле слышно подтвердила Уитни.

Щеки ее вновь загорелись под издевательским взглядом Уэстленда. Уитни подумала, что, если он посмеет сказать или сделать что-нибудь, попытается опозорить ее в глазах отца, она просто убьет наглеца. Впервые в жизни Мартин убедился, что дочь изменилась, что ее принимают в обществе, что никому и в голову не приходит смеяться над ней!

– Прекрасно, прекрасно, – кивнул отец, выжидающе глядя то на Клейтона, то на Уитни. – Почему бы вам не потанцевать? Музыканты так стараются…

Уитни мгновенно поняла, что они вряд ли будут танцевать: замкнутое лицо Клейтона ясно выражало, что он больше не пригласит ее на танец даже под угрозой смерти. Сгорая от стыда и унижения, Уитни заставила себя умоляюще посмотреть на него, а потом на танцующих, так, чтобы смысл ее просьбы стал ясен.

Иронически подняв брови, Клейтон не спешил с ответом. На какой-то момент Уитни показалось, что он вообще решил ее игнорировать, однако он пожал плечами и, даже не предложив ей руку, направился к танцующим. Уитни оставалось либо следовать за ним, либо не трогаться с места.

Она предпочла первое, хотя в душе все сильнее кипела ненавистью к этому человеку. Шагая позади, она буравила злобным взглядом его бордовый фрак, но только когда он обернулся к ней, девушка поняла, что он смеется, в самом деле смеется над ее унижением.

Уитни, не останавливаясь, направилась дальше, намереваясь оставить его одного в самом центре залы, но сильные пальцы неожиданно сдавили ее локоть.

– Только посмейте! – пробурчал он и, продолжая смеяться, увлек ее в вальсе.

– С вашей стороны было чрезвычайно любезно пригласить меня на танец, – саркастически заметила Уитни, неохотно отдаваясь его объятиям.

– Но разве вы не этого хотели от меня? – с фальшивым недоумением осведомился он и, прежде чем она успела ответить, добавил: – Знай я только, что вы предпочитаете сами приглашать партнеров, не стал бы зря просить вас дважды.

– Никогда не встречала такого напыщенного грубияна… – начала Уитни, но, поймав обеспокоенный взгляд отца, ослепительно улыбнулась, чтобы показать, как ей приятно танцевать с их новым соседом.

Но стоило ему отвернуться, как девушка с убийственным презрением оглядела Клейтона и продолжала:

– Невыносимого, невоспитанного, несносного…

И задохнулась от ярости, заметив, как трясутся от смеха его плечи.

– Не останавливайтесь, – попросил он, широко улыбаясь. – Я с самого детства не получал такого нагоняя! Как там у вас… «невоспитанный, несносный»…

– Возмутительно наглый и, уж конечно, не джентльмен!

– Вы ставите меня в крайне неловкое положение, – весело хмыкнул он, – и вынуждаете заметить, что ваше поведение сегодня вечером тоже вряд ли можно назвать подобающим леди.

– Улыбайтесь, пожалуйста! Мой отец за нами наблюдает, – прошипела она, растягивая губы в искусственной улыбке.

Клейтон немедленно последовал ее примеру. Ослепительно белые зубы блеснули на загорелом лице, но взгляд был неотрывно прикован к ее нежному рту. Это не ускользнуло от внимания Уитни, мгновенно и негодующе выпрямившейся.

– Мистер Уэстленд, мне кажется, что наш неприятный разговор продолжался достаточно долго!

Она попыталась отстраниться, но он успел сжать руки, не давая ей освободиться.

– Послушайте, малышка, не стоит устраивать сцены, я не имею ни малейшего желания видеть всеобщим посмешищем ни себя, ни вас, – предостерег он, и, поскольку у девушки не оставалось иного выбора, кроме как продолжать танец, она решила не обращать внимания на неприличную фамильярность и, пожав плечами, отвернулась. – Прекрасный вечер, не правда ли? – протянул он и сценическим шепотом добавил: – Ваш отец опять на нас смотрит!

– Был прекрасным, – поправила Уитни, ожидая немедленной ответной грубости, но когда таковой не последовало, нерешительно посмотрела на Клейтона.

Он пристально наблюдал за ней, не выказывая ни малейшего раздражения по поводу ее колкости. И Уитни неожиданно показалась себе глупой и невоспитанной. Да, он вел себя безобразно сегодня у ручья, но чем она лучше?

Виноватая улыбка зажгла ее глаза зеленым светом, превратив их в сияющие осколки нефрита.

– Думаю, сейчас ваша очередь язвить и насмехаться, – честно предложила она. – Или я потеряла счет стычкам?

Клейтон одобрительно кивнул, признавая ее правоту.

– По-моему, мы сравнялись, – спокойно признал он.

Что-то в этом низком голосе и серых глазах, в небрежной грации, с которой он вел ее в вальсе, пробудило в девушке смутные воспоминания.

– Мистер Уэстленд, мы раньше не встречались? – спросила она.

– Если бы мы встречались, для меня было бы огромным ударом обнаружить, что вы успели все забыть.

– Уверена, что я не могла бы вас не запомнить, – вежливо пробормотала Уитни и постаралась выбросить странные мысли из головы.

Верный своему обещанию, Пол подвел к ним Элизабет, как только закончился танец. Уитни с отчаянием подумала, что Элизабет Аштон выглядит словно прекрасная хрупкая фарфоровая куколка в платье из светло-голубого атласа, так мило оттенявшего розовые щечки и сверкающее золото волос.

– Не могу поверить, что это ты, Уитни! – воскликнула она нежным, полным удивления голосом.

Конечно, можно было предположить, что Элизабет не в силах поверить переменам, произошедшим со столь непрезентабельной ранее девчонкой, но, глядя вслед девушке, идущей под руку с Клейтоном в центр залы, Уитни посчитала, что Элизабет вовсе не намеревалась ее оскорбить. И поскольку мисс Аштон танцевала с мистером Уэстлендом, Уитни ждала, что Пол пригласит ее, но вместо этого он, нахмурившись, резко спросил:

– В Париже, кажется, принято, танцуя, смотреть в глаза друг другу?

Уитни в полном изумлении уставилась на него:

– Я… я не смотрела в глаза мистеру Уэстленду. Просто мне показалось, будто мы встречались раньше, однако выяснилось, что я никогда его не видела. Разве с вами такого не случалось?

– Только сегодня, – раздраженно бросил Пол. – Я считал, что знаю вас, теперь же уверен, что это не так.

Он повернулся и отошел. В прежние времена девушка последовала бы за ним и постаралась убедить, что любит только его, но все меняется, изменилась и Уитни. Поэтому она лишь улыбнулась про себя и направилась в противоположную сторону.

И хотя Пол больше не подошел к ней, Уитни с удовольствием проводила время с местными джентльменами. Если выбирать между этим, отчужденным, ревнующим Полом и прежним, чересчур уверенным в себе, Уитни, несомненно, предпочла бы первого. Леди Юбенк была права: пора выказать свой нрав – пусть не думает, что она станет бегать за ним, как собачонка! Полу не помешает немного помучиться!

Назавтра Уитни проснулась едва ли не в полдень. Отбросив одеяло, она вскочила с постели, совершенно уверенная, что Пол вот-вот приедет с визитом. Однако его все не было, потом явились другие соседи, и она развлекала их, стараясь быть чарующе веселой и приветливой, хотя на сердце становилось все тяжелее по мере того, как солнце клонилось к горизонту.

Уитни увидела Пола лишь на следующий день, и то совершенно случайно. Она и Эмили как раз покидали городок, и лошади брели по дороге, выбивая копытами облачка пыли.

– Знаешь, мистера Уэстленда вызвали в город на следующий день после бала, – сообщила Эмили.

– Отец что-то упоминал об этом, – рассеянно ответила Уитни, думая лишь о Поле. – Кажется, он приезжает завтра… А что?

– Мама Маргарет шепнула, что Маргарет считает часы до его приезда. Очевидно, она просто помешалась на нем и…

Эмили осеклась и, прищурясь, вгляделась в даль.

– Если глаза меня не подводят, – пропела она, бросив лукавый взгляд на Уитни, – мы, кажется, сейчас увидим твою добычу!

Наклонившись вперед, Уитни различила в облаках пыли мчавшийся навстречу элегантный фаэтон. Она едва успела расправить юбки амазонки, как Пол был уже рядом. Он натянул поводья, вежливо приветствовал Уитни и полностью сосредоточился на Эмили, осыпая ее шутливыми комплиментами, пока та, смеясь, не приказала ему немедленно замолчать, поскольку она теперь замужняя женщина.

Хан мгновенно воспылал антипатией к породистому вороному коню Пола, и Уитни краем уха прислушивалась к разговору, одновременно пытаясь справиться с норовистым гнедым.

– Собираетесь на завтрашний прием к леди Юбенк? – осведомился Пол, и Уитни, не услышав ответа Эмили, подняла глаза. Пол обращался к ней. – Собираетесь завтра к леди Юбенк? – повторил он, и Уитни кивнула, чувствуя, как сердце готово вот-вот выскочить из груди. – Прекрасно. Увидимся там, – бросил Пол и, не тратя слов, взмахнул поводьями.

Фаэтон сорвался с места и исчез в облаке пыли. Эмили повернулась и долго смотрела вслед экипажу, пока он не скрылся из виду.

– Какая совершенно необыкновенная встреча! – воскликнула она, заговорщически улыбаясь и искоса поглядывая на подругу. – Но тебе не показалось странным, что он изо всех сил старался тебя игнорировать?

– Вовсе нет, – тяжело вздохнула Уитни. – Если припоминаешь, Пол всегда старался меня игнорировать.

– Знаю, – тихо засмеялась Эмили, – но, разговаривая со мной сейчас, он не сводил с тебя глаз. И вчера на балу он тоже украдкой бросал на тебя взгляды, когда ты не смотрела в его сторону.

Уитни резко натянула поводья, останавливая Хана.

– Правда? Ты уверена?

– Совершенно, глупышка. Я все время наблюдала за вами двоими.

– О, Эмили, – дрожащим голосом пробормотала Уитни, – как жаль, что тебе придется вернуться в Лондон на следующей неделе. Кто, если не ты, скажет мне именно то, что я хочу слышать?

Глава 11

К тому времени, когда пришла пора отправляться на вечер в дом леди Юбенк, Уитни довела себя едва ли не до полуобморочного состояния и изнемогала от волнения и дурных предчувствий. Она была готова задолго до отъезда и ожидала тетю в холле. Сегодня на девушке было платье из темно-синего шифона, усеянное переливающимися серебром блестками. Бриллианты и сапфиры сверкали у нее в ушах, на шее и сияли в локонах, собранных в элегантную прическу греческого стиля.

– Тетя Энн, – спросила она по пути, – как по-твоему, Пол действительно любит Элизабет?

– Если бы любил, он давно бы сделал ей предложение, – ответила Энн, натягивая перчатки, поскольку экипаж уже свернул на длинную подъездную аллею старого дома леди Юбенк, более всего походившего на мавзолей. – И твоя подруга Эмили совершенно права – он следил за тобой в ночь бала, когда думал, что никто этого не замечает.

– Но в таком случае почему он так долго не дает о себе знать?

– Дорогая, вспомни, в каком неловком положении он очутился! Всем известно, что четыре года назад он едва выносил тебя и твое неотвязное обожание. Теперь же ему приходится полностью изменить свое отношение и начать открыто за тобой ухаживать. – Она улыбнулась сурово нахмурившейся племяннице и добавила: – Если желаешь ускорить события, прими совет леди Юбенк и покажи, что ты в нем не нуждаешься!

Три часа спустя Уитни была вынуждена согласиться с тетей. Самые блестящие джентльмены в округе стремились добиться ее внимания, все… кроме того, кто был так дорог ей.

Клейтон Уэстленд, стоявший в противоположном углу комнаты в окружении девиц, слегка наклонил голову к Маргарет Мерритон, улыбаясь, чтобы скрыть, как раздражен ее непрестанной болтовней.

Проведя несколько последних дней в Лондоне по неотложному делу, он вернулся как раз вовремя, чтобы успеть переодеться и отправиться к Амелии Юбенк на небольшую вечеринку. И эта невыносимая старая карга не постеснялась встретить его в дверях и заявить, что будет крайне благодарна, если он станет весь вечер ухаживать за мисс Стоун и таким образом выступит в роли романтического соперника Севарина. В результате настроение Клейтона было безнадежно испорчено.

Невежливо повернувшись спиной к собеседнице, Амелия Юбенк подняла монокль и начала пристально рассматривать собравшихся гостей, пока взгляд ее не упал на герцога Клеймора, осаждаемого барышнями, стремившимися снискать его расположение. Герцог, по всей видимости, терпеливо выносил все их ужимки и уловки, однако внимание его было приковано к единственной женщине – Уитни Стоун, казавшейся полностью невосприимчивой к его обаянию.

Амелия выпустила из пальцев монокль, предоставив ему болтаться на черной ленточке. Герцог был дальним кузеном ее покойного мужа, и, следовательно, леди Юбенк могла претендовать на родство с Уэстморлендом. Когда несколько недель назад Клейтон приехал к ней и объявил о намерении поселиться в округе под именем Уэстленда, чтобы немного отдохнуть вдали от шумного света, она заверила его, что он может на нее положиться.

Теперь, однако, леди Юбенк осенила идея. Она оценивающим взглядом смерила герцога, наблюдавшего за Уитни, и, немного подумав, чтобы определить, насколько коварным и неэтичным является ее замысел, все-таки с довольной усмешкой откинулась на спинку кресла и приказала лакею немедленно привести к ней мисс Стоун, а потом попросить мистера Уэстленда присоединиться к ним.

Уитни танцевала с мужем Эмили, когда неизвестно откуда возникший лакей объявил, что леди Юбенк желает ее видеть, и сейчас же. Извинившись перед лордом Арчибалдом, Уитни, предчувствуя недоброе, тем не менее сочла необходимым подчиниться. Ее подозрения немедленно оправдались, когда вдова, с трудом встав с кресла, раздраженно заметила:

– По-моему, я уже объясняла, что необходимо заставить Севарина ревновать, а муж вашей лучшей подруги совершенно не годится в соперники! Я хочу, чтобы вы немного пофлиртовали с мистером Уэстлендом. Сделайте ему глазки или что еще там вы, молодые девицы, обычно пускаете в ход, чтобы привлечь мужчину…

– Но я не могу. Правда, леди Юбенк, я лучше…

– Юная леди, – перебила она, – позвольте объяснить, что я даю этот вечер с одной лишь целью: помочь вам заполучить Севарина. И поскольку вы по-прежнему ведете себя чрезвычайно глупо там, где дело касается его, мне не остается иного выхода, кроме как вмешаться. Клейтон Уэстленд – единственный, кого Севарин может посчитать соперником, и я послала за ним лакея.

Уитни побледнела, и леди Юбенк окинула ее разъяренным взглядом:

– Ну а теперь, когда явится мистер Уэстленд, можете либо смотреть на него, как сейчас на меня – и в таком случае он, вероятно, предложит послать за доктором, – либо улыбнитесь ему, с тем чтобы он пригласил вас подышать свежим воздухом на балконе.

– Но я вовсе не желаю идти с ним на балкон, – в отчаянии прошипела Уитни.

– Захотите, – предсказала ее милость, – когда обернетесь и увидите, как очаровательно выглядит Элизабет Аштон, идущая именно в том направлении под руку с Севарином.

Уитни обернулась и поняла, что леди Юбенк права. Пол и Элизабет действительно шли к дверям балкона. Обескураженная девушка хотя и согласилась, что в словах вдовы есть смысл, но все же не решалась опуститься до столь низкого коварства и следовать ее недостойным планам. Впрочем, вряд ли эти колебания имели хотя бы какое-то значение, поскольку леди Юбенк не дала ей иного выбора и уже объявила слегка улыбавшемуся Клейтону:

– Мисс Стоун пожаловалась мне, что здесь ужасно жарко и что она была бы очень рада немного постоять на балконе.

Клейтон Уэстленд мельком взглянул в сторону балкона, и Уитни заметила, как его лениво улыбающееся лицо в мгновение ока превратилось в маску иронического удивления.

– О, в этом я совершенно уверен, – саркастически бросил он и, не слишком галантно взяв ее за локоть, осведомился: – Ну что же, пойдемте, мисс Стоун?

Уитни позволила ему провести себя через толпы болтающих, смеющихся, танцующих гостей и мимо столов, накрытых для ужина а-ля фуршет.

Девушка была так погружена в мысли о Поле, что не заметила, как Клейтон подвел ее к высоким стеклянным дверям, находившимся под прямым углом к тем, через которые прошли Пол и Элизабет. Уитни слишком поздно поняла, что таким образом они окажутся совершенно одни и, следовательно, Пол их не увидит.

– Куда мы идем? – поспешно спросила она, пытаясь отступить.

– Как видите, мы уже почти на балконе, – холодно сообщил спутник и, еще сильнее стиснув ее локоть, свободной рукой повернул ручку двери, вывел Уитни наружу и закрыл стеклянные створки. Потом, не говоря ни слова, отпустил девушку, подошел к каменной балюстраде и, опершись на нее бедром, начал молча рассматривать свою даму.

Уитни стояла, боясь шевельнуться, сгорая от стыда, потому что план леди Юбенк провалился, потому что позволила себе участвовать в нем, и все-таки исполненная решимости довести его до конца, если возможно.

– Наверное, нам стоило бы перейти на другую сторону? – предложила она.

– Наверное, но мы этого не сделаем, – отрезал Клейтон.

Он уже успел сообразить, что его используют в качестве подсадной утки, и с каждой секундой все больше раздражался и терял терпение. Уитни выглядела юной стройной богиней – соблазнительницей, сверкающей серебром в лунном свете каждый раз, когда ветерок развевал складки ее наряда. И она принадлежит ему, черт возьми! Он даже заплатил за туалет, который сейчас на ней!

Наконец его осенила идея. Перегнувшись через перила, он заглянул за угол, удостоверился, что Севарин и Элизабет Аштон по-прежнему стоят у балюстрады, и вновь обернулся к прекрасной спутнице, нервно теребившей темно-синий шифон платья.

– Ну, мисс Стоун? – осведомился он, повысив голос так, чтобы его услышали на другом конце балкона.

Уитни даже вздрогнула от неожиданности.

– Что именно вам угодно? – пробормотала она, шагнув вперед в надежде заглянуть за угол и подсмотреть, что делают Пол и Элизабет. Но попытка не удалась, поскольку Клейтон выпрямился и быстро встал перед ней, загородив дорогу. – Что именно? – повторила Уитни, машинально отступив, чтобы как можно больше увеличить расстояние между ними. И прежде чем девушка поняла, что происходит, ее уже прижали спиной к темной стене дома.

– Ну, теперь, когда я привел вас сюда, – спокойно начал Клейтон, – чего вы потребуете от меня? Что я должен сделать дальше?

– Дальше? – осторожно поинтересовалась Уитни.

– Вот именно, дальше. Я хочу удостовериться, что правильно понимаю свою роль в той занимательной игре, которую мы ведем. Вероятно, мне следует поцеловать вас, чтобы заставить Севарина ревновать, не так ли?

– Да я не позволила бы вам прикоснуться ко мне, даже если бы тонула! – парировала Уитни, слишком разгневанная, чтобы почувствовать себя униженной.

Однако Уэстленд, пропустив гневную реплику мимо ушей, задумчиво произнес:

– Не возражаю против того, чтобы сыграть свою роль, но сомнительно, чтобы она пришлась мне по душе. Итак, мне придется целовать совсем еще зеленую дилетантку, или вы достаточно поднаторели в этом искусстве за все эти годы? Сколько раз в жизни вы целовались?

– Могу побиться об заклад, вы живете в постоянном страхе быть принятым за джентльмена, – фыркнула она, чтобы скрыть нарастающую тревогу.

Стальные пальцы сомкнулись на ее плечах, и он начал притягивать ее к себе. Поняв, что ей с ним не справиться, она разъяренно уставилась в смеющиеся глаза:

– Уберите руки!

– Может, число мгновений, когда вас целовали, не поддается счету? Или они для вас имели так мало значения, что просто успели улетучиться из памяти?

Уитни почувствовала, что сейчас взорвется.

– Меня целовали достаточно часто, чтобы больше не требовалось уроков от вам подобных!

Тихо хмыкнув, он обнял застывшую от напряжения девушку.

– Неужели вас целовали так часто, малышка?

Уитни уставилась на мускулистую грудь, отказываясь поднять глаза. Кричать не имело смысла: ее репутация будет навеки погублена, если кто-то увидит ее в столь компрометирующей ситуации. Она не могла, просто не могла поверить, что такое действительно происходит с ней. Разрываясь между желанием залиться слезами и ударить его, Уитни объяснила как можно спокойнее:

– Если вы оставили старания унизить и запугать меня, пожалуйста, отпустите.

– Не отпущу, пока не обнаружу, насколько велик ваш опыт! – прошептал он.

Уитни вскинула голову, намереваясь разразиться назидательной тирадой, но он прижался к ее губам, заглушая слова. Девушка застыла, потрясенная неведомыми ощущениями, но заставила себя стоять не шевелясь и выносить прикосновение его рта. Хотя у нее действительно почти не было опыта в поцелуях, она давно и ловко научилась их избегать и твердо знала, что ни сопротивлением, ни страстным ответом на поцелуй женщина не может низвести чересчур пылкого мужчину до состояния полного раскаяния и искреннего смирения.

Однако когда Клейтон наконец отстранился, он вовсе не выглядел ни раскаявшимся, ни смиренным. Вместо этого он рассматривал ее с приводящей в бешенство ухмылкой:

– Либо у вас были очень плохие учителя, либо вы крайне нуждаетесь в дополнительных уроках, поскольку оказались нерадивой ученицей.

Руки его разжались; Уитни отступила в сторону, резко повернулась к нему спиной и бросила через плечо:

– По крайней мере свои уроки я получала не в борделях!

Все случилось так быстро, что она даже не успела сообразить, в чем дело. Клейтон молниеносно выбросил вперед руку и, словно клещами стиснув ее запястье, снова потащил в тень и рывком притянул к себе.

– Думаю, – объявил он зловеще, – ваша беда в том, что у вас были слишком плохие учителя.

Его рот впился в ее губы, безжалостно раздавливая, сминая, вынуждая раскрыться под жестокой, неумолимой, слепой силой, и, когда она невольно повиновалась, его язык проник внутрь, словно жадный враг-победитель в покоренный город.

Уитни беспомощно извивалась в стальных объятиях, пытаясь вырваться; слезы беспомощной ярости струились по щекам. Но чем больше она сопротивлялась, тем пренебрежительнее становился этот поцелуй, словно Клейтон наказывал ее за какое-то неведомое преступление, пока Уитни наконец не устала от бесплодной борьбы и не замерла, побежденная, трепещущая. В тот момент, когда она прекратила сопротивление, Клейтон поднял голову, сжал ладонями ее лицо и, глядя в блестящие от слез глаза, спокойно пояснил:

– Это ваш первый урок, малышка. Никогда не играйте со мной в глупые игры. Вы просто не сможете выиграть – я слишком искушен в подобных уловках. А это второй урок, – пробормотал он, и его губы вновь неотвратимо приблизились к ее губам.

Уитни прерывисто втянула в легкие воздух и попыталась закричать, но жесткий рот мгновенно превратил вопль в истерическое хныканье, и на этот раз поцелуй был так нежен, что девушка покорно замолчала. Его ладонь лежала на ее затылке, пальцы непрестанно двигались, успокаивая, гладя. Другая рука скользила по спине в медленной неустанной ласке, а поцелуй все продолжался, бесконечный, лишающий разума, путающий мысли.

Он коснулся ее губ языком, словно безмолвно умоляя их раскрыться, осторожно раздвигая розовые лепестки, и, когда это наконец произошло, вторгся в теплые глубины ее рта. Тело Уитни словно пронзила молния. Она обвила руками его шею, приникла к нему, чтобы не упасть. Его объятия стали еще теснее, а язык полностью завладел ее мягким ртом, изучая, пробуя на вкус, наполняя его, до тех пор пока вся Уитни не превратилась в средоточие головокружительных ощущений.

Поцелуй становился все более опьяняющим, и его рука легла на ее грудь, дерзко сжимая мягкое полное полушарие.

В затуманенном мозгу Уитни мгновенно прозвучал предостерегающий холодный голос разума. Возмущение слишком дерзкой лаской вылилось в слепящую вспышку ярости, мгновенно убившей все остальные эмоции. Уитни с неведомо откуда взявшейся силой вырвалась, отшвырнув его руки.

– Да как вы посмели! – прошипела она и, размахнувшись, отвесила ему оглушительную пощечину, но тут же в полнейшем недоумении отступила, заметив, как по лицу Клей-

тона расплывается медленная удовлетворенная ухмылка. Слишком взбешенная, чтобы говорить связно, она, однако, умудрилась выдавить: – Если вы когда-нибудь, когда-нибудь снова коснетесь меня, я убью вас!

Но ее угроза, казалось, лишь еще больше обрадовала его, и теперь уже трудно было ошибиться – он просто трясся от безмолвного смеха.

– Но это совершенно не обязательно, миледи! Я уже получил все ответы, которые искал.

– Ответы! – задохнулась Уитни. – Будь я мужчиной, заставила бы вас проглотить эти слова под дулом пистолета!

– Будь вы мужчиной, в этом не было бы нужды.

Уитни стояла сжав кулаки, дрожа от невыразимого гнева, стараясь подобрать слова, которые могли бы проникнуть сквозь непроницаемую оболочку, в которой заключена душа этого чудовища. Слезы выступили на ее глазах, слезы бешенства, но стоило Клейтону заметить это, как он тут же превратился в олицетворение раскаяния.

– Вытрите глаза, малышка, и я провожу вас к друзьям.

С этими словами он вытащил из кармана белый платок и протянул ей. Уитни показалось, что сердце ее сейчас разорвется от так долго подавляемых ненависти и злобы. Выхватив платок, она швырнула его на пол и резко повернулась, намереваясь поскорее уйти от него и вернуться в бальную залу. Но тут из темноты послышался голос Пола:

– Прошу извинить нас.

Коротко кивнув, он провел Элизабет мимо них к порогу бальной залы.

– Как долго Пол был здесь?! – взорвалась Уитни, вне себя от обиды и отчаяния, снова поворачиваясь к Клейтону. – Вы, низкий, гнусный… вы сделали это нарочно, устроили спектакль для него, не так ли? Чтобы он увидел? Вы хотели, чтобы он все увидел!

– Я действительно сделал это намеренно, но ради себя! – спокойно поправил Клейтон, подхватывая Уитни под руку и провожая к дверям.

Они наконец оказались в безопасности ярко освещенной бальной залы, и Уитни, немедленно отпрянув от Клейтона, холодно процедила:

– Да вы, должно быть, истинный отпрыск сатаны!

– Мой отец был бы крайне разочарован, услышав это, – ответил Клейтон с раздражающим смешком.

– Ваш отец? – фыркнула Уитни, отступая подальше. – Если вы считаете, что ваша мать может назвать его имя, значит, жестоко ошибаетесь.

Наступил момент зловещего молчания, прежде чем до Клейтона дошло, что его сейчас назвали незаконнорожденным. Но в ответ на оскорбление он всего лишь разразился смехом. Все еще ухмыляясь, он следовал за девушкой, восхищаясь грациозным покачиванием бедер.

Ничего не видя от гнева, Уитни почти подбежала к группе гостей постарше, среди которых стояла ее тетя. Однако, не вступая в разговор, она смотрела куда-то вдаль, занятая своими невеселыми мыслями. Как она ненавидит и презирает Клейтона Уэстленда! Если она даже упадет в конце концов мертвой, все-таки найдет способ отплатить ему за этот вечер, за то, что он посмел дотронуться до нее своими грязными руками развратника, за то, что заставил ее выглядеть шлюхой в глазах Пола!

Прошло не менее часа, прежде чем она услышала тихий голос Пола:

– Вы не откажете мне в танце?

Его рука уже завладела ее запястьем, и Уитни молча пошла рядом. Она так боялась увидеть в его глазах осуждение, что, даже когда они уже танцевали, по-прежнему не решалась поднять на него взгляд.

– Неужели мужчине следует непременно прогуляться с вами на балкон, чтобы привлечь ваше внимание? – зло упрекнул он.

Уитни резко вскинула голову и, к собственному облегчению, обнаружила, что, хотя сцена на балконе, по-видимому, была ему неприятна, лицо его не выражало ожидаемого презрения.

– Предпочитаете свидания по ночам? – съехидничал он.

– Пожалуйста, не нужно смеяться надо мной, – умоляюще шепнула она. – Вечер был таким долгим, и я ужасно устала.

– Неудивительно, – с грубоватой иронией отозвался Пол, но, заметив, как сильно покраснела от смущения Уитни, немного смягчился: – Возможно, вы сумеете оправиться от «усталости» к завтрашнему утру, чтобы поехать на пикник в вашу честь? Будут всего человек десять, не больше.

«Леди Юбенк и тетя Энн оказались правы!» – торжествующе подумала Уитни.

– Буду очень рада, – согласилась она с сияющей счастливой улыбкой.

Когда музыка стихла, Пол отвел Уитни в сравнительно безлюдный уголок, остановил лакея с шампанским на подносе и, взяв два бокала, вручил один Уитни, а сам оперся плечом на колонну и вопросительно поднял брови:

– Должен ли я пригласить Уэстленда?

Первым порывом Уитни было схватить его за лацканы и завопить: нет! Но при виде его самоуверенной ухмылки она решила быть осмотрительнее и, пожав плечами, выдавила что-то вроде улыбки.

– Ради Бога, приглашайте, конечно, если хотите.

– И вы не станете возражать?

Уитни с невинным видом похлопала ресницами:

– Почему? Он… он очень красив. – Она поднесла к губам бокал, чтобы скрыть гримасу неприязни. – И очарователен, и…

– Мисс Стоун, – перебил Пол, весело изучая ее мрачное личико, – вы, случайно, не пытаетесь заставить меня ревновать?!

– А вы? – кокетливо парировала Уитни.

Он не ответил, но девушка была уверена, что это именно так и есть. Как бы то ни было, остаток вечера прошел великолепно. Пол почти не отходил от нее и, даже когда удалялся ненадолго, ни разу не вернулся к Элизабет.

Отпустив камердинера, Клейтон налил себе немного бренди и покачал головой, вспомнив, какой странный, причудливый оборот приняли их отношения. Никогда, в самых безумных мечтах, он не представлял, что может встретить такую, как Уитни. Тем не менее он был чрезвычайно доволен тем, что узнал на балконе леди Амелии несколько часов назад. Никому из французских поклонников Уитни не позволяла таких вольностей, какие допустил он; девушка была шокирована страстным поцелуем и возмутилась, когда он коснулся ее груди.

Боже, какое она обольстительное создание – ангел и злючка одновременно, безыскусная и утонченная, неопытная и соблазнительная, богиня с роскошным телом и изысканной красотой, сумевшая зажечь огонь в его крови.

Подняв рюмку, он хмуро уставился на ее содержимое. Он ужасно обошелся с ней сегодня. Завтра придется отыскать способ к примирению.

Глава 12

Утро пикника выдалось ясным и безоблачным, прохладный ветерок приносил горьковатые запахи ранней осени. Уитни приняла ванну и вымыла голову, а потом долго раздумывала, что надеть. Пол, несомненно, заедет за ней в коляске, однако Уитни ужасно хотелось ехать рядом с ним верхом, как они часто делали это в прошлом. И Уитни, не задумываясь больше, вынула из гардероба ярко-желтую амазонку.

Она была уже готова, когда внизу раздался стук колес. Экипаж Пола остановился прямо под окном спальни, но девушка заставила себя десять раз обойти комнату, прежде чем спустилась вниз.

Пол наблюдал за ее приближением, с нескрываемым восторгом рассматривая изящную фигурку в модной амазонке, в вырезе жакета которой виднелась блузка в желтый и белый горошек. Такой же шарф был повязан на шее: узел сбоку, а концы переброшены через правое плечо.

– Как вы ухитряетесь выглядеть такой прелестной в столь ранний час? – спросил он, сжимая ее руки.

Уитни решительно подавила желание броситься в его объятия и вместо этого вежливо улыбнулась.

– Доброе утро, – тихо обронила она. – Отправимся верхом или в экипаже? В конюшне полно лошадей, и вы можете выбрать любую.

– Боюсь, вам придется ехать одной. Мне необходима коляска, чтобы доставить на пикник всех этих дам, которые живут в постоянном страхе перед падением с лошади.

И, кивнув на темную тень около передней двери, пояснил:

– Клейтон отправится с вами и покажет, где мы собираемся.

Уитни, охваченная мгновенной паникой, почувствовала, как горло перехватил комок разочарования, смешанного с тревогой. Просто невозможно поверить, что Пол оказался способен на такое! Поскольку он пригласил Уитни и пикник дается в ее честь, значит, просто обязан сам проводить ее! Кроме того, единственной из девушек в округе, боявшейся лошадей, была Элизабет Аштон.

Ужасная мысль ошеломила Уитни. Что, если Пол таким образом дает ей понять, что не собирается играть роль ревнивого поклонника? Вчера вечером он, вероятно, понял, что Уитни желает заставить его помучиться, и сегодня показывает, что ее уловка не удалась.

Сверхчеловеческим усилием Уитни заставила себя небрежно пожать плечами и улыбнуться:

– Жаль, что упускаете случай прокатиться! Слишком хороший день сегодня, чтобы тесниться в коляске!

– Клейтон покажет вам место, – повторил Пол, изучая спокойное лицо девушки, и сухо добавил: – Надеюсь, вы достаточно хорошо познакомились, чтобы называть друг друга по имени?

Уитни оторвала взгляд от Пола и нехотя посмотрела в сторону Клейтона, стискивая зубы от омерзения.

– Уверен, ваш отец не станет возражать, если Клейтон возьмет одну из лошадей, – заключил Пол, шагнув к крыльцу, но на четвертой ступеньке обернулся. – Позаботьтесь о моей даме! – окликнул он Клейтона и сел в коляску, оставив Уитни слегка умиротворенной и полностью сбитой с толку его поведением. Сначала поручает ее попечению Клейтона, а потом галантно называет «своей дамой».

В ее смятенные мысли ворвался низкий баритон.

– Доброе утро! – негромко приветствовал ее Клейтон, все еще стоя в дверях.

Проглотив не менее трех едких ответов, она ограничилась пренебрежительным осмотром его костюма – безупречно белой сорочки, распахнутой у ворота, серых бриджей для верховой езды и сверкающих черных сапог.

– Вы ездите верхом? – ледяным тоном осведомилась она.

– Доброе утро, – повторил он подчеркнуто спокойно и вежливо улыбнулся.

Уитни сжала зубы и протиснулась мимо него на яркое солнце, предоставив ему следовать за ней или оставаться в доме – ей все равно.

Она решительно шагала по тропинке, ведущей в конюшню, слыша за собой его шаги. Однако на полпути он выступил вперед, загораживая дорогу, и все с той же улыбкой осведомился:

– Вы с каждым джентльменом, сумевшим украсть поцелуй, обращаетесь так неприязненно или только со мной?

Уитни облила его уничтожающим презрением:

– Мистер Уэстленд, прежде всего вы не джентльмен! Во-вторых, я терпеть вас не могу! А теперь прошу, дайте мне пройти.

Но Клейтон и не подумал. В задумчивом молчании он изучал гневное лицо девушки.

– Будьте добры отодвинуться и пропустить меня, – повторила Уитни.

– Постойте спокойно несколько минут, и я исполню вашу просьбу, но сначала хотел бы извиниться за вчерашний вечер, – невозмутимо ответил Уэстленд. – Не могу припомнить, когда в последний раз извинялся за что-то, поэтому у меня это может получиться не сразу.

Какой высокомерный, самовлюбленный павлин! Считает, что может позволить себе с ней любые вольности и отделаться несколькими формальными словами извинения! Приказав ей «стоять спокойно», он весьма эффективно уничтожил добрые намерения Уитни выслушать его и поскорее покончить с этим.

– Я не собираюсь принимать от вас никаких извинений, удаются вам они или нет! А теперь убирайтесь с дороги!

Лицо Клейтона потемнело от раздражения, и Уитни, почти физически ощутив, как старается он сохранить самообладание, поспешно глянула в сторону конюшни, словно ожидала, что кто-то оттуда придет на помощь. Там оказался Томас, пытавшийся удержать Опасного Перекрестка, который фыркал и норовил отпрянуть.

И месть неожиданно приобрела образ свирепого вороного жеребца. Улыбка, обращенная Уитни к рассерженному мужчине, казалась ослепительно искренней.

– Мои манеры тоже были небезупречны, – призналась Уитни, отчаянно пытаясь изобразить раскаяние, хотя ей очень хотелось смеяться. – Если желаете принести извинения, я буду рада их принять.

Во взгляде его мгновенно промелькнуло подозрение, и Уитни поспешно добавила:

– Или вы передумали?

– Не передумал, – негромко откликнулся он, приподняв ее подбородок. – Очень сожалею, что напугал вас вчера вечером. Поверьте, я ни за что на свете не посмел бы причинить вам зло и очень хочу, чтобы мы стали друзьями.

Уитни подавила страстное желание отбросить его руку и притворилась, что обдумывает предложение.

– Если мы собираемся быть друзьями, значит, должны иметь что-то общее, не так ли? Я, например, ужасно люблю ездить верхом. А как насчет вас? Надеюсь, вы неплохой наездник?

– Неплохой, – подтвердил он, окидывая ее холодным, оценивающим взглядом.

Спеша отделаться от столь тщательного осмотра, Уитни отстранилась и направилась к стойлам.

– Сейчас поищу для вас лошадь, – пообещала она.

Клейтону Уэстленду придется сесть на этого жеребца или признать, что боится! Так или иначе, самолюбию его будет нанесен ужасный удар, и Уитни считала, что он заслуживает все, что ему предназначается, до последней капли!

Уитни подбежала к Томасу, задыхаясь от волнения. Украдкой оглянувшись, она увидела, что Клейтон стоит всего шагах в пяти. Слишком близко!

– Велите немедленно оседлать Опасного Перекрестка, Томас. Мистер Уэстленд желает ехать сегодня на нем! – понизив голос до шепота, приказала она.

– Что?! – охнул Томас, воззрившись на Уэстленда. – Вы уверены?

– Абсолютно! – кивнула Уитни, смеясь про себя.

Томас, покачивая головой, повернулся и направился в конюшню. Чрезвычайно довольная собой, Уитни сцепила руки за спиной и зашагала к ограде загона, где уже стоял Клейтон.

– Я велела оседлать для вас нашего лучшего жеребца, – сообщила она.

Клейтону ее улыбка показалась слишком искусственной, но его внимание было отвлечено суматохой, поднявшейся в конюшне. Послышалось громкое ругательство, потом вопль боли, и Опасный Перекресток вырвался из конюшни, швырнув одного грума об забор и разъяренно лягнув другого.

– Ну разве он не великолепен? – восхитилась Уитни, искоса поглядывая на будущую жертву.

В этот момент конь изменил направление и ринулся к тому месту, где они стояли, но тут же круто повернул. Уитни отпрянула как раз тогда, когда он, выбросив задние ноги, с силой ударил ими в забор. Раздался страшный треск, похожий на взрыв пушечного ядра.

– Он… очень своенравный, – дрожащим голосом пояснила девушка.

– Вижу, – согласился Клейтон, переводя бесстрастный взгляд со вспотевшего, нервно переминавшегося жеребца на Уитни.

– Если боитесь, так прямо и скажите, – великодушно предложила Уитни. – Уверена, что мы сможем найти вам более подходящую лошадь… такую, как Леденец.

Поджав губы, чтобы не расхохотаться, она кивнула на старую племенную кобылу, спокойно щипавшую траву. Брюхо ее провисало почти до земли, а хребет выдавался острыми углами. Клейтон проследил, куда указывала Уитни, и лицо его исказилось гримасой холодного отвращения. Уитни вдруг подумала, что будет куда забавнее, если Клейтон поплетется к месту пикника на древней кобыле.

– Томас! – позвала она. – Мистер Уэстленд решил ехать на Леденце, так что…

– Обойдусь жеребцом! – рявкнул Клейтон и пригвоздил Уитни к месту ледяным взглядом.

Та, пытаясь защититься, передернула плечиком:

– Почему бы вам просто не объяснить мне, где будет пикник, и я спокойно доеду одна!

– Не имею ни малейшего намерения сделать это, как, впрочем, не собираюсь удовлетворить и ваше желание видеть меня лежащим на земле под копытами этого чудовища. Садитесь в седло и держите своего коня ближе к забору, – резко распорядился он, кивнув на Хана. – У меня достаточно забот и без того, чтобы еще и за вас переживать!

Эта высокомерная уверенность в том, что он сможет справиться с жеребцом, несколько смягчила ее угрызения совести. Она вскочила на Хана и повела его к дальнему концу загона, а потом, зажав поводья зубами, перевязала шарфом волосы.

Грумы, конюхи и три садовника поспешили к загону полюбоваться невиданным зрелищем. Томас и два грума удерживали скакуна, пока Клейтон гладил грациозную шею, что-то тихо говоря. Вспомнив, как эта же самая рука ласкала ее грудь, Уитни вспыхнула.

Клейтон поставил ногу в стремя, приподнялся и медленно опустился в седло, стараясь не делать лишних движений, чтобы не встревожить жеребца еще больше. Но, несмотря на все предосторожности, Опасный Перекресток фыркнул и резко взбрыкнул. Тот, кто сидел

в седле до Клейтона, был явно ниже ростом, и на какое-то мгновение Уитни показалось, что Перекресток собирается избавиться от нежелательного бремени, пока конюхи удлиняли ремни стремян.

Резвый скакун ни минуты не мог стоять спокойно и перебирал ногами, готовясь выкинуть новый трюк. Уитни, злорадно радуясь, каждую минуту ожидала, что Клейтон откажется от своей затеи. Но вместо этого он взял в руки поводья, и грумы поспешно отскочили в сторону.

Все внимание Клейтона было сосредоточено в этот момент на норовистом жеребце.

– Легче, легче, – успокаивал он, слегка ослабив поводья.

Опасный Перекресток гневно мотал головой, пытаясь закусить удила и стараясь боком подобраться к ограде, то и дело вскидывая задом.

– Легче, легче…

Клейтон словно гипнотизировал жеребца, а поводья не давали тому выйти из повиновения.

Уитни, широко раскрыв от изумления глаза, наблюдала, как Опасный Перекресток, еще немного побунтовав, смирился и даже проскакал рысью вдоль изгороди… Уши скакуна торчали вперед, и сам он выглядел так, словно наслаждался происходящим и был крайне горд нести на себе такого превосходного наездника. Клейтон дотронулся до боков коня хлыстом, давая знать, что пора перейти на легкий галоп, и Перекресток мгновенно вскинул голову и ударил задом.

– Это хлыст, сэр! – весело крикнул Томас. – Бросьте его, и конь успокоится!

В эту минуту Уитни простила Клейтона и постаралась забыть обо всех обидах. Она была слишком хорошей наездницей, чтобы притвориться, будто не поражена увиденным, и потому, не скрывая восхищения, наблюдала, как властно управляется Клейтон с жеребцом. Он направился к ней, и Уитни, заулыбавшись, уже хотела было воздать должное его искусству, но так и осталась с раскрытым ртом. Клейтон, швырнув хлыст в ее протянутую руку, пренебрежительно бросил:

– Жаль, что разочаровал вас! В следующий раз поищите кого-нибудь другого для своих детских игр!

– Вы настоящее чудовище! – прошипела Уитни, резко размахнувшись.

Хлыст со свистом прорезал воздух и, вместо того чтобы опуститься на плечо Клейтона, врезался в лошадиный бок. Разъяренный жеребец взвился в воздух и помчался к изгороди, словно намереваясь проломить тонкие планки, однако в последний момент передумал, одним прыжком взял препятствие и понесся неведомо куда.

– О Боже! – прошептала Уитни, глядя вслед лошади и всаднику, несущимся по пологим холмам, и, охваченная стыдом, поспешно отвернулась.

Однако чувство вины за собственную ребяческую попытку отомстить еще более усилилось при виде Томаса, подбежавшего к ней с багровым от ярости лицом.

– Так вот чему вы выучились во Франции! Калечить безвинных животных! – проревел он. – Да этот конь сроду больше никого не подпустит, дурочка вы этакая!

Повернувшись, он побежал в конюшню, спеша скорее оседлать лошадь и отправиться на поиски жеребца.

Уитни едва удержалась, чтобы не последовать за Томасом, объяснить, что она намеревалась ударить не коня, а всадника. Жеребец был уже далеко и быстро превращался в едва различимое пятнышко на горизонте, так что не представлялось никакой возможности разглядеть, держится ли еще в седле Клейтон. Лихорадочно оглядываясь, Уитни видела вокруг лишь одни неодобрительные лица. Слуги и конюхи поспешно отводили глаза.

Больше она не могла оставаться здесь и терпеть их молчаливое осуждение. Уитни повернула Хана и поехала вдоль ограды загона, но, добравшись почти до конца, внезапно

поняла, что не имеет ни малейшего представления, куда ехать, и поэтому нерешительно натянула поводья. Справедливости ради ей следует остаться здесь и покорно принять все последствия своего безобразного поведения. Что, если Клейтона принесут на носилках? В этом случае просто необходимо не трогаться с места, чтобы быть наготове и помочь чем можно.

Она вновь направилась к конюшне, но вторично натянула поводья. Вдруг Клейтон удержится в седле и прискачет назад на Опасном Перекрестке? Она от всей души надеялась на это, но тогда уж лучше оказаться подальше отсюда. Стоило лишь представить, каков он в гневе, и руки Уитни невольно затряслись от страха.

– Трусиха! – выругала она себя и, взмахнув поводьями, направилась к дому Севаринов, где решила узнать, куда собиралась поехать на пикник остальная компания.

Хан вскинул голову, натянул поводья, явно недоумевая, почему плетется шагом. Коню хотелось размяться, но Уитни, окончательно пав духом, не желала его подгонять. Никогда в жизни не чувствовала она себя так отвратительно. Почему, почему, стоило ей приехать на родину, как все усилия исправиться пошли прахом, а жизнь снова превратилась в ад? Как она ненавидит себя за глупую вспыльчивость, от которой, казалось, совершенно избавилась во Франции!

После нескольких минут жесточайших упреков и справедливых обвинений Уитни снова вспомнила о случившемся. В хорошенький же переплет она попала! Вряд ли такое сойдет ей с рук. Не дай Бог, конь сломает ногу и его придется пристрелить! Но так или иначе, отец никогда не простит ее за эту выходку.

Отец! Впервые в жизни она видела одобрение в его глазах, и теперь все пойдет прахом! Он будет презирать ее за жестокое обращение с лошадью и, если Уитни попытается объяснить, что хотела лишь ударить всадника, еще больше разозлится. Нужно каким-то образом все от него скрыть. Слуги не проговорятся, в этом Уитни уверена, а вот как насчет Клейтона Уэстленда? Правда, если она попробует умолять его, просить…

Невеселые мысли были прерваны стуком копыт, выбивавших быстрое стаккато на утоптанной земле, и Уитни, оглянувшись, охнула, заметив Клейтона на взмыленном коне, неумолимо догонявшем ее.

Уитни инстинктивно подняла хлыст, чтобы послать Хана вперед, но сдержалась и опустила руку. Клейтон поравнялся с ней, и девушка содрогнулась при виде потемневшего от неукротимой ярости лица. Одним гибким движением Клейтон перегнулся, схватил правый повод Хана и рывком остановил лошадь.

– Можете отпустить повод, – тихо выговорила Уитни. – Я не собираюсь бежать.

– Замолчите! – прошипел он.

И поскольку у Уитни не оставалось иного выбора, она продолжала покорно сидеть в седле, пока Клейтон вел коней под уздцы, давая жеребцу остыть. В гнетущем молчании она пыталась придумать, что сказать, как ослабить напряжение, но в голове вертелась лишь вежливая похвала Клейтону, так ловко сумевшему укротить норовистого коня. Однако при данных обстоятельствах вряд ли уместно восклицать: «Прекрасная работа, мистер Уэстленд!»

У остатков старой каменной ограды, в нескольких ярдах от ручья, где они впервые встретились, Клейтон остановил коней и спешился. Быстро, но надежно привязав жеребца, он устремился к Уитни, вырвал из ее руки левый повод и стреножил Хана по другую сторону ограды. Лишь потом, резко приказав ей спешиться, он широкими шагами устремился к огромному платану, росшему на вершине холма.

Уитни, заметив плотно стиснутые челюсти, решительную походку, почувствовала в самом низу живота сосущее чувство страха, словно ядовитая змея, давно таившаяся там, наконец подняла голову.

– Предпочитаю оставаться здесь, – пробормотала она, не отрывая от него глаз.

Однако Клейтон, словно не слыша, швырнул на землю перчатки, рывком стащил куртку и уселся, прислонясь спиной к стволу, согнув одну ногу в колене.

– Я велел вам слезть с этого коня!

Голос его, резкий, повелительный, ожег Уитни, словно ударом кнута. Она неохотно подчинилась и, неуклюже соскользнув с Хана, ступила на булыжник и потом так же осторожно – на землю, но продолжала стоять рядом с лошадью, мужественно выдерживая его ледяное презрение. Только сейчас до Уитни дошло, что Клейтон пытается взять себя в руки и укротить бушующий гнев. Оставалось лишь молить Бога, чтобы это ему удалось. Его взгляд медленно скользил по ней и наконец задержался в одной точке, чуть пониже правой руки. Проследив за ним, Уитни обнаружила, что все еще сжимает хлыст для верховой езды. Он тут же выпал из ее онемевших пальцев.

– Насколько я понимаю, есть еще немало вещей, которыми вы наслаждаетесь не меньше, чем верховой ездой, – заметил он с уничтожающим сарказмом.

Уитни нервно сжимала и разжимала кулаки.

– Ну же, не стоит стесняться, – продолжал он тихо, но от этого не менее зловеще. – У вас столько увлечений – а особенно сильно хотелось унизить меня и услышать смиренные извинения, не так ли?

Уитни кивнула, но тут же зажмурилась от яростного пламени, полыхнувшего в глазах Клейтона, и поспешно замотала головой, пытаясь загладить промах неуместного признания.

– Не стоит отрицать. Вы получили огромное удовольствие. И можно предположить, что, кроме верховой езды и моих извинений, вам еще нравится орудовать хлыстом, верно?

Что она могла возразить? Уитни лихорадочно соображала, как лучше себя повести. Она искоса взглянула на Хана, страстно желая очутиться как можно дальше отсюда. Однако Клейтон вкрадчиво, но от этого не менее угрожающе предупредил:

– Даже не пытайтесь.

Уитни не шевельнулась. Вряд ли она сможет сбежать, а если и попытается, он еще больше разозлится! Кроме того, если не позволить Клейтону сейчас сорвать на ней гнев, он, несомненно, пожалуется отцу.

Девушка приготовилась мужественно выдержать любые нападки.

– Вы сами говорили, что у друзей должно быть нечто общее, верно? И хотели, чтобы мы восторгались одними и теми же вещами?

Уитни, конвульсивно сглотнув, снова кивнула.

– Поднимите хлыст! – рявкнул он.

Ледяной озноб страха пробежал по спине Уитни, а сердце забилось оглушительно громко. За всю свою жизнь она никогда еще не сталкивалась с таким холодным, неукротимым бешенством. Она нагнулась и трясущимися пальцами подобрала хлыст.

– Принесите его мне! – отрезал он.

Уитни застыла, неожиданно с ослепительной ясностью осознав его намерения, и Клейтон объявил ужасающе веселым тоном:

– С кем предпочитаете иметь дело, со своим отцом или со мной? Уладим все здесь и сейчас или желаете объясняться с ним?

Уитни терялась в сомнениях. Что лучше – физические страдания от рук человека, которого она презирает, или душевные муки от возобновления прежней непрестанной войны с отцом? Выбора, собственно говоря, не было.

И, не желая доставлять своему палачу удовольствие увидеть ее безумный страх, Уитни по старой школьной привычке гордо вздернула подбородок, приняла вид хладнокровного безразличия и, неспешно направившись к нему, протянула хлыст, словно королева, награждающая рыцарским мечом верного слугу. Полные презрительной надменности зеленые глаза встретились с холодными серыми.

– Ну а теперь мы собираемся разделить все ваши любимые развлечения: верховую езду, работу хлыстом и извинения. Вы оседлаете мое колено, я пущу в ход хлыст, а уж потом ожидаю услышать просьбу о прощении. Надеюсь, вам ясны правила нашей маленькой игры?

Уитни невольно посмотрела на черный кнут для верховой езды и решительно вскинула голову, не давая себе труда ответить.

– Ложитесь на мои колени, Уитни, – велел он, вежливо протягивая руку, чтобы помочь девушке, и та, к своему ужасу, машинально сжала ее. Один рывок, и Уитни упала на колени и со жгучей ненавистью уставилась на Клейтона. Подняв темные брови, он многозначительно кивнул на свое колено.

Утопая в океане стыда, Уитни выполнила приказ. Его жесткие бедра прижались к ее вздрагивающему животу; в дюйме от ее носа жужжала пчела, запутавшаяся в траве. Где-то над Уитни раздался его голос:

– Я остановлюсь, когда вы извинитесь. Не раньше.

Он поднял руку, и Уитни успела лишь растерянно подумать, насколько могут послужить защитой юбки амазонки. Ответ был получен немедленно. Хлыст, свистнув, врезался в нежную плоть, оставив рубец. Клейтон помедлил, ожидая. Ожидая ее мольбы и просьбы о прощении.

Но Уитни лишь крепче стиснула зубы. Он может избить ее до потери сознания, она рта не раскроет. Ничего он не дождется.

Его рука опустилась во второй раз, хлыст немилосердно обжег ягодицы. Еще одна пауза…

Сквозь застилавшую мозг невыносимую боль Уитни продолжала считать, чтобы сохранить разум: три… четыре… пять… Но теперь она тихо всхлипывала. На шестом ударе тело ее дернулось, а из горла вырвался сдавленный вопль. Его рука поднялась в седьмой раз, и Уитни неожиданно для себя крикнула:

– Прекратите! – и тут же прокляла свою слабость.

Он грубо схватил ее за плечи и, повернув, посадил себе на колени. Уитни пыталась отстраниться, но он лишь сжимал руки и, когда девушка прекратила сопротивляться, прижал ее лицом к своей груди. Она тяжело дышала, по щекам бежали жгучие слезы, быстро пропитавшие его сорочку, но Уитни продолжала рыдать, скорее от бессильной ярости, чем от боли. Клейтон, словно успокаивая ребенка, начал гладить ее по голове. Уитни гневно отбросила его руку, но Клейтон, не обращая внимания, продолжал ласкать пышную темно-рыжую копну.

Шли минуты, но Уитни едва успела успокоиться, как его пальцы коснулись ее подбородка, приподнимая лицо.

– Ненавижу вас! – свирепо глядя на него сквозь пелену злых слез, прошептала она.

– Знаю, – спокойно кивнул Клейтон.

Уитни заметила, что на его лице не отражалось ни ожидаемого торжества, ни удовлетворения, и, не найдя в выражении его глаз ничего такого, что подогрело бы пламя ее неприязни, просто отвернулась и пристально уставилась вдаль, лишь время от времени вытирая ладонью очередную соленую каплю.

– Взгляните на меня, – мягко велел он.

– Нет! – шмыгнула носом Уитни. – Боюсь, что выцарапаю вам глаза, помоги мне Боже!

– Вы сейчас сердитесь не столько на меня, сколько на себя.

– Хотите побиться об заклад? – бросила Уитни, но сама почувствовала, как утихает гнев при виде Опасного Перекрестка, чья атласно-черная шкура блестела от пота.

Какое чудо, что лошадь не покалечилась, а всадник оказался достаточно опытным, чтобы не вылететь из седла, и достаточно мудрым, чтобы продолжать скакать верхом, а не повернуть к конюшне. Действительно, настоящее чудо. Двойное! Оба невредимы!

Клейтон был прав – она полна горечи и обиды на себя за то, что сотворила, хотя жалела больше лошадь, чем человека. Поняв наконец, что Клейтон ждет ее извинений, девушка монотонно проговорила:

– Я вовсе не собиралась бить лошадь, а хотела ударить вас. Но так или иначе, это с моей стороны было опасным безрассудством, ребяческой выходкой, за которую меня стоило наказать, как наказывают провинившихся детей.

– Благодарю вас за это, – ответил он почти нежно.

Провиниться, подвергнуться наказанию, почувствовать раскаяние и получить прощение – подобной последовательности событий Уитни никогда не приходилось испытывать в детстве. Когда она извинялась перед отцом, тот, выслушав ее, разражался очередной назидательной тирадой о ее недостатках и несовершенствах. Того же самого Уитни ожидала и от Клейтона. И сейчас она воззрилась на него, едва веря собственным ушам и глазам. В серых глазах светилась неподдельная теплота, на губах играла мягкая, понимающая улыбка.

И Уитни неожиданно почувствовала себя так, словно они стали самыми лучшими, самыми близкими друзьями, словно между ними существовало особенное родство душ. Странное ощущение ошеломило девушку, а потом охватило ее существо, будто весенним разливом сметая все наносное на своем пути.

– Мне ужасно жаль… ведь…

– Ни слова больше, – перебил Клейтон тихо. – Все забыто и прощено.

Он медленно наклонил голову, и Уитни поняла, что он сейчас поцелует ее, но, вместо того чтобы отстраниться, подняла лицо, словно стремясь получить доказательства прощения. Их губы слились в долгом нежном, нетребовательном поцелуе. Даже когда что-то изменилось и между ними пробежала искра страсти, Уитни понимала, что Клейтон позволит ей отстраниться, если она захочет. Но вместо этого ее руки скользнули вверх по его груди, обвились вокруг шеи, и все мгновенно изменилось.

Длинные пальцы развязали шарф и утонули в роскошных прядях. Осторожно сжав ладонями ее лицо, он заглянул в сияющие зеленые глаза.

– Боже, какая ты сладкая! – шепнул он.

Сердце Уитни, казалось, на миг перестало биться, но тут же бешено заколотилось, когда он снова припал к ее губам. Он целовал ее долго и неторопливо, медленными пьянящими поцелуями, обводя языком ее губы, сначала легко, словно дразня, потом настойчиво, требуя, чтобы она раскрыла их, и стоило Уитни подчиниться, как язык властно проник в теплую пещерку, а руки, проведя по спине, спустились ниже, отыскали местечко, где оставил рубцы хлыст, прижали несопротивляющуюся Уитни к мужскому телу и начали нежно гладить, прогоняя боль.

Безумные, буйные, ни с чем не сравнимые ощущения пронзали Уитни с головы до ног, насквозь, до кончиков пальцев, оставляя ее обессиленной, дрожащей, льнущей к этому недавно совсем еще чужому и ненавистному мужчине. Голова кружилась, земля, казалось, перестала вращаться и бешено летела куда-то в пространство, когда он уложил ее на траву рядом с собой и сжал в объятиях. Потом, приподнявшись, наклонился над ней, и Уитни слабо, еле слышно пролепетала:

– Мы не…

Но он властно завладел ее ртом, заглушая протесты, в свирепом, почти безумном поцелуе. Он снова раздвинул губы Уитни, дразня и терзая их своим языком, осторожно входя внутрь и отстраняясь, пока Уитни, сгорая от желания, не коснулась совсем робко своим языком его губ.

Клейтон, застонав, прижал ее к себе, угрожая раздавить, втягивая ее язык себе в рот и лаская его своим языком. Он прервал поцелуй лишь затем, чтобы нежно обвести языком

контуры ее ушка, щеки, прежде чем вновь осыпать поцелуями. Его рука, обжигая кожу, скользила по ее шее, плечам, груди. Он начал с лихорадочной быстротой расстегивать блузку, стремясь поскорее дотронуться до скрытых тонкой тканью упругих выпуклостей, и прикосновение горячих пальцев к ее обнаженной плоти мгновенно отрезвило одурманенный страстью разум Уитни, вернув ее к реальности. Девушка отчаянно затрясла головой, пытаясь оторваться от Клейтона, когда тот спустил с ее плеч сорочку, открывая осеннему ветерку набухшие груди.

– Не смей, – приказал он прерывающимся голосом, с силой припадая губами к ее губам, дерзко гладя белоснежные холмики, наполняя ими ладони, чуть стискивая, терзая чувствительные соски, пока они не превратились в крохотные кинжальчики, коловшие его ладони.

И тут он внезапно и резко отстранился.

Едва не теряя сознания от ласк и поцелуев, Уитни лишь ошеломленно наблюдала, как его пылающие глаза, оторвавшись от ее точеных грудей, остановились на лице.

– Если мы сейчас же не остановимся, малышка, – пробормотал он странным, напряженным голосом, – я не смогу противостоять искушению закончить начатое, и уж тогда меня ничто не удержит.

Нагнув голову, он нежно поцеловал розовые вершинки мягких полушарий, прежде чем неохотно натянуть ей на плечи сорочку. Лишь потом Клейтон лег рядом и, приподнявшись на локте, осторожно коснулся пальцем ее щеки, легко обвел контуры идеально прекрасного лица. Как он восхищался ее неукротимым духом, мятежным нравом, свежестью и чистотой! Она была самим воплощением тепла и пробуждавшейся страсти, словно налитый соками плод, спелый и готовый к тому, чтобы его сорвали, – об этом настойчиво напоминала томительная боль в его чреслах. Уитни была не только именно такой, какую ожидал увидеть Клейтон, но чем-то большим, неизмеримо большим… упрямая, милая, сладостная, вспыльчивая и живая, дерзкая и своевольная, застенчивая и остроумная… сокровище, средоточие волнующих контрастов. Его сокровище!

Уитни грелась в лучах его нежной, чуть ленивой улыбки и, протянув руку, нерешительно дотронулась до мускулистой груди. Он накрыл ее ладошку своей, прижав к тому месту, где громко билось сердце.

Погруженная в грезы девушка мечтательно вслушивалась в звуки теплого осеннего дня. Белка взбегала на вершину дерева с орехом, готовясь к зиме; кузнечики громко трещали, в грубоватой гармонии исполняя осеннюю серенаду. Одна из лошадей нетерпеливо переминалась, но Уитни продолжала лежать, удивляясь тому, что не смогла разглядеть до сих пор, как необыкновенно красив Клейтон.

Однако следующие его слова заставили ее буквально рухнуть с небес на землю:

– Пора ехать – и без того придется объяснять всем и каждому, почему мы так задержались. – И, увидев, как разочарованно нахмурилась девушка, весело хмыкнул и снова прижался игривым поцелуем к маковке груди. – Наглая, бесстыдная девчонка! – тихо поддразнил он.

Уитни, залившись краской, рванулась, чтобы поскорее сесть, и Клейтон начал приглаживать ей волосы.

– Конечно, – пробормотала она, вскакивая, – нам… нам давным-давно следовало бы быть на пикнике.

Клейтон потянулся к ней, но девушка отвернулась и торопливо отошла. Почти подбежав к лошади, она попыталась сесть в седло, но Клейтон подошел сзади и, обняв ее за талию, прижался грудью к спине.

– Малышка, – прошептал он, покрывая поцелуями ее шею, – вот увидишь, настанет время, когда я еще много раз буду сжимать тебя в объятиях, только гораздо дольше и гораздо сильнее. Обещаю.

Уитни с трудом верила собственным ушам! Сначала он называет ее бесстыдной девчонкой, а потом клянется позволить себе и другие вольности, чтобы удовлетворить ее вожделение! Неужели она забыла, что самомнение его не имеет границ, не говоря уже о том, что она не встречала человека безнравственнее!

Уитни вырвалась, небрежно глянула через плечо и, приняв по возможности презрительный вид, хотя в душе невыразимо мучилась от унижения, осведомилась:

– Вы так думаете?

– Абсолютно уверен, – хищно улыбнулся Клейтон.

– Я бы на вашем месте на это не рассчитывала, – посоветовала Уитни, снова отворачиваясь и перебирая поводья Хана.

Клейтон легко поднял ее в дамское седло, но не убрал руку с бедра.

– Где будет пикник? – дрожащим голосом спросила она.

– На маленькой поляне между домом Севарина и моим, – пояснил он, вскакивая на спину жеребца.

Уитни больше всего на свете хотелось ускакать от Клейтона Уэстленда как можно дальше, и в то же время она понимала, что должна скрыть, какую боль он причинил ей. Поэтому, выдавив улыбку, она с деланной веселостью воскликнула:

– Увидимся на поляне!

И, повернув Хана, послала его в головокружительный галоп. Волосы развевались за спиной, ветер охлаждал разгоряченное лицо. Она едва не плакала от стыда. «Наглая, бесстыдная девчонка!» Так назвал ее Клейтон, и поделом! Позволить ему целовать себя подобным образом… и, Боже праведный, разрешить… касаться груди! И этот нахал решил, что вознаградит ее за уступчивость, пообещав в следующий раз сжимать ее в объятиях гораздо дольше и крепче! Куда делись ее гордость, моральные устои? Как могла она вести себя столь непристойно? Уитни чувствовала себя последней идиоткой оттого, что валялась с ним в траве и… и желала его ласк! А ведь он точно знал, что она испытывала в эти минуты! И прекрасно умеет вызвать в женщине желание!

Впереди показались фигуры участников пикника. Яркие костюмы и платья расцветили зеленые склоны невысоких пригорков. Даже на таком расстоянии Уитни смогла различить силуэт Пола. Пол! Она едва не застонала вслух, представив, как он будет презирать ее, если когда-нибудь узнает о том, что произошло в траве у ручья. В глазах Пола… и всех окружающих ее репутация навеки погибнет!

Уитни оглянулась, заметила, что опередила Клейтона приблизительно на десять корпусов, и во внезапном лихорадочном стремлении как можно скорее добраться до остальных, не показывая виду, что она просто панически бежит от этого человека, подняла хлыст, давая понять, что вызывает его на поединок.

– Хотите наперегонки? – громко окликнула она его.

– Если считаете, что у вас есть шанс, – засмеялся Клейтон. – Даю десять корпусов форы! – прокричал он в ответ.

Уитни хотела сначала отвергнуть предложение, но решила, что во всем, где замешан Клейтон, стоит попытаться выиграть любыми средствами. Пригнувшись к шее Хана, она слегка тронула его бок каблуком и устремилась вперед с такой скоростью, что, казалось, обрела крылья. Воздух свистел в ушах. Но уже приближаясь к остальной компании, она вновь оглянулась, чтобы проверить, насколько успела опередить соперника. К ее величайшему удивлению, смешанному с горечью поражения, девушка обнаружила, что вороной жеребец находится всего в девяти-десяти шагах. Сначала Уитни показалось, что она все же выиграет скачку, но Опасный Перекресток рванулся вперед и опередил Хана на четверть корпуса.

Подбежавший грум взял у нее поводья и помог спешиться. Уитни расправила юбки и, делая вид, что не замечает Клейтона, попыталась пройти мимо. Но он нагнулся с седла и фамильярно пощекотал ее под подбородком.

– Я выиграл.

Грум, наклонившийся, чтобы проверить правую переднюю ногу Хана, поднял глаза и вежливо пояснил:

– Лошади леди попал камешек в подкову, сэр.

Уитни уже хотела под этим предлогом оспорить победу Клейтона, но появление Пола заставило ее забыть обо всем.

– Где, черт возьми, вы до сих пор прохлаждались?

– Мой конь понес, – спокойно пояснил Клейтон, спешиваясь.

Пол перевел скептический взгляд с покорно стоявшего вороного жеребца на раскрасневшееся, гневное лицо Уитни.

– Я уже начал беспокоиться, – сказал он ей.

– Правда? Не было никакой нужды волноваться, – пробормотала Уитни, уверенная, что выглядит такой же виноватой, как чувствует себя.

Пол повел девушку к светло-голубому одеялу, разостланному на траве, усадил рядом с Эмили и ее мужем и сам сел подле нее так, что напротив оказались Элизабет и Питер.

Клейтон взял предложенный слугой бокал вина, направился к одеялу, разостланному в двух шагах от компании Уитни, и устроился рядом с Маргарет Мерритон и еще одной парой. Уитни успела увидеть счастливую улыбку Маргарет и подумала, что, если бы не постоянно злобный прищур, Маргарет могла бы считаться очень хорошенькой. Однако сейчас ее зеленовато-карие глаза засверкали ненавистью при виде Уитни.

– Если вы устроили скачки, значит, ты проиграла, Уитни? – прошипела она.

– Так оно и было, – немедленно подтвердил Клейтон, смеющимся взглядом призывая Уитни попробовать опровергнуть его.

– Вы забыли упомянуть, что моему коню попал камешек в подкову, – отпарировала Уитни. – И кроме того, скачи я на вашем жеребце, наверняка обогнала бы вас не на четверть корпуса, а куда больше!

– Но в этом случае, юная леди, боюсь, пришлось бы звать родных к вашему смертному одру, – возразил он, ухмыляясь.

– Мистер Уэстленд, поверьте, я могу справиться с этим жеребцом и получить куда лучшие результаты, чем вы, – холодно бросила Уитни.

– Если вы так считаете, что ж, я возьму одного из своих коней, а вы – этого вороного в любое время, как только захотите взять реванш.

Доведенная до предела издевательскими репликами, Уитни немедленно подняла брошенную перчатку.

– Обыкновенный скаковой круг, – предложила она. – И никаких препятствий. Этот конь еще не обучен прыжкам.

– Но сегодня он превосходно взял несколько оград, насколько я припоминаю, – сухо заметил Клейтон. – Однако все будет, как вы хотите. Сами выберете маршрут.

– Не слишком ли это рискованно? – встревоженно осведомился Пол.

Уитни метнула на Клейтона мстительный взгляд и сказала с куда большей уверенностью, чем чувствовала на самом деле:

– Конечно, нет! Я легко выиграю.

– Собираешься снова надеть мужские брюки и сесть на коня верхом? Или снимешь башмаки и попытаешься встать ему на спину в полный рост? – злобно процедила Маргарет.

Остальные, словно по взаимному согласию, начали говорить о чем-то, заглушая голос Маргарет, но до Уитни доносились обрывки фраз:

– Опозорила отца… скандал на весь город…

Слуги начали разносить корзинки с холодными цыплятами, сыром, ветчиной и грушами. Уитни, решительно приказав себе не обращать внимания на выходки Маргарет, а наслаждаться близостью Пола и этим теплым днем, стала рассеянно прислушиваться к шутливой перепалке между Эмили и ее мужем Майклом.

– Уитни и я заключили пари, когда были очень молоды, – объясняла та. – Кто из нас первой выйдет замуж, тот платит штраф пять фунтов.

– Чистая правда, – улыбнулась Уитни. – Я и забыла.

– Поскольку именно я повлиял на ее решение выйти замуж, – улыбнулся Майкл Арчибалд, – будет справедливо, если штраф заплачу я.

– Вы правы, – согласилась Уитни. – И надеюсь, Эмили не в последний раз позволит вам повлиять на ее решение, милорд.

– Я тоже, – объявил лорд Арчибалд с таким преувеличенным отчаянием, что Уитни разразилась смехом.

Пол наклонился ближе, и Уитни подняла на него смеющиеся глаза.

– Надеюсь, ты позволишь мне повлиять на твое решение? – осведомился он шепотом.

Это было так похоже на признание в любви, что Уитни с трудом верила ушам.

– Кто знает… – так же тихо ответила она, не в силах оторвать взгляд от неотразимых голубых глаз.

Резкий порыв ветра ударил в лицо, разметал волосы по груди и плечам. Уитни машинально схватилась за голову в поисках шарфа в желто-белый горошек, стягивающего непокорные пряди, но он исчез.

– Вы не это ищете? – лениво поинтересовался Клейтон, вытаскивая из кармана шарф и протягивая ей.

Губы Пола рассерженно сжались, а Уитни выхватила у Клейтона шарф. Она понимала, что он намеренно заставил всех гадать, не только каким образом шарф оказался в его кармане, но и почему они оба приехали так поздно. К своему ужасу, она почувствовала, что снова виновато краснеет, и сама идея о том, чтобы собственными руками расправиться с Клейтоном, наполнила ее мрачным восторгом. Она с огромной радостью проткнула бы негодяя шпагой, или разнесла голову выстрелом из пистолета, или даже увидела его свисающим с дерева в веревочной петле.

Позже, когда последние участники пикника разъехались, Пол велел груму ехать на Хане, а сам усадил Уитни в сверкающую лаком коляску. Лошади помчались по сухой пыльной дороге, а Пол правил в сосредоточенном молчании.

– Пол, вы сердитесь на меня? – наконец осмелилась осторожно спросить Уитни.

– Да, и вы знаете почему.

Уитни действительно знала и разрывалась между тревогой и радостью. Значит, все-таки существует, хотя и весьма отдаленная, возможность, что Клейтон Уэстленд станет именно тем стимулом, который так необходим Полу, чтобы объявить о своих чувствах, и немедленно! Весь этот день Пол явно сгорал от ревности, знакомой лишь влюбленным.

Свернув на подъездную аллею, Пол натянул поводья и обернулся к Уитни, положив руку на спинку ее сиденья.

– Не помню, говорил ли я сегодня, что вы прекрасны, – выдохнул он.

– Спасибо! – ответила Уитни с радостным изумлением.

Пол неожиданно улыбнулся:

– Я приеду завтра утром, в одиннадцать, и тогда мы обо всем поговорим.

– О том, как я чудесно выглядела сегодня? – поддразнила Уитни.

– Нет, о том, почему я сержусь.

– Я бы предпочла поговорить о первом, – вздохнула девушка.

– Вероятно, – хмыкнул Пол и, спрыгнув на землю, помог ей сойти.

На следующее утро он действительно явился ровно в одиннадцать, и, встречая его на пороге гостиной, Уитни с трудом верила, что он на самом деле здесь и приехал ради нее. Сколько лет она мечтала об этом!

Пол выглядел невероятно красивым, особенно когда смеялся над каким-то остроумным замечанием леди Энн.

– Мне нравится твой молодой человек, – шепнула тетя, выходя из комнаты.

– Он еще не мой, – покачала головой Уитни, однако в голосе звучала робкая надежда.

Небо было безоблачным, дул свежий ветерок, мягко шевеливший светлые волосы Пола, когда молодые люди ехали по проселочной дороге в удобной коляске, болтая и смеясь, останавливаясь время от времени лишь затем, чтобы полюбоваться особенно привлекательным пейзажем. Зелень деревьев давно сменилась оранжевым и золотым пламенем последних листьев, и для Уитни этот день стал лучшим в ее жизни.

Пол, как всегда веселый и обаятельный, обращался с ней как с хрупкой фарфоровой статуэткой, словно она не была когда-то той самой озорной девчонкой, попадавшей из одной беды в другую. Даже сейчас, годы спустя, она съеживалась от стыда, вспоминая, как пыталась поцеловать его и умоляла дождаться.

Они пообедали вместе с матерью Пола, и, хотя сначала Уитни была полна самых дурных предчувствий относительно этого события, ее опасения не подтвердились и они прекрасно провели время.

Встав из-за стола, они направились через лужайку к опушке леса. Пол предложил Уитни сесть на качели, свисавшие с толстой ветки дуба.

– Почему вы и Уэстленд так опоздали на вчерашний пикник? – без обиняков спросил он внезапно.

Уитни вздрогнула, но тут же пожала плечами, стараясь принять безразлично-недоумевающий вид, хотя на самом деле сгорала от унижения.

– Мы взяли вороного жеребца, а он доставил нам кучу неприятностей.

– Простите, Уитни, но мне весьма трудно поверить в это. Я не раз ездил верхом с Уэстлендом – он не новичок там, где дело касается лошадей. И вчера он выглядел совершенно укрощенным и покорным.

– Кто именно? – шутливо осведомилась Уитни. – Опасный Перекресток или Уэстленд?

– Я говорил о поведении вороного, но теперь, когда вы упомянули об этом, предпочел бы узнать, как вел себя Уэстленд.

– Пол, ради Бога! – умоляюще охнула она. – Вы не хуже меня знаете, что некоторые лошади бывают совершенно непредсказуемыми и могут выбить из седла самых опытных всадников.

– Тогда, может, объясните мне, почему, если этот конь так чертовски неуправляем, вы решились скакать на нем наперегонки с Уэстлендом?

– Ах это… ну что же… он насмехался надо мной, и у меня не было другого выхода. – Сквозь опущенные ресницы Уитни украдкой взглянула на мрачное, полное сомнений лицо Пола. Учитывая обстоятельства, ей ничего не оставалось, как развеять его подозрения, выказав праведное негодование. – Пол… я не выношу этого человека и не… не думаю, что с вашей стороны справедливо так меня мучить. Это нечестно и неприлично.

Пол неожиданно улыбнулся:

– В жизни не думал, что придет тот день, когда вы станете заботиться о приличиях. – И, стянув ее с качелей, схватил в объятия. – Боже, как вы прекрасны…

Уитни затаила дыхание, снова и снова ошеломленно повторяя про себя: «Он собирается меня поцеловать!»

Она так нервничала, что с трудом подавила истерический смешок, пока Пол медленно наклонял голову. Но при первом же прикосновении его теплых твердых губ все мысли куда-то улетучились.

Уитни пыталась удержать свои руки, но они против воли скользнули по его груди. Однако она по-прежнему опасалась отдаться поцелую, боясь, что Пола может каким-то образом оскорбить глубина ее чувств.

Но Пол не позволил ей оставаться безучастной. Он крепче сжал объятия, захватив ее в сладостный плен, прижав к мускулистой груди и завладев губами в легком нежном поцелуе, постепенно превратившемся в голодный и требовательный. К тому времени, когда он наконец отпустил ее, ноги Уитни подгибались. Девушка с упавшим сердцем поняла, что ее только что целовал мужчина, несомненно, много знавший о поцелуях и обладавший большой практикой в этом искусстве. Неудивительно, что Пол всегда имел такой успех, а женщины и девушки всей округи грезили о нем.

Пол наблюдал за Уитни с довольным, самоуверенным видом.

– Вы очень хорошо целуетесь, – заметила она, надеясь, что выглядит так, словно имеет право судить.

– Благодарю, – с легким раздражением парировал Пол. – Кажется, это заключение основано на вашем огромном опыте, приобретенном во Франции?

Уитни снова села на качели, улыбнулась Полу и, ничего не ответив, сильным толчком послала качели вперед. Но не успела она взлететь второй раз, как сильные руки Пола сжали ее талию и бесцеремонно стащили с раскачивающегося сиденья.

– Ах ты дерзкое, невыносимое создание! – хмыкнул он, схватив ее в объятия. – Если я не стану остерегаться, наверняка совершу еще больше глупостей, чем эти жеманные парижские фаты!

– Но они, – слабо запротестовала Уитни за мгновение до того, как он закрыл ей рот губами, – вовсе не были жеманными фатами.

– Прекрасно, – хрипло пробормотал он, – ненавижу находиться в дурной компании.

Сердце Уитни радостно подскочило.

– Что все это значит? – прошептала она, почти не отнимая губ.

– Это значит, – ответил Пол, стискивая руки и вновь осыпая ее жадными поцелуями, – что я с ума по тебе схожу.

Два часа спустя Уитни, погруженная в мечты, плавно, словно скользя над землей, переступила порог, и дворецкий Сьюелл почтительно сообщил, что ее тетя, отец и мистер Уэстленд в данный момент пребывают в отцовском кабинете. Уитни метнула любопытный взгляд на закрытую дверь, желая удостовериться, что ее никто не видел, и поспешила наверх к себе. Ничто, абсолютно ничто не сможет омрачить ее счастья, кроме разве вида Клейтона Уэстленда!

Облегченно вздохнув, девушка закрыла дверь и бросилась на постель, перебирая в памяти события прошедшего дня.

* * *

Леди Энн сдержанно присела перед герцогом Клеймором, стараясь не дать воли непрошеным слезам. Герцог поклонился и широким шагом вышел из комнаты. Однако леди Энн продолжала стоять неподвижно, боясь, что сердце сейчас разорвется от боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.